

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ООО «Учебный центр “Информатика”»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Часть 1

Философия, культурология и искусствоведение

Материалы третьей международной
научно-практической конференции (26–28 апреля 2013 г.)

Пермь 2013

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008

ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

А 43

Научные редакторы – к. филос. н. *К.В. Патырбаева, А.В. Попов, Е.Ю. Мазур*

А 43 **Актуальные** проблемы современных социальных и гуманитарных наук: материалы третьей междунар. науч.-практ. конф. (26–28 апреля 2013 г.) : в 4 ч. – Ч.1: Философия, культурология и искусствоведение / науч. ред. *К.В. Патырбаева, А.В. Попов, Е.Ю. Мазур*; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – 208 с.

ISBN 978-5-7944-2119-4

ISBN 978-5-7944-2120-0 (ч.1)

В сборнике публикуются материалы третьей международной научно-практической конференции (26–28 апреля 2013 г.) «Актуальные проблемы современных социальных и гуманитарных наук», организованной Пермским государственным национальным исследовательским университетом при партнерской поддержке ООО «Учебный центр “Информатика”».

В сборник включены статьи, посвященные решению актуальных вопросов современного социально-гуманитарного знания – философии, культурологии, психологии, педагогики, филологии, экономики, политологии, юриспруденции и др.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития науки, современного социально-гуманитарного знания.

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008

ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Печатается по решению оргкомитета конференции

Организационный комитет конференции:

Канд. филос. наук, доцент каф. философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА, докторант каф. философии ФГБОУ ВПО ПГНИУ *К.В. Патырбаева (г. Пермь)*; эксперт в области территориального развития, магистр географии, магистр менеджмента *А.В. Попов (г. Пермь)*; ст. преп. каф. спец. психологии ФГБОУ ВПО ДВГТУ *Е.Ю. Мазур (г. Хабаровск)*; д-р физ.-мат. наук, проф., зав. каф. прикл. матем. и информ. ФГБОУ ВПО ПГНИУ *С.В. Русаков (г. Пермь)*; педагог-психолог высшей квалификационной категории *М.И. Патырбаева (г. Пермь)*; MA in Philosophy *Constantinos Maritsas (Bulgaria)*.

Администрация проекта FEAP: *К.В. Патырбаева, А.В. Попов, С.В. Русаков.*

ISBN 978-5-7944-2119-4

ISBN 978-5-7944-2120-0 (ч.1)

© Пермский государственный
национальный исследовательский
университет, 2013

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF
THE RUSSIAN FEDERATION

State educational institution of higher education

«PERM STATE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY »

The Educational Center “Informatics”, Ltd

**ACTUAL ISSUES
OF SOCIAL AND HUMANITARIAN SCIENCES**

Part 1

Philosophy, Culturology, Study of Art

The collection of scientific writings as a result of participation in the III
International Theoretical and Practical Conference (Russian Federation,
Perm, April 26th-28th of 2013)

Perm 2013

BBK 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Actual issues of social and humanitarian sciences: the collection of scientific writings as a result of participation in the III International Theoretical and Practical Conference (Russian Federation, Perm, April 26th-28th of 2013) : in 4 parts. – Part 1. Philosophy, Culturology, Study of Art /edited by K.V.Patyrbaeva, A.V.Popov, E.Yu.Mazur; Perm State National Research University. – Perm, 2013. – 208 p.

ISBN 978-5-7944-2119-4

ISBN 978-5-7944-2120-0 (p.1)

This book is the collection of scientific writings as a result of participation in the III International Theoretical and Practical Conference (Russian Federation, Perm, April 26th-28th of 2013), which was organizing by Perm state national research university and the Educational Center “Informatics”, Ltd.

There are papers about actual issues of modern social and humanitarian sciences.

The book can be interesting for scientists and others interested in modern social and humanitarian sciences.

BBK 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Published by the decision of the organizing committee of the conference and the FEAP project administration

The organizing committee of the conference: K.V. Patyrbaeva, S.V. Rusakov, A.V.Popov, E. Yu. Mazur, M.I. Patyrbaeva, C. Maritsas.

FEAP project administration: K.V. Patyrbaeva, S.V. Rusakov, A.V. Popov

ISBN 978-5-7944-2119-4

ISBN 978-5-7944-2120-0 (p.1)

© Perm State National Research University, 2013

Вступительное слово научного редактора

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Перед Вами открываются страницы сборника научных трудов, изданных по итогам третьей международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современных социальных и гуманитарных наук» (26–28 апреля 2013 г.).

Данная конференция была организована Пермским государственным национальным исследовательским университетом и ООО «Учебным центром “Информатика”».

Первая совместная работа была сделана в 2011 году. Тогда в июне совместно с фондом «Наследие наших деревень» была организована и проведена первая всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы современных социальных и гуманитарных наук», в июне 2012 года прошла вторая конференция с таким же названием.

С октября 2012 года идея организовывать дистанционные конференции и издавать сборники оформилась в отдельный проект, имеющий сегодня ряд направлений работы.

Проект был назван «Fast & Easy Academic Publishing» («Быстрая академическая публикация»). Это – проект ООО «Учебный центр “Информатика”». Его руководителем и

идеологом стала молодой кандидат наук, докторант кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета Патырбаева Ксения Вадимовна. В октябре 2012 года в рамках проекта была организована и проведена первая международная конференция с выпуском научных трудов «Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом». Затем последовали дистанционные конференции в декабре 2012 года («Общество на рубеже эпох: современность через призму социальных и гуманитарных наук»), феврале 2013 г. (вторая международная конференция «Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом»), апреле 2013 г. (третья международная конференция «Актуальные проблемы современных социальных и гуманитарных наук»).

За это время количество участников существенно возросло, что отразилось, прежде всего, на объемах выпускаемых нами книг. Начиная с первой дистанционной конференции 2011 года, у нас опубликовали свои работы более 500 человек, было издано общей сложностью 10 книг.

Первая организованная нами конференция носила статус всероссийской конференции. Теперь же мы по праву можем назвать наши мероприятия международными. В наших сборниках представлены статьи ученых из России, Украины, Беларуси, Казахстана, Армении, Азербайджана, Болгарии, Молдовы, Японии, Ирана, США.

Мы благодарны нашим постоянным авторам и надеемся, что таковых со временем будет еще больше.

Отдельную благодарность хочется высказать доктору физико-математических наук, профессору, заведующему кафедрой прикладной математики и информатики Пермского государственного национального исследовательского университета Сергею Владимировичу Русакову за помощь в подготовке настоящих изданий.

Также в создании сборников активное участие приняли М.И.Патырбаева, А.В.Патырбаева, Е.Ю.Мазур, А.В.Попов, Н.В.Алифанова.

Уважаемые участники конференции, благодаря Вам, Вашим статьям, Вашей активности стало возможным настоящее издание!

Успехов Вам во всех делах и начинаниях!

А мы постараемся, чтобы публикации в наших книгах доставляли Вам максимум комфорта.

*С уважением и надеждой на дальнейшее сотрудничество, кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА, докторант кафедры философии ФГБОУ ВПО ПГНИУ, член редакционной коллегии электронного журнала ПГНИУ «Университетские исследования», научный редактор и руководитель проекта FEAP **Ксения Вадимовна Патырбаева***

The introduction

Dear friends!

These books are result of III International Correspondence (Distant) Theoretical and Practical Conference named as «ACTUAL ISSUES OF SOCIAL AND HUMANITARIAN SCIENCES». This conference was organized by Perm State National Research University and Educational Center Informatics, Ltd.

We have worked together since 2011 year. The first distance conference was organised in June of 2011. The second distance conference was organised in June of 2012.

The idea to do distant conferences and publish the collections of scientific writings had success. So we decided to do the same events more often and gave the name to our project as “Fast & easy academic publishing” (this is the project of Educational Center Informatics, Ltd).

Among already done events there are the next: I International Distant conference «Actual social and humanitarian knowledge in Russia and abroad” (October 2012); International Distant Conference «Society on the Edge of Times: Modernity through the prism of Social and Humanitarian Sciences» (December 2012); II International Distant Conference «Actual social and humanitarian knowledge in Russia and abroad » (February 2013).

We love our job and we are really happy to publish your papers in our books.

All the best,

Candidate of science, editor and FEAP project manager Kseniya V. Patyrbaeva

A handwritten signature in blue ink, appearing to be 'K. Patyrbaeva'.

РАЗДЕЛ I.

**ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ И
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**

SECTION I.

PHILOSOPHY, CULTUROLOGY, STUDY OF ART

Sharon Worley

Adjunct Professor

University of Houston, Downtown, Texas, USA

Ph.D. Humanities, University of Texas

M.A. Art History Tufts University

Italy as a Code of Freedom:

Louise Stolberg's Anti-Napoleonic Salon in Florence, Italy

Censorship and Women's Epistolary Method

Romantic feminists adopted the epistolary genre as a method of reporting on the Italian Revolution and the specter of tyranny. It also allowed for imagined spheres where art and literature converged with social and political constructs in war zones. Here the ideal Enlightenment vision of society did battle with the eventuality of martial defeat. From the perspective of the Enlightenment, these could only be grasped in the philosophical nature of democracy, and its expression in salon culture. The subversive influence of women had a pervasive effect on the authors and artists they patronized, creating a homogenous cultural paradigm that warranted victory or criminal conceit. The classical world encoded in the revival of literary texts dating back to Homer and Virgil, and the Renaissance works of Dante and Petrarch became the guiding touchstones for international freedom currents in a culture based on the tension between Enlightenment ideals and the corrupt imperial political regimes. In retracing the steps of Homer or Virgil, one discovered a map of freedom in ancient monuments of the past which transcend time and place in the realm of international culture. While celebrating the past, these salon members actively worked for the future in covert strategies that supported Italy's freedom and anticipated the Risorgimento. Their cultural texts and monuments can be viewed as a coherent propaganda program designed to rally support for their cause: ending Napoleonic hegemony in Europe.

2. Civil War in Italy and the Landscape of Nationalism

Writing on December 21, 1805, following the victories of Napoleon in Venice and the Tyrol, Louise Stolberg, Countess d'Albany, and former wife of Charles Stuart, leader of a Jacobite Rebellion and the last Stuart Pretender to the British throne, confided to the archiprêtre Asano Luti, professor of theology and canonical rights, that she found that the *capitaine modern* [Napoleon] resembled Caesar, but without the virtues[1]. The ironic comparison could be humorous, but in light of the contemporary political climate, would more likely lead to censorship and arrest. By this time, such comparisons with Caesar had become associated with revolutionary connotations. When Stolberg's lover, Vittorio Alfieri, wrote his play about the assassination of Caesar by "The Second Brutus" in 1789, he dedicated it to the revolutionaries whose activities he and Stolberg observed from the windows of their Paris apartment. Before her execution, Jean Paul Marat's assassin,

Charlotte Corday proclaimed the need to execute all Caesars to promote the will of the people. De Staël would later make such explicit comparisons in her survey *De l'Allemagne* in comparing Napoleon to Caesar and the barbarian Attila the Hun which resulted in the book's censorship. Subjected to censorship, the epistolary genre, was used by women as a sphere of action in the political arena, who found the courage to express their views.

From the vantage of Florence, the capital of Tuscany, Stolberg witnessed each phase of the occupation. She discussed each phase of the Italian military campaigns in her correspondence revealing that she was not only well versed in the salon culture of her day, but was also a keen observer of the political offensive and counter offensive. In the year prior to the death of Alfieri, she developed a close relationship with her confidant Luti. Writing in December 1802, Stolberg comments on the Hapsburg Grand Duke of Tuscany, Ferdinand III's renunciation of the throne in 1801 with the creation of the Kingdom of Etruria by Napoleon. The political machinations of France, Russia and Austria created the situation in which he was forced to withdraw from Italy. From any perspective, in her mind, "C'est un grand malheur pour la Toscane que d'avoir un souverain dans cet état [2]." In December 1802, he was compensated with the Dukedom and electorate of Salzburg and made a Prince-elector to the Holy Roman Empire, while Napoleon's sister, Elise, became Grand Duchess of Etruria and ruled from her seat at the former Medici palace, the Palazzo Pitti in Florence. Napoleon's sister Caroline became the Queen of Naples, and his sister Pauline was married to the Borghese Prince Camillo. Civil war was the result of Napoleon's invasions of Italy. The working classes revolted against army conscriptions imposed by the extended conflicts. The targets were initially Jacobins and subsequently the Napoleonic states. These conflicts sowed the seeds of revolt that would ultimately lead to the unification of Italy during the Risorgimento [3] Stolberg and members of her salon gave expression to the emerging nationalist agenda by giving aesthetic form to political realities. Sarah Corse identifies three stages of nationalist literature: context, canon and the role of the nation. She suggests that a national literature emerges when it reflects the common values and experiences of a people within a national context. As a result of critical evaluation, a canon of the best examples of literature emerges. Finally, taking into consideration the explicit function of the nation as the lightning rod of common feelings of patriotism creates a distinct genre of literature with nationalist features.[4] The literature and art fostered by the Stolberg circle created a nationalist literature that responded to an evolving nationalist agenda. By relying on an accepted canon of Italian literature, authors like Vittorio Alfieri and Ugo Foscolo added to a body of literature without alienating splinter political groups. Consequently, they encouraged the cogent features of nationalism that ultimately led to unification. As such, the Stolberg circle in Florence contributed to what Larry Isaac defines as POC (Production of Culture), or a body of work which intentionally reflects the political and social features of a particular movement thereby creating a distinct genre classification [5]. While labor movements at mid-centuries created bodies of work that extolled or vilified the laboring classes, the Stolberg circle returned to what we might call

an accumulated repository of nationalist literary references. The nation thus becomes an abstract and virtuous identity to whom people would swear their allegiance without disputing political points. The metaphor of nationalism in Italian literature sought one common point of reference: the acknowledgement of the greatness of Italian culture. At the same time, through literary reference and metaphor, Alfieri's dramas effectively addressed the problems of civil war, and the need to resolve conflicts in the best interest of the people as a whole.

Stolberg's political analysis within the epistolary genre was always accompanied by such literary and aesthetic references which encoded the political events with nationalist literary metaphors. Her observations were not only limited to the observation of transfers of state under the Napoleonic empire, she also noted that as the sovereign of Venice, Ferdinand possessed the financial backing to wage wars. The bad government would not have the power to become a republic again. Ferdinand's Austrian alliance precipitated the invasion of Tuscany by Napoleon which resulted in the Treaty of Luneville in 1801. In 1797, he concluded a treaty with Napoleon which resulted in heavy war levies paid to France, and the confiscation of some of Florence's most valuable artworks which were removed to the new *Musée Napoleon* in Paris. Stolberg compares the political reality to the character's King Saul in the Bible or Shakespeare's King Lear. King Lear, the Celtic king who divides his estate among his three daughters after going mad, aptly described the plight of modern Italians who failed to rally to the cause of nationalism to prevent the division of the nation among the competing imperialistic forces of France and Austria. However, King Saul was closer to her heart. One of Alfieri's tragedies was about King Saul, and his tragedies were all laced with revolutionary connotations, and specifically civil war. Alfieri's tragedy, *Saul*, was an apt analogy to the occupation of Italy. Civil war was the outcome of Napoleon's strategy as he occupied states, changed governments and replaced rulers. The tragedy is concerned with a battle between the Israelites and Philistines. However, the real conflict takes place between David and Saul, and Saul and his conscience. The prophet Samuel has died after anointing David the new king of the Israelites. Though David is married to King Saul's daughter, Michal, this enrages the old king who seeks to eliminate his rival. Without David's support as a warrior in battle, the Israelites are doomed to lose and perish. Saul has a dream in which the hand of God smites him with a thunderbolt. This event foreshadows the death of Saul and defeat of the Israelites under his leadership. Once he is surrounded by his enemies, Saul commits suicide by falling on his sword. The plot is concerned with the fitness of the king to rule. As in Sophocles' *Oedipus Rex*, Saul like Oedipus, demonstrates his inability to rule by instigating a paranoid purge of his rival. The sword is a motif which recurs throughout Alfieri's drama and signifies the rightful ruler through his valorous deeds [6]. In 1803, Stolberg commissioned Fabre to create a painting based on the drama. Here we see Saul's vision of God wielding a thunderbolt like a sword over Saul's head foreshadowing the king's death complemented by a group of dead soldiers on the right hand side (Fig. 1) [7].

Through the epistolary genre, Stolberg emerges as one of the most powerful foreign patrons in Italy. Her influence stretched to the epicenter of the Italian revolutionary movement. The movement was directly inspired by the French revolutionary model, and sought to shape Italian nationalist identity in the midst of foreign invasion and conquest. In 1790, Stolberg's salon in Paris included the leading revolutionaries Joseph and Andre Chenier, Mirabeau and Josephine de Beauharnais. Andre Chenier wrote to Alfieri: "C'est une belle et bonne chose que cette liberté, mais il est bien dur de la voir prendre possession d'un pays [8]." From the vantage of Paris in 1790, clearly half the battle was won through literary and visual propaganda. The politicization of literary arts became the driving force behind Stolberg's salon and patronage which allied her with the greatest Italian patriots of her time. From her correspondence, one can determine the desired impact of activities. She discovers that the political landscape of modern Europe was continually shifting, and that through her personal connections, she is able to guide the ship of state to its desired destination: a model of national unity and political democracy. Her close relationship with Alfieri was complemented by that with the Neoclassical painter and pupil of David, Fabre, whom she mentions in the same letter had just received a commission for three paintings for the new church in Arezzo. In the same year, Fabre completed the painting entitled, *The Vision of Saul*. Stolberg relied upon such metaphoric parallels to encourage the unification movement in Italy from a grassroots movement of nationalist based revolutionaries who hinged their hopes on the fulfillment of a nationalist destiny to the authors and artists who gave voice and form to their political stirrings. She mentions that he received a commission for three history paintings from the church. The Cathedral of Arezzo itself was a repository of great renaissance art including work by Donatello, Giotto, Andrea della Robbia and Piero della Francesca. To the Gothic structure was added the Neoclassical chapel of the Madonna del Confort in 1796. Combining Neoclassical art with Italy's vast repository of religious art is a distinguishing characteristic of the Italy's nationalist movement which de Staël would later give expression to in her novel *Corinne* (1807).

The Literary Salon and Revolution

At Coppet, Switzerland Germaine de Staël created a networking of intellectuals who promulgated literary texts encoded with nationalist agendas. Many of these individuals had contact with Italy in a significant way creating a networking of cross cultural signatures. De Staël herself, author of *Corinne* (1807) set in Napoleonic Italy, Charles Bonstetten, *Voyages sur la Scène des six derniers Livres de l'Eneide* and JCL Sismondi, *Histoire de la renaissance de la liberté en Italie* visited and maintained close contact with Louise Stolberg's Florence salon throughout the Napoleonic wars. Stolberg's Florence salon can be regarded as one of the salon satellites of de Staël's Coppet salon; its fiercely anti-Napoleonic coterie created a visual text of Italy as the embodiment of cultural freedom and the classical ideal. Inspired by the fight for freedom against Napoleonic domination, Italy's greatest authors of the period, Alfieri and Foscolo, established important connections with Stolberg's Florentine salon during the most important periods of

their careers which coincided with the Napoleonic campaigns in Italy. They promoted the classical, the medieval and Renaissance histories of Italy through their literary endeavors. Their literary output was complemented by the great contemporary Neoclassical artists patronized by Stolberg, Francois Xavier Fabre and Antonio Canova [9].

Stolberg was politically active, like Germaine de Staël. In Paris she lived at the Hôtel de Bourgogne in the Faubourg Saint-Germain at the time of the Revolution of 1789, and frequented de Staël's salon that included Andre Chénier, whom she and Alfieri met in 1787, and Stephanie Genlis. Chénier was executed by guillotine four years later, while Stolberg and Alfieri escaped to England in 1791. When the French Republican army arrived in Florence in 1799, Alfieri and Stolberg were forced to flee temporarily, as they had been forced to flee Rome, when the French occupied the city in 1793. Napoleon's French Republican army entered the city of Florence, and by 1807, Elise Napoleon reigned as the new Kingdom of Etruria as Grand Duchess. Earlier in 1793, Fabre accepted a diplomatic commission and painted the portrait of the sister of King of Tuscany, Marie-Theresa of Austria. In 1802 Napoleon offered to restore the library confiscated from Stolberg and Alfieri during the Reign of Terror. While Napoleon restored her pension from Charles Stuart in exchange for Alfieri's library, he forced her to reside in Paris from 1809-10 where she was interrogated about her politically subversive salon, and a possible Stuart heir. Her relationship with Napoleon became further antagonized by his refusal to grant restore her annuity at this time [10].

Fabre had also fled Rome when the French arrived, and rather than return to Paris, he moved to Florence where he was patronized by émigrés. Stolberg and Alfieri lived in Florence from 1793-1803 at their palazzo overlooking the Arno River, *Gianfigliuzzi*, where Fabre became their intimate friend and they entertained the leading intellectuals of the day at Louise's salon. Following Alfieri's death in 1803, Fabre became romantically involved with Stolberg, and upon her death, she bequeathed him her art collection which formed the original collections of the *Musée Fabre* in Montpellier, France founded by Fabre. Fabre's Neoclassical paintings reflected the style of David's pupils in their Republican values and Classical subjects. They served as a counterpart to the liberal democratic political values of Alfieri himself who wrote important Neoclassical plays, but also expressed in his political views on literature and liberty in his writings *The Prince and Letters* (1778) and *Of Tyranny* (1800). Both works articulate the views on liberty de Staël and her circle during a period of revolution, conquest and rebellion.

The Prince and Letters (1778) is written from the historical perspective of Machiavelli's *The Prince*, with the recent history of modern absolute monarchy and censorship in mind. Alfieri experienced difficulties with censorship based on the content of his plays. His play *The Pazzi Conspiracy* that recreates the assassination of Guiliano de Medici during the Italian Renaissance as a Shakespearean *Romeo and Juliet* love story was prohibited from production without the permission of the Pazzi family. Written prior to the French Revolution, Alfieri describes the prince as a tyrant who lacks an appreciation of the liberal arts,

and seeks to dominate the greatest number of people. In order to wield his control over the population, Alfieri concludes that the prince prefers “ignorance and blindness” in his subjects. Alfieri concludes that the purpose of literature is to instill political and moral virtues in citizens. Since the principality will not protect letters, in Alfieri’s view, letters become perfected when they demonstrate liberty under a corrupt regime [11]. *Of Tyranny* (1800) completes Alfieri’s definition of the unjust absolute ruler, but more importantly, both works articulate the context in which his Neoclassical plays were performed. Tyranny, defined by Alfieri, is a criminal activity in which the ruler fails to uphold the laws of the state. However, he holds Rousseau’s position, that the only valid laws are those that have been made by elected representatives as “social contracts” and reflect the “will of the majority” [12]. Thus, any ruler acting without a legislature and a constitution was corrupt and criminal, in his view. This view of tyranny immediately placed Alfieri in opposition to Napoleon. Alfieri’s tragedies reflect his political sentiments in their use of heroic archetypes that uphold liberty against tyranny. When Alfieri’s Brutus commands the assassination of Caesar, he does so as a representative of liberty executing a tyrant who refuses to restore Rome’s Republican freedoms [13].

Stolberg’s salon was undoubtedly an important influence in researching de Staël’s novel, *Corinne*. The republican themes and Medici reference were personified in the figures of the nobility she entertained in her salon. J.C.L. Sismondi remained in constant contact with Stolberg as de Staël wrote the novel, apprising her of its progress, and promising to send her a copy [14]. Italy personified the republican hopes of the literary salons connected with de Staël. Its classical heroes immortalized in the revival of classical antiquity and Neoclassicism became the standard model throughout Europe during the Napoleonic Wars, inspiring patriotism and revolt against Napoleonic imperialism. Italy, during the occupation by Napoleon, as predicted by Alfieri, inspired some of the greatest Republican literature and art while oppressed by the tyranny of censorship. The common themes of de Staël, Sismondi and Alfieri, reveal literature as a genre for portraying heroic role models for emulation by contemporaries attending the salon. Literature and art merged with life, creating a unified propaganda front and a continuation of the goals of the early Republic to defeat the hydra of tyranny and create an ideal state based on liberty.

Between the years of Napoleon’s first invasion of Italy in 1795 and his defeat at Waterloo in 1815, Italian culture underwent a remarkable period of transition in which its unique features of nationalism were created. Unlike the period style of Neoclassicism which swept across Europe in the 18th century, Italian nationalism sought to identify those signifiers that expressed Italian hopes of independence and patriotism. In this context, Neoclassical literature and artwork becomes uniquely Italian in its derivation from ancient and modern Italian sources. The love of country refers solely to Italia, and the romantic life cycle celebrated by its patriot, Foscolo, suggests a variant of nature worship akin to German Romantic nationalism. Italian nationalism derives from a love of *patrie* which runs deep into the roots of the Italian soil and extends back to the time of the Classical world. The

writings and artwork celebrated by these modern poets included Dante, Petrarch, Machiavelli, Michelangelo plus classical sources like Sophocles.

The church of Santa Croce in Florence houses the tomb monuments of some of Italy's leading cultural heroes suggesting a conscious writing of history that imprints itself literally upon the soil of *patrie*. Foscolo, Alfieri and Stolberg's tombs joined those of the cultural heroes they promoted through their writings and patronage: Alfieri's tomb commissioned by Stolberg and created by Canova (fig. 2), lies between the tombs of Michelangelo and Machiavelli. The Renaissance artist, Lorenzo Ghiberti and architect, Leon Battista Alberti are also buried there. The church also houses artwork by some of the greatest Italian Renaissance artists: Giotto, Luca della Robbia, Vasari, Donatello and Andrea Orcagna.

The European perception of Italy, according to modern scholar, Joseph Luzzi, went through a transition between 1775 and 1825 from being "Europe's "museum" to its "mausoleum.""[15]. Authors Foscolo, de Staël and Goethe facilitated this change through their writings which shifted to a new focus from Neoclassicism to the repository of bodily remains and tombs. While Luzzi's analysis and comparison of de Staël *Corinne* (1807) and Foscolo's later *Lettere scritte dall'Inghilterra*, written in exile in England illuminate the ex-patriot's perception of the disparaging remarks about modern Italy implicit in *Corinne*, a comparison of *Corinne* and Foscolo's *Last Letters of Jacopo Ortis* (1806) reveal far more similarities among the three authors. I will argue to the contrary, that following Goethe's example, Foscolo and de Staël created a genre in Italian culture that celebrated the relics of patriotism during an age of Napoleonic tyranny. Indeed, de Staël's *Corinne* appears to be the feminist successor to Goethe's *Sorrows of Young Werther* and Foscolo's *Last Letters of Jacopo Ortis*. The shift to the bodily remains of great cultural heroes represented a shift from Neoclassicism to Romanticism that celebrated the soul of the individual as the ultimate expression of freedom. In a letter dated September 7, Florence, Foscolo's hero writes:

Open the window wide, Lorenzo, and from my room greet my hills ...you will find the solitary willow under whose weeping branches I lay prostrate for many hours thinking of all my hopes. An when you come near the summit you may hear a cuckoo which seemed to call me every evening in its mournful meter...The in which it used to hide itself casts a shadow over the ruins of a little chapel where in ancient times a lamp used to burn before a crucifix. It was shattered by the storm in that night which has left my spirit even today, and as long as I live, terrified by shadows and remorse. And those half-buried ruins in the darkness looked to me like sepulchral stones, and I often thought of erecting my tomb there among those secret shades. And now? Who knows where I shall leave my bones[14]?

This question is answered by the poet in a series of letters in which he confesses his love for his country in the guise of love letters to a woman, Terese. Etymology is significant, and the literal ruins of the stones become in the poet's mind, "the ruin of whole peoples" who exploit the term liberty. The love letter to his nation continues in Foscolo's subsequent sonnets, *Of Tombs*. We learn that the poet's intense Romantic feelings find corporeal expression in the monuments and literature and history of the Italians.

Foscolo gave form to a movement that would characterize Italian culture during the Napoleonic era. Intensely patriotic, the resistance movement of Italians became synonymous with Neoclassicism in all its myriad forms. Through literature and art, thinkers tried to grasp the essential elements of national culture that explained the unique characteristics of Italian culture and provided reasons for maintaining their independence. The list of monuments --- literary and artistic --- culminates in the preservation of their creator's tombs in churches. Christianity becomes the locus of the soul, and the tombs of the greatest writers and artists are enshrined in churches. The commitment to death demonstrates to Italians that their lives and culture will extend beyond the grave: "Shaded by cypresses and kept in urns/ Consoled by weeping, is the sleep of death..." [15].

Healing the Rifts of Civil War with the Aesthetic Fabric of Nationalism

The networks of artists and authors included native Italians like Foscolo, Alfieri, and Canova, as well as Europeans who had embraced Italy as the embodiment of liberty and nationalism like Lord Byron, de Stael, Fabre and Stolberg. Europeans who formed part of this cultural milieu watched the advance of Napoleonic ambitions through a Italian-European lens of a code of freedom. Foscolo helped to initiate this movement. He was the first writer to place Italy's cultural heritage in the context of the Napoleonic advances into Italy. Drawn into de Staël's coterie through Stolberg's Florence salon, Foscolo's writings find echo in *Corinne* in the heroine's contemplation of Italian culture and monuments as an expression of the poetess/sibyl's soul and identity. Foscolo's poem *Of Tombs* precedes the publication of *Corinne* by a year in 1806, and embodies the same sentiments expressed by de Stael's heroine.

Foscolo's literary output, like that of Stolberg's lover, Alfieri, was directly inspired by the Napoleonic invasions of Italy. When Foscolo moved to Venice in 1792, his talent was recognized by the salon hostess, Isabella Teotochi. Called the Venetian Madame de Stael by Lord Byron, or the Venetian Antigone by others, she was his first introduction to the literati who promoted Italy's nationalist cultural dialogue that produced the encoded lens of freedom. Foscolo's brief affair with the salonniere resulted in his retreat to the Euganean Hills which he reproduced as the setting for *Last Letters* [16].

His poem, *Of Tombs*, like his novel, *The Last Letters of Jacopo Ortis* creates a mythology for contemporary Italy laid upon the foundations of its classical historic past. He concocts a formula that is elucidated by the encoded history of Italy. It is a creation myth which emerges from and returns to the dust of one's nation, one's ancestors, and quite literally, one's bones:

A force that never tires, wears all things out,
Never at rest; and man and tombs of men,
The final shape of things, and the remains
Of land and sea are all transformed by time [17].

The timeless force described by Foscolo is the stuff from which nationalist hopes impinge. It takes form over the centuries in the creations of Italy's writers and artists, and ultimately, embodies what soldiers and patriots would find virtuous and moral in society during the Napoleonic wars in Italy. Foscolo reaches out to

his fellow patriots and artists in arms. Victory is assured as they stand their ground and fight for their homeland. With victory behind him, Foscolo later looked back and wrote hymns in praise of his homeland. His *Hymn I* for example, creates a vision of the hill of Bellosguardo with Canova by his side. Venus is a recurrent theme in Foscolo's works, and is transformed into the goddess of liberty. The incantations to liberty cause her to emerge from the forum of the salon where women like de Stael and Stolberg make sacrifices to her name in the form of patronage of authors and artists who conjure her image by reinterpreting her forms from the past. She takes the shape of contemporary women as well, like Countess Antonietta Fagnani Arese who directly inspired his novel *Ortis*, and who referred to him interchangeably as Ortis and Werther in their correspondence while she was translating Goethe's novel, *The Sorrows of Young Werther* [18].

The retaliation and revolt against Napoleonic hegemony among Italy's patriotic literati begins with Canova's statue, *Antigone Mourning the Dead Eteocles and Polynices* (1798-99). Executed two years after Napoleon's descent into Italy, it commemorates the play by Alfieri, *Polynices*, written in Rome in 1781 shortly after Canova moved there from Venice. It represents the death of the two brothers who die fighting in a civil war. According to the play by Sophocles (442 BCE), the declared king of Thebes, Creon, rules that Eteocles will be honored with a proper burial while Polynices will not. His body will be left out to rot and be devoured as carrion prey. When Oedipus's daughter, Antigone, defies Creon and secretly attempts to scatter some earth on her brother, Polynices's remains, she is punished with a death sentence and sealed in a tomb where she commits suicide. The significance was important in the context of the Napoleonic invasions of Italy for it created a virtual civil war as Italians initially welcomed Napoleon as a liberator who defeated the ruling Hapsburg dynasty and established the Cisalpine republic. Their hopes of independence were quickly crushed as Napoleon continued his campaigns south toward the Papal States, confiscating Italy's greatest art treasures for the newly created *Musée Napoleon* along the way. Persuading Italians to join the cause of independence and expel the French became the focus of cultural programs fostered by salon women and the artists and authors they patronized.

When Napoleon deposed Pope Pius VI, Canova returned to his native city, Possagno. The city held great significance for him as being emblematic of his commitment to Italian independence and nationalism. Throughout the conflict between France and Italy, Canova remained loyal to the cause of his homeland despite prominent commissions he received from Napoleon. His oeuvre suggests that he served two masters, included his statue of Napoleon as the god, Mars. But clearly, those works he created of Italian subjects held the greatest personal significance. He personally later commissioned the *Tempietto* (1819) in Possagno where he and his brother, who inherited the statue from him in 1822, were buried. Canova had previously executed a painting depicting *Mourning the Dead Christ* which was located above the high altar of the *Tempietto* [19]. The resurrection of the dead, then, becomes a common theme in Neoclassical art and literature during

the Napoleonic wars, suggesting the hopes for a union of Italian city states and the defeat of Napoleon.

In de Stael's *Corinne*, the heroine returns to Florence from England prior to her death, and goes to *San Lorenzo* where she contemplates Michelangelo's tombs of the Medici. Bonstetten, who traveled back and forth between de Stael's and Stolberg's salons gave literary form to the steps of the nationalist "passion" with his biblical *Voyage sur la Scene des Six Derniers Livres de l'Énéide* (1808). The creation of a myth of nationalism relies on reciting the heroes of the fatherland who over the course of centuries since the time of its founding by Virgil's Aeneas, are repeated in myriad forms that coalesce to form the nationalist colossus whose spirit is conjured by literary shamans to confront the threat of Napoleon. Members of Stolberg's circle created the literary equivalent to monuments such as France's *Pantheon of Great Men* in 1791 in Paris initiated with the removal of Voltaire's remains to the former Ste. Genevieve. Germany would later follow with its Valhalla of Germans (1830-44), commissioned from architect Leo von Klenze by Ludwig I of Bavaria in 1814, it is a Doric order temple filled with marble busts of great German writers and philosophers [20].

While one might recite the names of great male authors and artists who filled a national treasury over the centuries, the spirit of reincarnation lies in the female creative force. The abstract Neo-platonic concept of the goddess Venus becomes the resurrecting force of the Virgin Mary through an alchemical process. In forming the Italian salon circles, women like de Stael and Stolberg revived the sacrificial rites of ancient goddesses and pagan worship. They conjured the spirits of nationalism and reinvigorated the new generation with the hopes of fulfillment. While *Corinne* muses on her future tomb in the Pantheon in Rome, she becomes the creative goddess sowing the seeds of future generation. The Neo-platonic concept of virginity had its origins in Renaissance Italy. Even Antigone's death becomes a resurrection of light when Creon opens her tomb to find the consummation of his son and his Oedipus's daughter in a suicide pact dedicated to the eradication of the king's tyranny. With the revival of classical antiquity, its pagan deities were interpreted as having a dual material and divine significance. Educated humanist Florentine patrons like the Medici could thus safely worship Christian monotheism and enjoy the fruits of their classical idealism and mythology simultaneously.

In 1823, Barbarina Brand, Lady Dacre's translation of Foscolo's *Essay on Petrarch* was published in London. This work together with Foscolo's "Essay on the Text of the Divine Comedy" (1825) would be his last published works prior to his death in 1827 and entombment at Santa Croce. Both literary works postulate the cyclical premise of Italian art and literature of the Napoleonic Age: nationalism and resurrection. As Stephano Josso argues, Dante was associated with both Italian nationalism and patriotism because of the political content of his work and life. He created a common experience for Italians in a "common imagination and rhetoric." They are termed imagined because they are continuities which only exist in the mind. By referring to the common cultural experience Dante's *Inferno*, Foscolo avoided the divisive political conflicts of civil war and focused on the

theme of Love and the Virgin. Invoking Dante was tantamount to invoking Italian nationalism and its unique correlation between literature and patriotism. It was a tradition first revived by Alfieri who referred to Dante poetically as his “Great father Alighier/if from the skies/This thy disciple prostrate thou dost see/Before the gravestone, shaken with deep sighs...” [21]. When Foscolo subsequently invoked Petrarch, he was building on the same revolutionary rhetoric which subsumed violent impulses to the common tree of Italian literature and the beautiful neo-platonic figure of Venus and the Virgin Mary who appealed to the literati and peasantry alike.

Although Petrarch has contrived to throw a beautiful veil over the figure of Love,

which the Grecian and Roman Poets delighted in representing naked it is so transparent that we can still recognize the same forms. The ideal distinction between two Loves sprang at first from the different ceremonies with which the ancients worshipped the CELESTIAL VENUS, who presided over the chaste loves of girls and wives; and the TERRESTRIAL VENUS, the avowed tutelary deity of the gallantries of ladies, who played a distinguished part in those times...[22].

According to Socrates: “Beauty, is illuminated by a light which directs and invites me to contemplate the soul which inhabits such a form ; and, if the soul be as beautiful as the body, it is impossible not to love it. But there can be no beauty of soul without purity.” In writing about to his deceased lover, Laura, Petrarch investigates the nature of the soul as a reflection of perfect beauty. The adulation nationalist inspired art and literature by salon women reveal the nature of the soul through platonic love. Physical love may fade and die, but the sonnets to the soul are eternal. Corinne, then represents a composite of these nationalist and Neo-platonic impulses. In rejecting Oswald in favor of platonic love, she returns to its source in the ideal forms created by the poets and artists of Italy. Her literary character was inspired by actual female improvisers performing as members of Arcadia in Italy. Diane Long Hoeveler notes that when Corinne performs the tarantella folk dance, she invokes the spirit of Italian nationalism by transferring her emotions to the spectator through her ritualized steps [23].

Salon culture in Italy was enhanced by association called Arcadia which promoted the membership of women and the revival of classical antiquity. Arcadia was a unique intellectual movement founded in Rome in 1690 to promote classical antiquity, satellites were established throughout Italy and it immediately attracted women members, though they remained outnumbered relative to men. Women who joined include de Stael and Corilla Olympica, the poet laureate in 1776, upon whom de Stael is believed to have based the ceremony of her character, Corinne’s crowning at the capitol. Scenes like this suggest that Petrarch’s and Socrates’ concepts of platonic love informed the spectacles that promoted a feminine element. The eternal feminine then in the guise of platonic love played a crucial role in disseminating the concept of patriotism during a time of national crisis. Patriots could identify with the hopes of the nation, but also the expression of idealism through centuries of culture. Women were at the center of Italian salon

culture like their European counterparts. However, Italian salons included a cross-current of European influences as Europeans flocked to Italy to participate in the Grand Tour and study of Classical Antiquity [23].

Foscolo's invocation of the eternal feminine recalls the relationship between the poet Dante and his beloved Beatrice. Conjuring up her image from the ashes of hell in *Of Tombs* causes the heavenly gates of St. Peter's to materialize before him. Her presence becomes a chimera of female deities that coalesce to form the concept of the divine from the depths of hell: "I pray the Muses help me call up heroes" [24]. She is the creative nationalist force that conjures the male divine at a time of national crisis. It is the same spirit that causes the Greeks to defeat the Trojans, but withheld their victory from Ulysses on his journey of exile and not home. Foscolo credits the female nymph whose union with Jove produced the fifty sons of Priam, the king of Troy, for producing the Roman Julian line. The Muses "makes the deserts glad with song/ and overcome the silence of a thousand centuries" [25]. The tomb then becomes a receptacle for the soul and the ashes from which the soul is called forth to assume new more fantastic forms for future generations of patriots who protect its sacred soil.

Figure 1. Francois Xavier Fabre. *The Vision of Saul*. 1803. Musee Fabre. Montpellier, France.

Figure 2. Antonio Canova. *Tomb of Vittorio Alfieri*; Santa Croce, Florence, Italy.

Literature

1. Stolberg, Louise. Stolberg to Luti. 21 December 1805 (276). *Lettres inedites de la comtesse d'Albany a ses amis de Sienne, 1797-1820*. Toulouse, France: Leon G. Pelissier, 1912, 178.
2. Stolberg, Louise. Stolberg to Luti. 11 December 1802 (202). *Lettres Inédites de la Comtesse d'Albany à ses amis de Sienne, (language)* 32.
3. Riall, Lucy. *Risorgimento: The History of Italy from Napoleon to Nation State*. NY: Palgrave MacMillan, 2008, 1-15; Gilmour, David. *The Pursuit of Italy: A History of a Land, Its Regions and Their Peoples*. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2011, 117-138; Duggan, Christopher. *The Force of Destiny: A History of Italy Since 1796*. NY: Houghton Mifflin, 2008, 3-99.
4. Corse, Sarah. "Nations and novels: Cultural politics and literary use." *Social Forces* 73 (1995): 1279-1308.
5. Isaac, Larry. 2009. "Movements, aesthetics, and markets in literary change: Making the American labor problem novel." *American Sociological Review* 74: 938-965.
6. Vittorio Alfieri. "Saul." *The Tragedies of Vittorio Alfieri: complete, including his posthumous works*. Trans. and Ed. Edgar Alfred Bowring. London: George Bell, 1876. Vol. II. Reprint. Sc.IV Act IV, 153.
7. Pellicer, Laure and Michel Hilaire. *Francois-Xavier Fabre (1766-1837) de Florence à Montpellier*. Montpellier, France: Musée Fabre, 2008, 65-73, 260, cat. 116.
8. Quoted in Anne de Lacreteille. *La Comtesse d'Albany*. Paris: Rocher, 2008, 117.
9. Worley, Sharon. *Women's Literary Salons and Political Propaganda during the Napoleonic Era: The Cradle of Patriotic Nationalism*. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 2009.

10. Grosland, Margaret. *Louise of Stolberg, Countess of Albany*. London: Oliver & Boyd, 1962.
- Vaughan, Herbert. *The Last Stuart Queen: Louise Countess of Albany: Her Life and Letters*. London: Duckworth & Co., 1910. 256-257, 267.
11. Alfieri, Vittorio. *The Prince and Letters*. Trans. Beatrice Corrigan and Julius Molinaro. U of Toronto P, 1972.24-44.
12. Alfieri, Vittorio. *Of Tyranny*. Trans. & ed. Julius Molinaro and Beatrice Corrigan. U of Toronto P, 1961.11.
13. Alfieri, Vittorio. "The Second Brutus." *The Tragedies of Vittorio Alfieri*. Ed. Alfred Bowering. Westport, CT: Greenwood Press Publishers, (1876 George Bell and Sons) 1970, II, 256-57.
14. Sismondi, J.C. L. *Lettres Inédites de J.C.L. Charles Sismondi*. Paris: Michel Lévy Frères, 1865. 67-71; Staël, Germaine de. *Corinne, or Italy*. Trans. Sylvia Raphael. NY: Oxford UP, 1998.
15. Luzzi, Joseph. *Romantic Europe and the Ghost of Italy*. New Haven: Yale U., 2008.
16. Foscolo, Ugo. *Last Letters of Jacopo Ortis*. Trans. J.G.Nichols. London: Hesperus Press, Ltd., 2002. 85.
17. Foscolo, Ugo. *Of Tombs*. Trans. J.G.Nichols. London: Hesperus Press, Ltd., 2002. 1-2.
18. Umstead-Radcliffe, Douglass. *Ugo Foscolo*. NY: Twayne Publishers, 1970, 13; Cambon, Glauco. *Ugo Foscolo: Poet in Exile*. Princeton, NJ: Princeton UP, 1980, 100-101, 129, 192.
19. Johns, Christopher. *Antonio Canova and the Politics of Patronage in Revolutionary and Napoleonic Europe*. Berkeley: University of California Press, 1988, 86; Bowron, Edgar Peters and Joseph J. Rishel, eds. *Art in Rome in the Eighteenth-century*. Philadelphia: Philadelphia Museum of Art and Merrell Publishers, 2000. 237-38.
20. Toman, Rolf, ed. *Klassizismus und Romantik: Architektur, Skulptur, Malerei, Zeichnung: 1750-1848*. Cologne, Germany: Konemann, 2000. 186; Walser-Wilhelm, Doris and Peter, eds. *Italiam! Italiam! Ein Neuentdecker Karl Victor von Bonstetten*. Bern: Peter Lang, 1995.
21. Alfieri, Vittorio. *Opere*. Vol. 9. *Rime*. Ed. F. Maggini. Asti: Casa Alfieri; De Lucchi, Lorna, Ed. *An Anthology of Italian Poems 13th – 19th Century*. London: Heinemann, 1922, 207; Jossa, Stephano. "Politics vs. Literature: The Myth of Dante and the Italian National Identity." *Dante in the Long Nineteenth-Century; Nationality, Identity, and Appropriation*. Ed. Aida Audeh and Nick Havelly. NY: Oxford UP, 2012, 30-50.
22. Foscolo, Ugo. Foscolo, Ugo. *Essays on Petrarch*. Trans. Barbarina Brand, Lady Dacre. London: John Murray, 1823; Franzero, Carlo Maria. *A Life in Exile: Ugo Foscolo in London, 1816-1827*. London: W.H. Allen, 1977.
23. Diane Long Hoeveler. "Germaine de Staël's *Corinne, or Italy* (1807) and the Performance of Romanticism." *Dante and Italy in British Romanticism*. Ed. Frederick Burwick and Paul Douglass. NY: Palgrave MacMillan, 2011, 138; see also Clorinda Donato."Against Coppet's *Italie: Ugo Foscolo's Engaged Italian Romanticism*." *Germaine de Staël: Forging a Politics of Mediation*. Voltaire Foundation. NY: Oxford UP, 2012.
24. Findlen, Paula, Wendy Wassying Roworth, and Catherine M. Sama. *Italy's Eighteenth-Century: Gender and Culture in the Age of the Grand Tour*. Stanford, CA: Stanford UP, 2009, 311-330.
25. Foscolo, Ugo. *Of Tombs*. Trans. J.G.Nichols. London: Hesperus Press, Ltd., 2002. 151.
26. Foscolo, Ugo. *Of Tombs*. Trans. J.G.Nichols. London: Hesperus Press, Ltd., 2002. 151.

The limitation of advanced education in knowledge society for solution of economic disparity

Abstract

The advanced education in knowledge society has double faces. The light face is contribution to creation of economic growth and development of function in people. The shadow face is spread of economic disparity beyond generations. This paper shows ethical problem as shadow face in advanced education by comparison between unemployment rate and academic disparity in U.S.

1. The purpose

This paper shows current condition of knowledge society and limitation of advanced education for solution of economic disparity in U.S.

2. Significance of research

While Amartya Sen(1999,pp.41) emphasized that enhancing economic growth through social opportunity in Eastern Asia including Japan derived from education, Sen(1999,pp.128-129) indicated that the persons receiving education do, benefit from it, a general expansion of education and literacy in a region can facilitate social change. Certainly, while education can contribute to freedom of persons, expansion of social choices to persons and development of function in persons, education can facilitate social growth as well as capability in individual. Amartya Sen focused on not only economic growth but also human development by spread of basic education as public goods in developing countries.

Meanwhile, Peter.F.Drucker(1993) indicated transformation to knowledge society from post capitalist society in developed countries after spread of Information Technology Communication(ICT). Drucker(1993) thought the following knowledge society.

In knowledge society, transformation to advanced knowledge under advanced professional education from basic education gives power for creation of new society with application of more advanced knowledge by development of knowledge under technological innovation. In short, knowledge society means society that the educated persons by advanced education and social organization can create the balanced interdependence relationship for achievement of common purpose. In speedy spread of ICT, enterprises and public organizations need workers that possess high knowledge and skills in each specialized area. Peter F.Drucker called the workers of knowledge society in ICT as knowledge workers. Liquid of senior knowledge workers that become core in labor market of advanced nations is affected to society. Geoffrey M.Hodgson(1999) also indicated boundless between manager and worker in the linkage between knowledge society and economy.

Though Drucker has different approach about social role of knowledge and education from Sen, they have the following potential common fundamental idea. Knowledge and education can contribute to solution of economic disparity for people and developing country.

The linkage between concept of knowledge society and neoliberal policy under market fundamentalism poses deregulation of working conditions in spread of globalization.

John Kenneth Galbraith(1998) criticized advanced society that became bureaucratic centralization by linkage between public organizations and corporations in spread of ICT and globalization under market system with free market-based principles.

We need to consider ethical problem of knowledge society in modern society.
Can knowledge society solve economic disparity?

This is main question of this paper.

This question makes the following concrete questions.

Can knowledge workers in actual knowledge society have high social position that they freely choose any job and keep on being employing in recession?

Or can knowledge worker have equal position with manager in company in labor market?

In short, these questions mean whether market system in knowledge society and advanced education can solve employment problem.

At first, this paper tries to give an answer of this question.

At second, this paper focuses on potential problem in relationship between advanced education in knowledge society and economic disparity. The most of nations don't have free public education about advanced education. This means that people need to pay high cost for advanced education of children. The advanced education links to high income by high skill and advanced knowledge. In short, spread of advanced knowledge in ICT may pose serious spread of economic disparity and intergenerational fixation of economic disparity.

This paper focuses on condition of knowledge society in U.S. as case study. Because U.S. makes the most advanced ICT and knowledge society under market system.

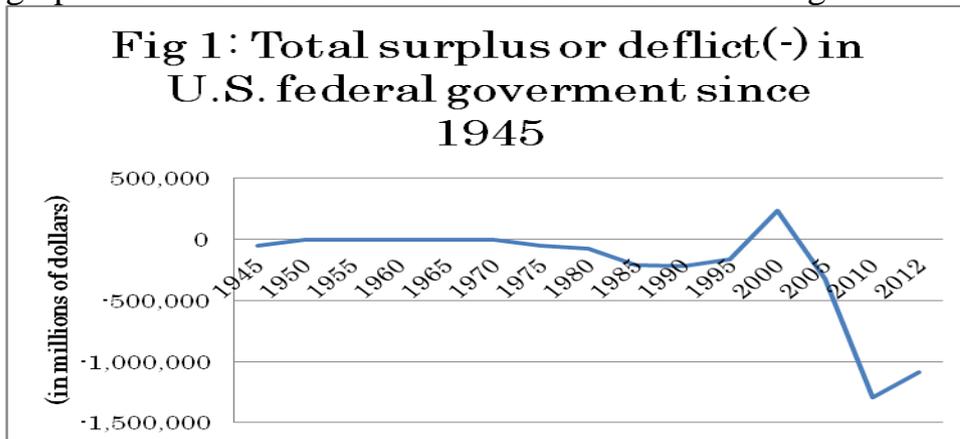
3.Can market system in knowledge society solve problem of unemployment in U.S.?

U.S. is one of countries that have the most advanced market system and ICT. Peter Drucker(1998) indicated that workers with high knowledge in knowledge society freely could freely select job. This has the following potential meaning. Even if economy becomes depression, knowledge worker keeps on being employing in U.S. And knowledge society can solve disparity like color discrimination in labor market, In short, shift to knowledge society in market system is effective for solution of disparity and labor problem.

U.S. keeps on high unemployment rate since late-2000s recession by severe economic recession of USA since December 2007. We need to observe macro data of USA about employment.

For example, we can observe decline of actual economic condition and social condition of USA by unemployed rate.

The graph 1 shows condition of serious deficit of Federal government in U.S.

Source: the White House president Barack Obama, “Office of Management and Budget, Table1.1-Summary of Receipts, Outlays, and Surpluses or Deficits(-):1789-2018”, <http://www.whitehouse.gov/omb/budget/Historicals>

Fundamental economic index of Lehman’s fall at 2009 happened serious recession in U.S.economy.

	2002	2005	2009	2011
Real GDP growth rate (%)	1.8	3.1	-3.1	1.8
rate of increase in consumer price index (%)	1.6	3.4	-0.4	3.2
unemployment rate (%)	5.8	5.1	9.3	8.9
current account(\$: 1million)	-457,248	-745,774	-381,896	-465,926
trade balance(\$: 1million)	-417,432	-708,624	-379,154	-559,880

Table1: fundamental economic index in U.S.

Source: JETRO(2012), “U.S. fundamental economic index”, 11 November 2012, http://www.jetro.go.jp/world/n_america/us/stat_01/

Especially, comparison of various data about unemployment at term between 2009 and 2010 that is adapted to recession is important for analysis about effect of job security by knowledge society and advanced education.

U.S. has fallen into high unemployment rate since 2009 on table 1. Each segment of unemployment is the following Table 2, Table 3 and Table 4. The unemployment rate of people that have lower academic background rises is three folds of People that have high academic background. This means academic disparity. In the case of ethnicity, the unemployment rate of Black and Hispanic or Latino is high. This means racial disparity.

Year	Total, 25 years and over	Less than a high school diploma	High school graduates, no college	Some college or associate degree	Bachelor's degree and high
Sept.2009	8.6	15.0	10.8	8.6	4.8
Sept.2010	8.1	15.4	10.0	9.1	4.1
Difference	-0.6	+0.4	-0.8	+0.5	-0.7

Table 2: comparison of unemployment rate by academic background in USA

Source: News Release about the employment situation – September 2010, United States Department of Labor

Year	Total, 16 years and over.	Adult men (20 years and over)	Adult women (20 years and over)	Teenagers (16 to 19 years)	Bachelor's degree and higher	White	Black or African American	Asian (not seasona lly adjuste d)	Hispani c or Latino ethnicit y
Sept.2009	8.6	15.0	10.8	8.6	4.8	9.1	15.5	7.4	12.7
Sept.2010	8.1	15.4	10.0	9.1	4.1	8.7	16.1	6.4	12.4
Difference	-0.6	+0.4	-0.8	+0.5	-0.7	-0.4	0.6	-1.0	-0.3

Table 3: The comparison of unemployment by gender and race

Source: News Release about the employment situation – September 2010, United States Department of Labor

The unemployment rate in each industry and class worker on table 4 shows that unemployment rate of construction workers is threefold of unemployment rate of government workers. And knowledge workers concerning information and professional and business service have high rate of unemployment. While this means that even advanced knowledge under market system in knowledge society is not effective for job security of knowledge workers and solution for employment disparity, public officers like teachers and government workers as well as financial workers and physicians are protected from unemployment in recession.

Industry and class workers	Unemployment Rates	
	Sept.2009	Sept.2010
Construction	17.1	17.2
Leisure and hospitality	11.4	11.4
Agriculture and related private wage and salary workers	11.1	11.1
Information	11.2	10.8
Professional and business services	11.3	9.9
Durable goods	13.1	9.7
Manufacturing	11.9	9.6
Wholesale and retail trade	9	9.6
Nondurable goods	10	9.3
Other services	7.1	8.5
Transportation and utilities	9.5	7.1
Financial activities	7.1	6.3
Education and health services	6	6.3
Self-employed and unpaid family workers	5.9	5.6
Government workers	4.2	5

Table 4: Unemployed persons by industry and class of worker, not seasonally adjusted (October 08 2010)

Source: web-site United States Department of Labor
<http://www.bls.gov/news.release/empsit.t14.htm>

Notes: Persons with no previous work experience and persons whose last job was in the U.S. Armed Forces are included in the unemployed total.

In short, we can understand fact that knowledge workers also have high unemployed rate in the market system. This means that market system cannot solve unemployed problem of workers in all layers, even if workers has the professional knowledge and skill in knowledge society and information technology society. At same time, in spite of capitalism in USA, low rate of unemployment in public officer and financial workers in recession show possibility that public aid for job security is effective in recession. Actually, in spite of financial meltdown, financial corporations were safeguarded with huge financial expenditure for protection of financial market by national government in U.S.

4. The condition of economic disparity in U.S.

Gini coefficient is measure of the inequality of a distribution that we can understand economic disparity. When score shows close to 1 in Gini coefficient, disparity is large. And when score shows close to 0, disparity is low.

Rank	Nation	Level	Rank	Nation	Level
1	Slovenia	0.24	18	Greece	0.31
	Denmark	0.25	19	Poland	0.31
3	Norway	0.25	20	Korea	0.32
4	Czech Republic	0.26	21	Estonia	0.32
5	Slovak Republic	0.26	22	Spain	0.32
6	Belgium	0.26	23	Canada	0.32
7	Sweden	0.26	24	Japan	0.33
8	Finland	0.26	25	New Zealand	0.33
9	Austria	0.26	26	Australia	0.34
10	Hungary	0.27	27	Italy	0.34
11	Luxembourg	0.29	28	United Kingdom	0.34
12	France	0.29	29	Portugal	0.35
13	Ireland	0.29	30	Israel	0.37
14	Netherlands	0.29	31	United States	0.38
15	Germany	0.30	32	Turkey	0.41
16	Iceland	0.30	33	Mexico	0.48
17	Switzerland	0.30	34	Chile	0.49
			OECD average		0.31

Table5: Gini coefficient of members in OECD at late-2000s

Source : OECD Factbook 2011-2012: Economic, Environmental and Social Statistics(2012), "income inequality table"

URL:<http://www.oecd-ilibrary.org/sites/factbook-2011-en/03/05/01/index.html?itemId=/content/chapter/factbook-2011-31-en>

Note: OECD Factbook showed the above data at late-2000s refereed to results of each different years. "Late-2000s" data refer to the income in 2008 in all countries except Japan (2006);

Denmark, Hungary and Turkey (2007); and Chile (2009). “Mid-1990s” data refer to the income earned between 1993 and 1996 in all countries for which data are available except Poland and Switzerland (2000); Estonia, Iceland, the Slovak Republic and Slovenia (2004); and Korea (2006). “Mid-1980s” data refer to the income earned between 1983 and 1987 in all countries for which data are available except Greece (1988); Portugal (1990); and the Czech Republic (1992). “Mid-1980s” data refer to the western Lander of Germany. “Late-2000s” data for Austria, Belgium, Ireland, Portugal and Spain are based on EU-SILC and are not deemed to be fully comparable with those for earlier years; therefore these countries are not included in the “Mid-1980s to Late-2000s” changes.

U.S. shows the worst Gini in the advanced nations in table 5. This means that economic disparity of USA is high. Additionally, income redistribution function by both social welfare and various regulation for distribution in U.S. is low. Especially, thus low function of income redistribution directly causes serious poverty in minority at recession.

5.Potential linkage between housing investment and educational problem concerning economic disparity in U.S

John Kenneth Galbraith(1998) indicated that supply-side economics like Reaganomics was spread in U.S. and the advanced nations since Reaganomics. In the case of Reaganomics, Reaganomics had tax cut including income tax to rich people, cut of welfare budget to poverty people, increase of military expenditure, promotion of investments by relaxation of regulations as well as adjustment of money supply by monetary policy.

In the case of U.S., for zoning of residential area by race, educational disparity in school of compulsory education in each residential area is high. Generally speaking, children of U.S. go to high school in residential area for compulsory education system that is adapted to high school, too. The land price and housing cost of residential area of compulsory school that have high achieving score in standardized test is expensive. In short, segment of residential district by race links to problem between housing cost and educational disparity.

If poor people hope that children get job of knowledge workers that are based on advanced professional knowledge by high academic background, parents need to move rich district that rich people live in from poor district. Poor people need to invest to housing for education to children that rise out from poverty. If most of poor people cannot move to rich district from poor district, economic disparity that is based on educational disparity is fixed over some generations. And this is important fundamental of racial problems in U.S.

Meanwhile, U.S. government has promoted achievement exams as the National Assessment of Education Progress by educational reform for development of achievement –oriented educational system since 2003. U.S. government has installed market system in educational system for shakeout of schools with bad condition by competition of public schools under national policy that was named as No Child Left Behind Act (NCLB). U.S. government installed school-choice opponent, voucher system for financial support of school choice and tutor school in this policy.

This national policy means the following condition. If public school gets low score in national exam, public school becomes school that is needed reform. Then the

school needs to achieve high score for 2 years. If public school cannot achieve high score, children can move to school of high score from school of low score.

6. Relationship between racial problems and academic disparity

When we observe relationship between racial problem and academic disparity that derives from educational disparity in residential area of San Francisco, we can know fact that knowledge society affects to spread of disparity in linkage between racial problem and academic disparity. The below shows a typical case study.

Diverse ethnicity lives in San Francisco of U.S. We compare disparity between Oakland and Piedmont in bay side area of San Francisco as a case study.

There are Oakland district and Piedmont district in bay side area of San Francisco. Piedmont district has Piedmont high school. Oakland district has McClymonds high school. McClymonds was the only high school located in West Oakland. Sociologists who are Shanwin A.Ginwright(2004) as well as Elizabeth Elizabeth, Burr Kathryn Hopkins Rebecca Wolfe(2006) in USA researched McClymonds high school for reform of education and improvement of community. West Oakland area that McCymonds high school has various challenging programs offering self-esteem skill, health, working support for youth and utilization of Hip Hop culture.

However, social data that this paper analyzes ath the below shows fact that solution of educational disparity in residential district is difficult.

Though a lot of immigrant inflow in San Francisco, we can observe typical segment at Oakland district and Piedmont district as potential racial problem in U.S. Table 6 shows the following condition of two districts. While Black people live in Oakland district, White people live in Piedmont district.

Unit:(%)

District	Race	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Oakland	White	85.5	73.6	59.1	38.6	32.5	31.3
	Negro	12.4	22.8	34.5	47.0	43.9	35.7
	Asia	1.7	3.5	4.8	8.4	14.9	15.2
	Other	0.0	0.1	1.6	6.0	8.7	17.8
Piedmont	White	97.4	97.6	96.3	92.7	85.8	76.8
	Negro	1.6	1	0.6	0.7	0.8	1.2
	Asia	0.8	1.3	2.9	6.4	12.5	16
	Other	0.2	0.1	0.2	0.2	0.9	6.0
Bay Area in San Francisco	White	91.6	89.8	86.4	76.1	68.9	58.1
	Negro	5.6	6.7	7.9	9	8.9	7.5
	Asia	2.6	3.4	4.8	8.9	15.3	19.0
	Other	0.2	0.1	0.9	6.0	6.9	15.4

Table6: Rate of ethnicity in Oakland and Piedmont on Alameda county in San Francisco Bay Area of California

Source: Bay Area Census [URL:http://www.bayareacensus.ca.gov/index.html](http://www.bayareacensus.ca.gov/index.html)

Table 7 shows difference of occupation between Oakland and Piedmont. The blue workers and service workers live in Oakland district. The managers and professional as well as self-employed live in Piedmont district. This disparity of occupation derives from academic disparity by racial problem.

Unit:

(%)

	1950			1960		
	Oakland	Piedmont	Bay Area	Oakland	Piedmont	Bay Area
Professional, technical, and kindred	10.3	24.1	11.6	11.2	26.6	14.8
Managers, officials, and proper's exc. Farm	11.6	26.2	11.3	8.4	22.7	9.4
Private household workers	2.1	10.7	2.1	3	7.4	2.2
Service workers, except private household	9.8	1.9	9.7	9.4	1.5	8.8
Sales	9.5	13	8.9	7.6	12.9	8.1
Operatives and kindred	15.2	2.9	13.8	14.1	2.2	12.8
Farmers and farm managers	0.1	0.5	1.6	0.2	0.3	0.8
Farm labourers and farm foremen	0.2	0.1	1.8	0.2	0.1	0.9
Labourers, except farm and mine	7.1	1.3	6	6.3	1.7	4.4
Craftsmen, foremen, and kindred	16	4.9	15	12	6.1	14
Clerical and kindred	17.5	13	16.9	18.1	12.7	18.1
Occupation not reported	0.8	1.3	1	9.5	5.8	5.9
Self-employed	-	-	-	8.5	24.9	9.5
	2000					
	Oakland	Piedmont	Bay Area			
Management, professional and related	39.2	70.7	43.7			
Service	15.8	4.6	12.8			
Sales and office	25.1	20.1	25.6			
Farming, fishing & forestry	0.2	0	0.4			
Construction, extraction, and maintenance	7.4	2.5	7.4			
Production, transportation, and material moving	12.3	2.1	10.1			
Self-employed	8.2	18.4	8.1			

Table 7: Rate of labor and employment by occupation in Oakland and Piedmont in San Francisco Bay Area Source: Bay Area Census, <http://www.bayareacensus.ca.gov/index.html>

Table 8 shows linkage between academic disparity and income disparity in residential district. Though people in Oakland have low rate of advanced education in Bay Area and low income, people of Piedmont have high rate of advanced education in Bay Area and high income. Especially, the difference of graduate or

professional degree at 2000 among two districts is four folds. Though difference of families median income dollars at 1970 was 1.7 folds, difference at 2000 was 3.4 folds. In short, disparity of income kept on spreading between 1970 and 2000. Because USA keeps on losing income redistribution function by cut of social welfare and tax cut to the rich since 2001 and Reganomics since 1981. This theoretical background of small government as cut of social welfare and loss of function of income redistribution is supply side economics.

District		1950	1960	1970	1980	1990	2000
Oakland	Families median income dollars (\$)	-	-	9,626	17651	31755	44,384
	Median age	-	-	31.4	31.4	32.9	33.3
	High school 4 years (%)	28.2	26.5	-	-	-	17.1
	College 4 years or more (%)	7.8	8.3	-	-	-	18.0
	Graduate or professional degree (%)	-	-	-	-	-	12.9
Piedmont	Families median income dollars(\$)	7,140	25.1	16,553	40,644	100,131	149,857
	Median age	41.6	42.1	39.1	38.1	41.6	43.7
	High school 4 years (%)	27.7	25.1	-	-	-	3.9
	College 4 years or more (%)	27	35.3	-	-	-	36.8
	Graduate or professional degree (%)	-	-	-	-	-	41.1
Bay Area in San Francisco	Families median income dollars(\$)	-	-	-	24,731	48,532	71,333
	Median age	-	-	-	31.3	33.7	36.6
	High school 4 years (%)	27.8	28.5	-	-	-	17.7
	College 4 years or more (%)	9.4	12.1	-	-	-	23.2
	Graduate or professional degree (%)	-	-	-	-	-	14.1

Table 8: Disparity of education and income between Oakland and Piedmont

Source: Bay Area Census, <http://www.bayareacensus.ca.gov/index.html>

National achievement exams are utilized for accountability to competition and filtering of public school. We can observe ranking of school about compulsory education by data of national achievement exams of USA in Public School Ranking of U.S.

	Rate of Ethnicity (%)		Achievement tests in California		
	2006			1999	2005
McClymonds High school of Oakland Unified district at Alameda county	White	1.2	Score	386	484
	Black	81.2			
	Asian	8.0	Ranking	827/834	-
	Hispanic	9.4			
	Native	0.1			
Piedmont High school of Piedmont Unified District at Alamada county	White	68.3	Score	906	925
	Black	2.4			
	Asian	23.7	Ranking	4/834	-
	Hispanic	3.3			
	Native	0			

Table 9: Potential relationship between educational Disparity and ethnicity of high school between Oakland and Piedmont

Source: Public School Ranking and School Tree.ORG(PSK) in USA

URL of PSK: <http://www.psk12.com/rating/index.php>

Note: 834 high schools of California participated in achievement test at 1999

Table 9 shows linkage between ethnicity and score of achievement tests. Black people study on McClymonds High school in Oakland Unified district and get low score. Meanwhile, White people study on Piedmont high school in Piedmont Unified District and get high score.

Of course, the educational disparity of students in two schools derives from economic disparity of parents that is based on academic disparity. Potentially, fundamental cause of disparity expresses racial problem in residential area under even modern knowledge society in U.S.

7. The implicated meaning of economic disparity under knowledge society in U.S.

The one of the most difficult tasks for solution of economic disparity also is historical linkage between neglect to racial problem and admissibility of economic disparity in mind of people as background. This shows implicated orientation by the contented citizen as majority in knowledge society.

Paul Kugrman(2007) indicated the following reason that U.S. could not solve economic disparity of U.S. In the case of U.S., though Black and minority except white receive profit by social welfare and redistribution of income, white as rich class have to pay cost as tax for social welfare and redistribution of income. Therefore, even if White as well as Black and minority cannot get public service and redistribution of income, White agrees and receives policy making like Reganomics and Bush lower tax for rich class under conservative movement for spread of disparity by supply side economics.

Meanwhile, economic disparity links to safety and relief in society as well as sluggish domestic demand. John Kenneth Galbraith(1998)^{*1} also had indicated remark like Paul Kugrman that minority of the lowest class for immigrant did not have voting right, and the result was that they could not express behaviour for solution of disparity, the contented citizens as majority who had voting right preferred spread of economic disparity in indirect democracy by majority rule under voting right.

John Kenneth Galbraith focused on belief that formed habit and behaviour in majority as culture in modern society. In other words, remark that Galbraith shows potential cause that linkage between the indirect democracy and market system keeps on alienating economic disparity as problem of minority. Galbraith indicated important defective of indirect democracy in U.S.

When the implicated belief in majority linked to indirect democracy for sustantation of society and grasp of economic profit for contented citizens as winners in market system, government for contented citizens was created with voting system in indirect democracy by voters of majority. The majority is the contented citizens in affluent society. They as majority preferred government that was adapted to their belief rather than government that aimed for solution of problems in society as a whole. And government that was selected by majority had trend that created policies for majority.

Galbraith(1998) indicated that citizens with nationality in the advanced nations did not prefer tough, dangerous and dirty physical labor by low wages as their job. Galbraith(1998) indicated , while a lot of immigrants that didn't have sovereignty became functional class that lost social mobility, they kept on working physical and uncomfortable labor for sustantation of society.

A lot of immigrants of developing countries don't have right of vote in advanced country that they have immigrated. While thus social condition keeps on spreading under globalization, they cannot even get advanced professional knowledge by advanced education in promotion of knowledge society for poverty by low wages and low academic background.

The result emerges in data that this paper had showed in the preceding 5 and 6 section.

8.Conlusion and remarks

This paper shows limitation of advanced knowledge for solution of unemployment in recession and double faces of advanced education as conclusion.

1) limitation for solution of unemployment in recession

In knowledge society under ICT, knowledge workers with advanced professional knowledge concerning ICT got fired at Lehman's fall in U.S. But, unemployment rate in public officers and financial workers was lower than other

^{*1}John Kenneth Galbraith that belonged to institution economy managed actual national economic policy concerning macro economy in U.S. since Great Depression. He contributed to macro economic policy for rapid growth of USA concerning global economy and domestic economy since WW2.

knowledge workers. This means that employment policy by government rather than advanced knowledge in individual was effective for protection of employment in recession.

2) double faces of advanced education

There are double faces in advanced education.

The light face is innovation to next society like society of Information Communication Technology by knowledge workers with advanced education.

The shadow face is serious spread of economic disparity by potential linkage between income disparity and academic disparity beyond generation under race problem and immigrant problem.

3) limitation of indirect democracy under majority rule

The contented citizens of political majority as knowledge workers with advanced education keep on creating knowledge society in limitation of indirect democracy under majority rule by voting. The limitation of indirect democracy also conduces to spread of ethical problems concerning minority beyond generations in spread of globalization under market system.

In short, the race problem and immigrant problem are the implicated problems beyond generations in linkage between advanced education and indirect democracy on even knowledge society.

Literature

1. Amartya Sen. Equality of What?//THE TANNER LECTURE ON HUMAN VALUES Delivered at Stanford University.- May 22- 1979
2. Amartya Sen.Poverty and famines an essay on entitlement and deprivation, International Labour Organization.-1990
3. Amartya Sen.Well-Being, Agency and Freedom: The Dewey Lectures 1984// The journal of philosophy- Vol.82(No.4).-Pp.169-221
4. Amartya Sen. Development as Freedom. Anchor Book,1999
- 5.Amartya Sen.The Idea of Justice. PENGUIN BOOK, 2009.
- 6.Elizabeth Elizabeth, Burr Kathryn Hopkins Rebecca Wolfe.Services for Youth in West Oakland: understanding Local Community-Based Organizations. John W. Gardner Center for Youth and Their Communities Stanford University, 2006
7. Geoffrey M.Hogson. Economics and Utopia: Why the Learning Economy is Not the End of History,1999
- 9.James M.Buchanan.Ethics and Economic Progress, the University of Oklahoma Press, 19948.
- 10.John Kenneth Galbraith.The Culture of Contentment, Houghton Mifflin Company,1992
- 11.John Kenneth Galbraith.The Affluent Society. Mariner Books, 40 Anv Sub,1998
- 12.John Kenneth Galbraith.The Economics of Innocent Fraud, Houghton Mifflin Company,2004
- 13.Paul Krugman.The Conscience of a liberal.Norton,2009
- 14.Peter F.Druker.Post Capitalist Society. Harper Collins Publisher,1993
- 15.Peter F.Druker.Managing in the Next Society. Griffin,2003
- 16.Shawn A.Ginwright. Black in school –afrocentric reform, urban youth and The promise of hip-hop culture, Teachers college press,2004
17. Theda Skocpol.Diminished Democracy from Membership to Management in American Civic Life, the University of Oklahoma Press,2003

Мазур Д.В.

*Студент 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВПО «Хабаровская академия экономики и права»
г. Хабаровск, Россия*

Mazur D.V.

*4-year student, law faculty
Federal State Budget Organisation of higher-education Khabarovsk State Academy of
Economics and Law*

The ethical bases of professional work of lawyer

*Ethics is a philosophy of belief.
Immanuel Kant*

At all times the public has produced ethical requirements to the lawyers, to those who by the nature of its activities, by their professional duties are in contact with the problems and interests of people.

Man is the highest value. Respect for human rights and freedom is the main purpose of professional lawyers. We believe that realizing of this essential goal is possible through the ethical knowledge. After all, the moral qualities, ethical, professional, cultural components of an educated person, the ability to analyze complex life situations from a position of moral and philosophical values, deal with many different representatives of society are reflected not only on performance, but also on the prestige of the profession, its social role and significance.

We believe that for future lawyers ethical knowledge is a kind of "access" to the legal profession. For lawyers - practitioners this knowledge is a key to solve many problems, the vector of further successful career. In this sense, ethics is a system of moral principles, norms and rules of a professional.

However, the purpose of ethical knowledge to a lawyer is much wider. For the legal profession they have a special meaning, because law and order in the human community are established where the right is based on the principles of justice, humanity and honesty.

In translation from Greek and Latin ethics means custom, way, manner, temper. It is considered to be one of the most ancient forms of spiritual activity. The need to understand the relationships of man to man was appeared in the dawn of civilization. Ethics appeared almost simultaneously in four independent countries and cultures:

In Palestine VIII - IV centuries BC in the teachings of Jewish's prophets. They told to people that the purity of heart is more important than following the law;

In Ancient India VI - V centuries BC in Brahmanic and Buddhist ideas of dharma and karma. It was proclaimed that every act of man as good or as bad, does not pass away, but affects on the subsequent births;

In Ancient China V - IV century BC in the form of the Confucian doctrine of "de", where law determined the path of motion of all things in the universe;

In Ancient Greece V - IV century BC as one of the three components of philosophy examined the relationships between temperament, words and nature [1, pp. 8].

Traditionally, however, the emergence of ethics as a term and a special structured discipline is associated with the name of Aristotle. He used this term in the names of his main works. His works are famous for explaining connections between morality and ethics. The term "ethics" has been introduced to denote a special class of human qualities, combined properties of nature, called as «virtue ethics». Aristotle believed that courage, temperance, generosity, magnanimity, gentleness, truthfulness, kindness, sociability, justice are that «virtues» [2, c. 18].

It is interesting to note that Aristotle was among the firsts who evaluated such virtues. That is why it allows us to describe the moral personality, basing on the Aristotle's ideas. It says that a morally wonderful man is a man who inherent good in himself and who has in his actions morally excellent benefits for their own sake [4, pp. 525].

Significant contribution to the ethics was made by the Stoics. They thought that the main human virtues are: «discretion, firmness, courage, self-control, perseverance, justice». Moreover, all the virtues are mutually conditioned, and who has one of the virtues, has them all. The main task of the individual is the acquisition of wisdom and the ability to live according to nature.

In Christianity, the religious and ethical concepts date back to the Bible. The most important for the further development of ethics of Christianity were Ten Commandments and in the New Testament. The defining of the Christian ethical concept is the idea of love for God-man Jesus Christ as the ideal carrier of the best moral qualities. Christian theologians have advocated the idea of man's ability to be divine, but there is not need to change the world around him and his own. This statement is in tune with one of the leading processes of human development in psychology - self-knowledge - inside him. Besides, Christianity has the idea of individual ethics and personal morality, telling us that it (Christianity) generates consciousness, addressed primarily to the inner world of the individual, to his conscience - consciousness, emphasizing the importance of the value of every human person" [5, pp. 19].

Prominent American statesman and politician, lawyer, diplomat, one of the authors of the Declaration of Independence of the United States in 1776 Benjamin Franklin (1706-1790) stated that it is impossible to make laws in politics without morality. His major virtues were: hard work, loyalty to an assumed obligations and frugality, temperance in eating and drinking, laconic, a tendency to order determination in the performance of the plans, sincerity and honesty, justice, moderation in the passion and desire, purity and cleanliness, the ability to not worry about trifles, chastity and modesty.

So, the subject of ethics as a spiritual activity is the system of virtues and moral values, which motivate human behavior in various circumstances, an appeal to himself, to his conscience, to understand and appreciate themselves, to enter ourselves, to find wisdom in the deeds and actions.

The dictionary of Russian language says that morality is internal, spiritual quality, guiding people to their own aims. It is important to use it to accomplish their aims and destiny [10, c. 414]. Philosophical Dictionary interprets that morality is a set of unwritten rules that determine the well of behavior. It is based on a voluntary agreement of people who try to relate their feelings, aspirations and actions of the vital facilities of other people, with interest and dignity of the whole society [6, pp. 185].

Immanuel Kant, a wonderful representative of the New Era, whom professor Kotliarovsky called «the junction of the new philosophy», highlighted the categorical imperative of morality. That supreme principle of ethics says that «you should do always what you need, but maxim of your will must become a principle of universal legislation». He also said that you must treat to other person as the goal, but never as a mean.

The outstanding figure of Russian law A.F. Kony, who was dubbed as a knight of law, always been aware that there are two types of truth: a legal truth and a moral truth. He defended not only the law, but justice, cared about the rule of law and justice. He was sure that it is impossible to defend human rights without those principles. It was his personal and professional duty.

A well-known domestic lawyer M.S. Strogovich, stressing the unity of justice and the rule of law, noted that any decision taken by the authorities of the state «must be lawful and valid, laws can only be a fair decision, the injustice cannot be legitimate» [11, pp. 28].

Tomas Hobbes' socio – negotiable concept proclaims that morality is a prerequisite, condition of state and society, not their product. Among the legal laws, the moral laws connect people and moderate their aggressively egoistic tendencies [9, pp. 536, 549].

So, these words have the relation of law and morality. Representatives of various legal professions, especially representatives of the Law and the State should not forget that the head of their legal work is applied to human beings as the supreme value, respect and protection of rights, freedoms and human dignity in accordance with international and Russian laws and universal principles of morality and so on. Disclosure of such moral and ethical standards based on the fundamental golden rule of morality, which is identified with the moral. It says: "Do unto to others as we would have them do unto you" and "do not do to others what you would not like to have done with you». Basing on those principles, it is all possible to make relationships between people in all their diversity.

There is an epigraph at the beginning of this article. These words belong to Immanuel Kant. It says that ethics is a philosophy of belief. We believe that ethical knowledge to a lawyer is a regulator of normal human relations and leadership to act in all situations. A lawyer, basing his behavior on the principles of law and morality, will be able to save law order on the origins of humanism and justice. That is how law state begins.

Literature

1.Skripnik AP Ethics: A Textbook for high schools. M.: Draft, 2004. - 346 pp.

2. Egoryshev SV, Rotovsky AN, Suleimanov TF Professional Ethics: Lectures. M.: TSOKR Russian Interior Ministry, 2005. - 240 pp.
3. Garin, I.I. «What are the ethics, culture, religion? Moscow: Terra - Book Club, 2002. - 848 pp.
4. Huseynov A., Irrlitts G. Brief History of Ethics. Moscow: Mysl, 1987. - 589 pp.
5. Popov LA Ten Lectures on Ethics: Textbook. M.: Axle-89, 2001. - 192 pp.
6. Gurevich PS Philosophical Dictionary. Moscow: Olimp, 1997. - 320 pp.
7. Modern Philosophy: Dictionary and reader. Rostov-on-Don. Phoenix, 1995. - 511 pp.
8. Trunov IL Moral aspects of legal activity. Man: crime and punishment. - 2008. № 2. S. 11, 12.
9. Hobbes, T. Selected Works: In 2 v. M., 1964. T. 1. S.536, 539.
10. Ozhegov SI, Shvedova NY Dictionary of Modern Russian: 80 000 words and phraseological expressions /RAS.; Russian Culture Fund. M.: AZ, 1996. - 928 pp.
11. Strogovich MS, Korenevskii YV, Zaitsev E., Kiselev LS Problems of Judicial Ethics, ed. MS Strogovicha; Academy of Sciences of the USSR. Institute of State and Law. M.: Nauka, 1974. - 272 pp.

Patyrbaeva K.V.

*Perm state agricultural academy,
Perm state national research university,
Perm, Russia*

The issue of subject of postindustrial society and modern Marxism

This article gives the common view on basic thesis of classical and modern Marxism and can help in research the subject of postindustrial society from standpoint of Marxist theory and methodology.

According to modern variant of Marxism in Perm school of scientific philosophy, man and society are the result of endless process of development of matter world. Moreover, they are the special – social – kind of matter, which has the highest kind of material activity – labor activity. Because of having so special kind of activity, Man is connected practically with material world and has to product his own essence from nature, creating his own being every day.

Ontological foundation of Man as the subject of historical process is development of objective reality (material world, nature). This process was named in works of the Perm school of scientific philosophy as «The common naturally determined world process». According to this concept, the Man was born by this process as special the highest kind of matter, which has ability to rational and reasonable activity. The labor and other kinds of man's activity, which transform the World and society, give the foundation for declaring man the true subject of historical process, which is continuation of development of the matter World.

Earlier philosophical concepts declared the main feature of Men's specific subject activity the ability to think. In other words, consciousness was thought as the main Men's feature. Philosophy of Marxism gave the new conception. It argued thesis that consciousness is only consequence of productive material activity and depends first of all on labor activity. This thesis helps us to see better the ontological foundation of Man as subject of history.

Because of mechanism of development, Man is universal kind of matter, which reflects the specific of each of easier kinds of matter (physical, chemical, biological) in common form. The universal character of man could be found in specific of his being. As opposed to being the easier kinds of matter man has being, which connected with transforming world by labor activity, and in this process man helps to realize latent potential, which matter (physical, chemical, biological kinds) has, but does not have ability to realize without man. Also in labor process man products himself, in other words his own being, every day from nature. Substantive character of matter means that matter is *Causa Sui*, and that it has sources of its development in itself. The highest manifestation of this substantive character can be found in man's essence and being. Moreover, the labor activity has not any obstacles in its development. As modern Marxist Russian scholars say, the labor process is endless, because it has ability of endless development. Because of labor is core of human essence, the last one is potentially endless.

According to G.S. Grigoriyev, the human features are the result of historical development process as subject of creative and reasonable activity. When man transforms nature, he states himself as true subject. The different kinds of human activity exist. Man can be subject of cognition, as well as subject of communication or political activity and etc. Marxism does not ignore and does not deny ability to different kinds of human activity, but it gives definite hierarchy of subject activity, where human ability of labor activity declare the most important, which can influence on other kinds of activity.

In this connection notion «human essence forces or features», which is used by modern Russian Marxism, has great heuristic potential. This notion helps to separate out such important human kinds of activity as labor, consciousness, communication and such important features as collectivity and individuality, freedom and responsibility. Because of this, analysis of human essence forces (features) is very important in research of man as subject of society and history.

The notion «socio-economic formation», which is very important in Marxist theory, has definite heuristic potential and also can be used for research of subject of history. It helps to see the society in historical perspective and to separate structural elements of society out. The main elements in structure of socio-economic formation “are “economic basis” and “superstructure”.

The modern Marxist-oriented philosophy defines “socio-economic formation” as “definite type of society, integrated social system, which functions and develops by using its own laws, and which is determined by type of production.

The last definition is good enough, because it reflects subjective component of historical process and point out, that socio-economic formation is only definite study in human history. In this connection we can say about historical subject's typology. The historical types of subjects differ from each other by level of development of its production forces and productive relations. The structure of socio-economic formation definite next kinds of subject activity: 1) the economic activity, which is much closed to basis and 2) the activity which is connected to “superstructure”.

The human essence forces are realized in these kinds of activity, and according to L. Musaelyan they are in the foundation every socio-economic formation.

The economic – “basic” – activity and “super-structural” kinds of activity correlated as primary and secondary:

- The “basic” activity gives rise to “super-structural” kinds of activity;
- The “basic” activity products tools for realization of “super-structural” kinds of activity;
- The “super-structural” kinds of activity depends on “basic” activity;
- The development of “basic” activity lead to development of “super-structural” kinds of activity;
- The “super-structural” kinds of activity reflects the specific of “basic” activity;
- The “super-structural” kinds of activity are rather independent and have its own sources for development.

K. Marx’s analysis of capitalistic socio-economic formation and proletariat as its subject researched the specific of “basic” (economic, productive) activity of proletariat as well as argued, that “basic” (economic, productive) activity define his political activity. So if we want to describe the subject of history, we should research production forces and productive relations, as well as find its connection to “super-structural” kinds of activity.

There is the rule of concrete-historical approach to studying society. According to Marx and Engels materialistic conception of history begins from understanding of its prerequisites, which are not abstract, but real individuals, which are in definite social relations, where relations of property are thought as the most important.

Subject of history in Marxism is concrete-historical individuals, who product in definite way and who are in definite productive relations.

The notion of “people’s mass” concretizes the understanding of subject of history. Marxism declares, that “people’s mass” as all people who has ability to work and who really product goods are the main force of history, its subject. Because the ability for labor is the main in human nature, workers, who really realize this ability, are thought in Marxism the main subject of history. The notion of “people’s mass” and population are the same only in no antagonize society. The “people’s mass” in class society is working part of society, which is exploited. In capitalistic society “people’s mass” is the same to class of proletariat. Marx thought that proletariat is the true subject of history because of its important role in historical process, which is connected with emancipation of labor from exploitation. Marx’s “Capital” gives really full description of specific of proletariat as subject of industrial capitalistic economy. Marx noticed the next points in his conception of proletariat:

- The analysis of proletariat as subject of machine labor;
- The study of economic character of proletariat, which argued that proletariat is the owner of specific kind of good such as “working force”;

- The research of proletariat as subject of abstract labor, which is foundation for cost, and which products surplus value for capitalist and therefore is the source of exploitation;
- The analysis of different aspects of alienation of labor and workers from their own being;
- The thinking of unique role of proletariat, which had to do socialistic revolution and to emancipate himself and all society too.

We know that project of building communist society in USSR was really failed. Does it mean historical and theoretical failure of Marxism at all? We really think, that end of USSR was connected with mistakes in state administration.

What about proletariat revolution it was only particular Marx's scenario. For example, V.V. Orlov thinks that there is the third Marx's scenario, which as not noticed by many scholars. This scenario is connected with idea of development of universal material labor. The notion of "universal labor" was invented by Marx, who gave the first definition of it. The conception of "universal labor" was not finished in Marx's works. But modern Marxism, in particular the Perm University School of Scientific Philosophy, accentuates the specific role of concept of "universal labor" and thinks, that perspectives of development of Marxism are connected with research of "universal labor". Moreover, the Perm University School of Scientific Philosophy notices that theory of postindustrial society and theory of socio-economic formations are not contradict to each other but are two different – phenomenological and essential – levels of description of society.

The universal labor is often ignored by Russian scholars or it is interpreted as only non-material activity. But really universal labor is manifestation of human universal creative essence forces (features), which help man to use and control natural forces. The universal labor is connected with comprehensive development of human essence. The appearance of universal labor was determined by computerization and automation. The universal labor needs in new subject of labor, which will be different from subject of industrial proletariat in 19 century

Nowadays a lot of conceptions are describing changes in economic sphere, in particular in labor process. Theories of new industrial society or postindustrial society often notice the "death" of working class, declining amount of proletariat, growth amount of technical and professional class or creative class.

Is it mistake of Marxism that declared idea of main role of "people's mass" in society? What will happen to "people's mass", if traditional industrial proletariat disappear?

Really the development of capitalistic society and appearance of new society are connected with development of material labor, in particular universal labor. The new type of labor needs in new subject of labor as well as in new production forces and productive relations. So "people's mass", including first of all working people, keeps.

The subject of modern (postindustrial) society is subject of universal labor. The modern Marxist philosophy should research specific of his basic (economic, productive) activity as well as superstructural kinds of activity. The universal labor is the key to understanding of subject of postindustrial society.

«Метафизика познания» И.В. Гёте в интерпретации С.Л. Франка

В истории мировой литературы есть фигура, которая непосредственным образом объединяет Франка и Спинозу, это фигура И.В. Гёте.

Эпоха Гёте – это удивительное время по масштабам мысли и культуры. Это время эпохи Просвещения в Германии, время, когда создают свои философские системы И. Кант, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель, время движения «Бури и Натиска» (Гёте – идейный вдохновитель), время Ф. Шиллера и Ф. Якоби (Гёте ведет с ними переписку), время величайших музыкальных произведений и театральных постановок. И все это дух времени Иоганна Вольфганга Гёте, наследие которого «продолжает жить и действовать в соборной памяти европейского человечества» [6, с. 83].

В отношении Гёте Франком было написано несколько статей – «Гносеология Гёте» и «Гёте и проблема духовной культуры». Наибольший интерес представляет первая статья, которая вышла в журнале «Русская мысль» в 1910 году. Безусловно, Гёте привлекал и привлекает очень многих, поскольку в его личности смогли синтезироваться различные направления человеческого духа: поэзия, литература, публицистика, философия, естественнонаучные изыскания и многое другое. Он с легкостью соединил в себе столько всевозможных сфер, что до сих пор заставляет говорить о себе как о величайшем гении духовной культуры человечества. У А.А. Аникста читаем: «Творческая мысль гениального писателя вбирает духовные стремления, надежды и разочарования, порывы и свершения ряда поколений, и не только тех, которые были, но и тех, которые грядут» [1, с. 7].

Петер Элен в своем анализе творчества Франка отмечает, что в статье Франка «Гносеология Гёте» «in nuce уже сформулированы основные моменты его собственного философского метода» [7, с. 188]. Немецкий исследователь так же высказывает мысль о том, что возможным стимулом к использованию Франком термина «непостижимое» послужило творчество И.В. Гёте. О влиянии наследия Гёте на формирование мировоззренческих ориентиров С.Л. Франка и высказываются не только зарубежные (П. Элен, Ф. Буббайер), но и отечественные (О.А. Назарова, С.В. Никулин и др.) исследователи. Например, О.А. Назарова отмечает, что в ранних статьях Франка, посвященных творчеству Гёте «происходило первичное оформление понятий и методологических принципов, получивших системное обоснование в более поздних его (Франка) работах – «Предмет знания» и «Душа человека» [4, с. 287]. Сам же Франк нигде определенным образом не говорит о влиянии на него Гёте. Да, он неоднократно упоминает Гёте в своих произведениях, но на основании этого довольно сложно сделать вывод о том,

почему именно Гёте стал для Франка своеобразным ориентиром. Возможно, это дань традиции, или более глубокое прочтение великого поэта. Таким образом, нам остается попытаться разобраться в том, что так интересовало Франка в размышления И.В. Гёте.

Теперь же обратимся непосредственно к исследованию философских построений Гёте Франком. Озаглавив свою статью «Гносеология Гёте», Франк отмечает, что такая тема на первый взгляд может показаться несостоятельной и неверной в отношении немецкого поэта, поскольку, если понимать гносеологию исключительно как теорию научного познания, то, безусловно, сфера интересов Гёте лежит глубоко за пределами такой теории. Как говорит Франк (это же подтверждают и другие исследователи) Гёте вообще не любил и считал вредным всякий самоанализ, который противоречил его целостной натуре. Только в творчестве и в живом общении с миром и людьми человек узнает, что он есть и для чего он пришел в этот мир.

Основной момент гениальной личности, а Гёте, несомненно, был таковой, это интуитивный творческий процесс и в силу этого созерцательное познание окружающей действительности. Поэтому, как отмечает Франк, Гёте «не нуждался в особом размышлении о правилах и приемах достижения истины и в их отвлеченном уяснении, для того чтобы находить и воплощать истину; ему достаточно было своего безошибочного чутья...» [5, с. 74]. Франк говорит, что Гёте как никому другому удалось сочетать в себе «аполлонийское» и «дионисийское» начала с максимальной целостностью и гармоничностью. Возможно, Франк выделяет эти два начала в творчестве Гёте вследствие своего знакомства с творчеством Ф. Ницше, для которого они были основополагающими. Франк восхищается гётевским синтезом интеллектуального познания и художественного восприятия действительности, этим непосредственным, недифференцированным единством, которое было так характерно для греческих мыслителей. Поэтому Гёте нельзя назвать в строгом смысле систематическим философом или теоретиком в современном понимании (хотя теоретик греческой интерпретации из него прекрасный) этого слова. Он живет окружающим миром, природой (а это очень импонирует Франку), осуществляя познание средствами художественного языка как многие гениальные поэты, писатели и несистематические философы (Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, Гёльдерлин, Рильке, Ф. Ницше, Ф. Кафка и многие другие). Именно поэтому адекватной формой познания тайн бытия для Гёте является интуитивное, художественное воссоздание действительности, ибо «истинный художник есть в его понимании мудрец и ясновидящий, как и истинный мыслитель есть неизбежно творец-художник» [5, с. 75].

Как известно, С.Л. Франк активно критиковал отвлеченное знание, считал его односторонним и неполным, поэтому в интерпретации философских построений Гёте он указывает на негативное отношение немецкого поэта к рациональным конструктам. Таким образом, с точки зрения Франка, «гносеологию» Гёте уместнее было бы именовать «теория

художественного познания». И в этом русский мыслитель видит несомненный приоритет позиции Гёте, поскольку она позволяет не расчленять объект на составные элементы, как это делает отвлеченное познание, а воспринимать его в живом единстве. Несомненно, что именно «живое единство», «живое знание» привлекло Франка в мировоззрении Гёте.

Во-первых, говорит Франк, Гёте стоит на позиции, которая определяется как реализм. Но ведь и сам Франк стоит на той же позиции, именуя свою философию то «идеал-реализмом», то «абсолютным реализмом». А В.В. Зеньковский характеризует философию Франка как «христианский реализм». Поэтому и для Франка, и для Гёте реальность внешнего мира есть неоспоримый факт, а отрицание этого факта или сомнение в нем показывает только несостоятельность философских теорий, которые занимаются измышлениями, далекими от реального мира. Но вот обоснования этой точки зрения найти у Гёте не представляется возможным, поскольку доказывать очевидный и несомненный факт реальности мира он не считал нужным. У Франка же, напротив, мы постоянно находим желание и стремление доказать и показать реальность этого мира. Гёте же видел и воспринимал этот мир целым живым организмом без разделения на объект и субъект. Об этом он пишет в своем очерке «Природа» (1783): «Мы живем посреди нее, но чужды ей. Она вечно говорит с нами, но тайн своих не открывает. Мы постоянно действуем на нее, но нет у нас над нею никакой власти» [2, с. 37]. Гёте всегда оставлял возможность тайны и скрытых глубин природы, ему не нужно было исследовать ее без остатка, препарировать и анализировать, он жил в ней, всем существом своим проникал в нее. И вот здесь ему на помощь приходило искусство вопрошания, которое является необходимым условием успешного познания. То, что Гёте чувствовал как основную интуицию (искусство вопрошания), М. Хайдеггер сделает основной методологией для постижения бытия.

Вторым моментом, который Франк выделяет в «гносеологии» Гёте есть эмпиризм. У самого Гёте написано достаточно небольших произведений, посвященных непосредственно опытному (экспериментальному) знанию, которое входило в круг интересов великого поэта. В одном из своих размышлений об опыте он пишет, что «опыт имеет и должен иметь величайшее влияние на все, что человек предпринимает» [3, с. 102], особенно это касается естествознания, а душевные силы, в свою очередь, воспринимают, собирают и упорядочивают опытные данные. Со своей стороны Франк отмечает, что эмпиризм Гёте направлен как против субъективизма, так и против теоретического или отвлеченного объяснения эмпирических объектов. И в этом контексте Франк подчеркивает, что оригинальность гётевской «гносеологии» заключается в своеобразном протесте против интеллектуализма. Имеется ввиду, что многие проблемы современности, с точки зрения Гёте, коренятся непосредственно в рассудочной установке мышления человека, когда единство внутреннего и внешнего мира заменяется дифференциацией.

Какова же позиция самого Франка в вопросе опыта? Как видно через призму Гёте Франк фактически высказывает основные положения своей будущей философской системы. Франк весьма благожелательно относился к опыту, но понимал его как опыт духовный, как опыт переживания, то есть когда человек самостоятельно проживает то или иное событие и, таким образом, получает знание. Он не признавал опыт с точки зрения эксперимента, с точки зрения научно-рассудочного воссоздания реальности. В этом плане Франку больше импонировали мистики, чем ученые, но с другой стороны, он все же стремился к рационализации, к высказыванию, к формулированию того опыта, который человек переживает. И это, несомненно, отличает С.Л. Франка и от мистиков, и от поэтов, поскольку философское мышление позволяет отразить то, что было на уровне чувственном и созерцательном.

Таким образом, Франк делает вывод, который самым прямым образом сближает его с Гёте. Русский мыслитель еще раз отмечает, что сущность вещей невыразима в словах и понятиях, то есть она в терминологии Франка «сверхрациональна». Подлинное понимание мира доступно исключительно целостному знанию, которое объединяет в себе как рациональное, так и иррациональное познание. В своей философии Франк стремился именно к такому познанию, которое смогло бы связать воедино логику и интуицию. Поэтому мировоззрение Гёте привлекало его как синтетическое: умение непосредственно созерцать окружающую реальность и умение высказать это созерцание. Читаем у Франка: «Последний результат синтетической интуиции есть динамизм и витализм, сведение всех взаимодействующих элементов к высшему родству и живому единству...» [5, с. 92].

Дальнейший анализ «гносеологии» Гёте позволяет Франку выделить ее метафизичность. А именно, что «познание есть метафизический процесс вторжения духа во внешний мир, реального активного соприкосновения субъекта с объектом, которое возможно в силу внутреннего сродства души с природой» [5, с. 94]. Поэтому в отношении Гёте целесообразнее говорить о «метафизике познания» (Франк), поскольку познание является разновидностью метафизической деятельности, а основной категорией в мировоззрении Гёте, все же, выступает бытие, а не познание. Таким образом, «теория познания» Гёте выступает лишь составной частью метафизического процесса в целом, а Франк еще раз напоминает, что основное понятие у Гёте – понятие интуиции. Это подтверждается следующим высказыванием: «Основное понятие всей гносеологии Гёте – понятие интуиции – включает в себя одновременно и признак свободной активности вдохновения... Истинное познание не отрешает человека от связи с целым, а, наоборот, активно возрождает в сознании эту связь; оно есть всегда откровение...» [5, с. 98]. Для Франка это тем более важно, что идею откровения он будет использовать в своих поздних работах («Непостижимое», «Реальность и человек», «Свет во тьме»).

Таким образом, выделяя в статье о Гёте и рационализм, и эмпиризм, и символизм, а также синтетический и метафизический характер

мировоззрения немецкого поэта, Франк воспринимает общую интуицию философских размышлений Гёте – целостность и жизнь. Ему хотелось, чтобы его собственная философская система была именно целостной, единой, что ему в полной мере удалось, несмотря на все критические аргументы в его (Франка) адрес. Франк смог выразить синтетический взгляд на мир, найти высшее знание, в котором «снимаются» все противоположности, и, надо полагать, художественное мышление великого немецкого поэта сыграло в этом не последнюю роль.

Литература

1. Аникст А.А. Художественный универсализм Гёте // Гётевские чтения 1984. – М.: «Наука», 1986. – С. 7-38.
2. Гёте И.В. Природа // Избранные философские произведения. – М.: «Наука», 1964. – С. 37-39.
3. Гёте И.В. Опыт как посредник между объектом и субъектом // Избранные философские произведения. – М.: «Наука», 1964. – С. 101-109.
4. Назарова О.А. Идеи наследие И.В. Гёте как источник формирования гносеологии С.Л. Франка // Историко-философский ежегодник 2000. – М.: «Наука», 2002. – С. 277-293.
5. Франк С.Л. Гносеология Гёте // Русская мысль. – М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнеревъ и Ко, 1910. № 8. – С. 73-99.
6. Франк С.Л. Гёте и проблема духовной культуры // Путь. – Париж, 1932. № 35. – С. 83-90.
7. Элен П. Введение в специфику философского мышления Франка // Логос. – М.: Наука, 2004. № 1. – С.186-207.

Арташкина Т.А.

д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии и искусствоведения

Шиян Н. В.

студентка 4-го курса ОЗО отделения культурологии

Школы искусства, культуры и спорта

Дальневосточный федеральный университет

г. Владивосток, Россия

Архитектура и градостроительство в культурном пространстве России

Культура современной России, локализованной в пространстве всемирной истории, обладает не только собственной спецификой, но и подвергается активному внешнему воздействию. Такая пространственно-временная организация культурного мира, с одной стороны, фундирует процесс культурной консолидации и универсализации, а, с другой стороны, усиливаются процессы культурной самоидентификации и диверсификации. Единство традиций и обновления – универсальная характеристика любой культуры. При этом условием выживаемости культуры является ее способность к поддержанию оптимального соотношения универсальных и специфических ценностей, позволяющая, с одной стороны, сохранить свою

самобытность, а с другой – найти основания для взаимодействия с другими культурами. И поскольку культурный мир не распадается на изолированные и замкнутые культурные ареалы и анклав, то результатом такого культурного взаимодействия можно считать появление гибридной идентичности.

Но «чтобы утратить свою идентичность, сначала надо иметь ее» (Э. Эрикссон) (цит. по: [12]).

Гибридная идентичность, локализованная в границах российского государства, детерминирована самим ходом исторического развития России. На протяжении всей истории Российского государства в условиях культурной модернизации наблюдалась, если не борьба, то некое противостояние двух культур: традиционной и заимствуемой культуры. В результате такого «противостояния» традиционная культура приобретала самобытные черты и переходила в новое качество. При этом, как показывает анализ становления российской государственности, этот тип идентичности формировался под воздействием двух диаметрально противоположных тенденций: социокультурный раскол и социокультурная интеграция. Следовательно, онтологический фундамент российского типа гибридной идентичности составляют следующие бинарные оппозиции: «противоборство – единение», «традиция – обновление».

Таким образом, идентичность есть не свойство, а отношение. Идентичность – результат осознания или рефлексии над прежде неосознанным представлением о себе. Это верно как для индивидуальной, так и для коллективной жизни. В данном случае речь идет об известной в языкознании диалектике подчиненности и структуры, когда с одной стороны существует приоритет целого по отношению к части, а с другой – части по отношению к целому. Часть зависит от целого и обретает свою идентичность, только благодаря роли, которую играет в целом. А целое возникает только из взаимодействия частей.

В литературоведении термин «гибридная идентичность» осваивается уже больше, по крайней мере, двух десятков лет. Как замечает Е.М. Бутенина, явление гибридной идентичности является одним из самых сложных и интересных явлений современной мультикультурной ситуации [2]. Та же Е.М. Бутенина отмечает, что осмыслению данного феномена посвящены многие литературоведческие исследования последних десятилетий. Достаточно многочисленны примеры изучения или описания гибридной идентичности без использования данного термина или его аналогов можно найти и в российской художественной литературе и российском искусстве.

Аналогом, синонимом понятия «гибридная идентичность» в литературоведении служит понятие «пограничная идентичность». Характеризуя особенности гибридной идентичности, Е.М. Бутенина пишет: «Пограничной идентичности свойственна фрагментарность, которую еврейско-американская поэтесса Адриана Рич охарактеризовала яркой метафорой “рассечения от самых корней”» [2, с.6]. Если отвлечься от психологического контекста литературоведческой интерпретации, который

для нас также не менее важен, то основной характеристикой гибридной идентичности, как индивидуальной, так и коллективной, является фрагментарность, включенность фрагментов разных культур и паттернов поведения в культуру и жизнедеятельность носителей идентичности.

Вся российская культура является примером данного феномена. Архитектура и градостроительство в России также не являются исключениями.

В XIX в. в России фиксируется начало процесса урбанизации, а в XX в. урбанизация явилась определяющей тенденцией исторического развития. В узком (собственном) смысле урбанизация есть процесс повышения роли городов в развитии цивилизации и культуры. И как всякий социально-культурный процесс, растянутый во времени, урбанизация – это сложный, многомерный демографический, социально-экономический и географический процесс, происходящий на основе исторически сложившихся форм общества и территориального разделения труда. Развитие процесса урбанизации теснейшим образом связано не только с ростом городов, но и с их обликом. Градостроительные тенденции и городскую архитектуру можно рассматривать как текст, обладающий многоуровневой структурой, хранящий в себе информацию о культурно-историческом развитии любой страны.

Архитектура представляет собой неотъемлемую часть города в его непрерывном развитии, а потому является одной из основных характеристик городской культуры. Не случайно исследование истории городов и городской культуры приобрело самостоятельное научное значение.

Современные процессы урбанизации и застройки российских городов ориентированы на западные образцы. Однако подобные процессы происходили и раньше. Например, в середине X – первой половине XI в. русские города выступают очагами плодотворного и творчески воспринимаемого византийского влияния в сферах культовой практики, архитектуры, монументальной живописи, иконописи и прикладного искусства, в централизованной организации церкви, в заимствовании более цивилизованного образа жизни. К середине XI в. резко возрастает культурное единство Руси на почве христианства. Мир в лице городской культуры становится значительно более многогранным, чем мир предыдущего столетия.

Предвозрождение XIV в., возникнув в Византии и проникнув в Западную Европу через Италию, не осталось без откликов в русских городах. Новое движение захватило собою Псков, Новгород, Москву, Тверь. Как отмечает Д.С. Лихачев, на всем пространстве этой территории мы встречаемся с однородными явлениями, вызванными к жизни развитием демократической жизни в городах и усиленным культурным общением стран [7, с. 17].

Середина XVI в. была временем, когда в разных городах возводились разнообразные по типу сооружения, и когда каменное строительство достигло в целом еще больших масштабов. Традиции шатрового строительства получили воплощение во многих городских постройках.

Однако шатровая архитектура с большим неудовольствием воспринималась официальной церковью, видевшей в этом опасный отказ от вековых традиций, от византийских форм. Неканоничность шатрового типа стала причиной запрещения его патриархом Никоном (в XVII в.), но до этого момента линия шатрового зодчества, продолженная постройками, санкционированными Иваном Грозным, и освященная царским авторитетом, более ста лет обогащала собой русскую архитектуру и даже стала восприниматься как «квинтэссенция древней самобытности» [1, с. 39]. Несмотря на запрет, шатровые храмы продолжали строить вдали от столицы – в Ярославле, Костроме и других городах.

В XVIII в. в России, ведомой реформаторской деятельностью Петра I, происходила европеизация практически всех сторон городской жизни. Архитектура и градостроительные идеи, соответственно, вбирали в себя эти тенденции. Но в первой четверти XIX в. из-за произошедшей переоценки ценностей перед российскими архитекторами была поставлена задача разработки новых национальных архитектурных средств с учетом утраченных ранее традиционных архитектурных форм.

Россия в XVIII-XIX вв. достигла наивысшего развития государственности и культуры, превратившись в одну из крупнейших мировых держав. Начатые в XVIII в. реформы и преобразования продолжались и в XIX в., затрагивая практически все сферы городской жизни. В этот исторический период происходит закладка новых и обновление старых городов, происходит мощный процесс градообразования. Возрастает значение городов как торговых, промышленных и культурных центров России. Ведущая роль в этом глобальном преобразовании выпала на долю новой столицы Российской империи – Санкт-Петербурга, ставшего главным руслом приобщения русского общества к формам и достижениям западноевропейской цивилизации.

На новом этапе развития российской государственности начинает меняться функциональное назначение города как основного звена в системе расселения. В связи с расширением государственных границ и укреплением военной мощи России в центральных территориях Восточной Европы российские города теряют свою старую функцию оборонительных центров. Теперь город – это экономический центр, который становится главной производительной и коммерческой единицей в новой государственной структуре.

В соответствии с этими процессами в архитектурной теории и практике корректируются задачи российского градостроительства.

Русские города всегда играли главную роль в формировании, развитии и сохранении культуры. В XVIII в. Петербург и Москва брали на себя роль ретрансляторов европеизмов на все обширное архитектурное пространство страны. Но вплоть до середины XVIII в. проникновение европеизмов в самобытные архитектурные очаги в целом не изменило картины. Исторически сложившаяся архитектурная среда в количественном отношении здесь еще преобладала. В.В. Кириллов обращает внимание на тот

факт, что соотношение нового и старого разрешалось в пользу традиции, за исключением, быть может, некоторых заново построенных городов-заводов и городов-крепостей [4].

Другая ситуация во взаимоотношении европейского стиля с собственной архитектурной традицией, но в пользу первого, начинает складываться во второй половине XVIII в., т.е. уже в пору утверждения Просветительства [4].

Как показывает М.В. Нащокина, период первой половины XVIII в. для русской архитектуры можно определить как этап постижения морфологических и семантических основ античного зодчества, а период классицизма второй половины XVIII – начала XIX вв. как этап освоения его структурно-типологических основ [10, с. 193].

А.П. Садохин отмечает, что основой нового градостроительства стала регулярность, требование строгости и правильности форм в противовес древнерусской асимметричности и живописности [11, с. 380]. Строительство Петербурга – первого русского города построенного по плану, с регулярной планировкой городских ансамблей, с системой улиц, кварталов, площадей – сыграло огромную роль в становлении архитектуры городов, наиболее отчетливо обозначило новые подходы к градостроительному искусству.

Д.С. Лихачев, называя Петра I гениальным градостроителем, пишет, что он расположил Петербург на таком, казалось бы, неуместном месте, но на самом деле, на очень удобном для будущего развития. По его словам, это было сделано на столетия вперед. Потому что Петр думал о столице, о столице торговой. Ему нужны были набережные. Если сравнить Петербург с любой европейской столицей, да и не только европейской, почти все они расположены на реках. Но в отличие от других столиц Петербург расположен на нескольких десятках рек, тогда существовавших и после частично засыпанных [8, с. 175-176].

Барон Ф.Ф. Вигель в своих мемуарах пишет, что все основное в Санкт-Петербурге сделано при Екатерине, и «город сей, который тридцатипятилетними ее стараниями возвысился и распространился, город, которым щеголяет Россия, забывая, что кости сотен тысяч наших братьев, погибших при ископании сей бездны, служат ему основанием, сей город простоит в великолепии столь же долго, как и слава царства Русского» [3, с. 106].

В XVIII в. в искусстве градостроения и архитектуры появляется новый тип городской усадьбы. М.Б. Михайлова рассматривает группу городских усадеб периода классицизма, которые возводились в центрах русских городов в качестве главных элементов их планировочной структуры или в градостроительно ответственных местах той или иной части города в качестве доминант, художественно организующих застройку. Эти усадьбы отличались от большинства городских усадеб тем, что благодаря высокому социальному статусу их владельцев (обычно это были главы администрации больших территорий) они сочетали в себе функции репрезентативного жилища с многочисленными службами и парком и функции государственного учреждения со служебными помещениями, иногда и с

комнатами необходимого персонала. Та же М.Б. Михайлова отмечает, что сравнительно с большинством аристократических усадеб, резиденциям носителей государственной власти придавались черты повышенной монументальности [9, с. 28-30].

В XVIII в. провинциальные города в европейской и азиатской частях Российской империи развиваются различными темпами. Дополнительным стимулом развития волжских городов является активная торговая деятельность населения, связанная с производством, хранением и сбытом продовольствия [5, с. 271]. Именно поэтому бывшие волжские и камские города-крепости приобретают свое новое назначение и новый архитектурный облик. Это Астрахань, Царицын, Саратов, Симбирск, Самара, Казань, Нижний Новгород, Уфа, Пермь и др.

Лишенные природных ресурсов, востребованных российским обществом и государством на новом этапе своего развития, старинные русские города Новгород, Псков, Тверь, Владимир, Рязань останавливаются в своем градостроительном развитии [5, с. 272].

В первые десятилетия XIX в. градостроительство приобретает небывалый размах, сосредоточившись, прежде всего, на создании городских ансамблей. Архитектура русских городов до середины XIX в. развивалась под знаком классицизма. Монументальность, простота, логическая ясность классицистской образности достигают в этот период большой выразительности. Значительно усилились черты праздничности, торжественности. В зданиях особенно подчеркивалась объемность, величавость.

Развиваясь в формах позднего классицизма – ампира – архитектура приобретает торжественный характер. В отличие от дворцовых и храмовых построек предшествующей эпохи зодчие трудятся в основном над проектами зданий общественного и утилитарного характера: театров, министерств, казарм и т.д. Иными словами, облик архитектуры определяли постройки общегородского предназначения [11, с. 414].

В результате переоценки ценностей выяснилось, что за прошедший XVIII в. были полностью искоренены традиции славяно-византийской культуры. Процессы пересмотра накопленного опыта были также простимулированы победоносно завершившейся для России в 1812 г. войной с Францией. Усиливавшиеся в российском обществе антиевропейские настроения побудили российскую императорскую власть к решительным действиям. Перед российскими архитекторами была поставлена задача разработки новых национальных архитектурных средств с учетом ранее утраченных традиционных архитектурных форм.

Этногенез, технический, научный и культурный прогресс XIX в. привели к тому, что на всей обширной территории Российского государства стала постепенно складываться система расселения, объединяющая европейскую и азиатскую части страны. Под воздействием научного и технического прогресса у населения России после реформ 1861 г. стали складываться потребности создания единой системы расселения.

Экономическое развитие Российской Империи усилилось за счет строительства многочисленных промышленных предприятий и создания новых сухопутных коммуникаций, в том числе железных дорог. Транспортная инфраструктура государства развивалась столь быстрыми темпами, что к 1900 г. в России действовала сеть железнодорожных и водных коммуникаций, объединивших всю обширную территорию страны в единое экономическое и этнокультурное пространство. Основой сложившейся структуры населения была сеть городов, вокруг которых формировались региональные системы расселения [5, с. 331-332].

Вторая половина XIX в. охарактеризовалась тем, что наравне с историческими городами стремительно развивались новые города, основанные в XVIII-XIX вв. Формирование общероссийской системы расселения стало отправной точкой начала нового процесса – урбанизации. Под урбанизацией понимают, как мы уже отметили выше, не только развитие отдельных городов, рост их территорий и увеличение численности населения. Урбанизация – это ускоренные темпы градостроительного освоения территории страны. Такая тенденция наметилась в России в конце XIX в. В этот исторический период интенсивно осваивались территории Донецкого угольного бассейна, Грозненских нефтяных месторождений, Урала, Кузнецка. Интенсивно осваивалась береговая линия крупнейшей реки в европейской части России – Волги.

Вторая треть XIX в. на территории российского государства ознаменовалась свершившимся переходом от мануфактурной формы производства к фабрично-заводской. Этот процесс объективного развития общественного производства в России привел к коренным изменениям в архитектурном и градостроительном творчестве. Изменились формы и методы подготовки новых поколений архитекторов и инженеров в области строительства. Изменились подходы к методам проектирования объектов. Произошли кардинальные изменения и во взаимоотношениях между заказчиком, проектировщиком и подрядчиком. XIX в. стал временем становления новых подходов к этим проблемам, и во многом составил основы современной архитектурной деятельности.

С середины XIX в. производственные предприятия начинают играть роль главных градообразующих факторов. Именно вокруг производственных предприятий начинают развиваться новые городские структуры.

Для России строительство железных дорог, с их развитой инфраструктурой, мостовыми сооружениями и пристанционными постройками, стало одним из двигателей технической революции. В городах сети железнодорожного транспорта и их инфраструктура стали играть заметную роль, влияя на развитие планировочных структур, формирование уличной сети. Вокзальные комплексы, как и производственные предприятия, также становятся градообразующими факторами [5, с. 338].

Новая система ценностей, в том числе и в архитектуре, явилась следствием развития просвещения в XVIII – начале XIX вв. С.С. Леошенко подчеркивает, что эта новая система ценностей была основана на славяно-

византийских традициях [6, с. 14]. В отличие от этой тенденции, общей тенденцией в градостроительном проектировании России конца XIX в. была разработка городов-спутников для крупных промышленных центров, а также новых городских районов непосредственно в составе исторически сложившихся городских структур. И города-спутники, и новые городские районы отвечали широко распространенной в это время в Европе идее «города-сада», ставшей отчасти идеалистической. Наиболее яркими примерами таких реализованных проектов являются: Елица-Парк под Санкт-Петербургом, жилой район «Сад-город» в составе города Барнаула, а также жилые районы-сады под Харьковом, Одессой, Владивостоком. Именно эти градостроительные идеи конца XIX в. были приняты как «социалистическая концепция» в градостроительстве XX в. [5, с. 342].

Таким образом, трудно переоценить развитие городов для культуры России. В истории России города, будучи важнейшей социально-экономической структурой общества, а потому и центром сосредоточения высших материальных и духовных ценностей, определяющих характер и темпы государственного и культурного развития всей страны, играли главную роль в становлении нашей культуры. Именно город является носителем, хранителем и ретранслятором культуры.

Итак, подводя итоги, подчеркнем, что процесс урбанизации в России начинается в XIX в. Теперь город – это экономический центр, который становится главной производительной и коммерческой единицей в новой государственной структуре. Не случайно в начале XIX в. фиксируется отход от национальных традиций, и происходят поиски новых решений, сохраняющих утраченные отечественные традиции.

Отметим, что сходная социокультурная ситуация сложилась в нашей стране и в 1990-х гг., что во многом определялось социально-экономической и общественно-политической обстановкой в России, сменой модели общественного развития, попытками очередного реформирования и модернизации страны, условиями завершения ее индустриальной модернизации. В России 1990-х гг. было отвергнуто и разрушено почти все «старое», но, в отличие от процесса градостроительства XIX в., поиск новых решений не был основан на отечественных традиционных формах.

Мы считаем, что переосмысление культурно-исторического опыта России XVIII-XIX вв. поможет современной России должным образом опереться на свое культурное наследие, принимать решения, основанные на ее национальных традициях.

Литература

1. Бусева-Давыдова И.Л. Царские усадьбы XVII в. и их место в истории русской архитектуры // Архитектура русской усадьбы. М., 1998. С. 38-49.
2. Бутенина Е.М. Под знаком ветра и воды: проблема гибридной идентичности в китайско-американской литературе. Владивосток, 2007.
3. Вигель Ф.Ф. История светской жизни императорской России. М., 2008.
4. Кириллов В.В. На переломе от Средневековья к Новому времени (русская модель европеизации архитектуры) [Электронный ресурс]. URL: http://www.archi.ru/files/publications/articles/kiril_archi.htm (дата обращения 27.02.2012).

5. Лазарев А.Г., Лазарев А.А. История архитектуры и градостроительства России, Украины, Белоруссии VI-XX вв. Ростов н/Д, 2003.
6. Левашко С.С. Россия на Дальнем Востоке: новая градостроительная концепция и православные храмы в русском стиле (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) // Христианское зодчество: Материалы научной конференции. М., 2000.
7. Лихачев Д.С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (Конец XIV – начало XVI в.). Л., 1946.
8. Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000.
9. Михайлова М.Б. Усадьба как ключевой элемент градостроительной композиции (XVIII – первая треть XIX в.) // Сборник общества изучения русской усадьбы. М., 1996. С. 28-35.
10. Нащокина М.В. Античное наследие в архитектуре позднего классицизма // Русский классицизм второй половины XVIII – начала XIX века. М., 1994. С. 184-193.
11. Садохин А.П. Мировая художественная культура. М., 2009.
12. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112-123. URL: <http://www.philosophy.ru/library/vopros/65.html> (дата обращения 20.09.2010).

Гуань Минчжу

*магистр культурологии, Научный секретарь
Муданьцзянский педагогический университет
г. Муданьцзян, Китай*

Арташкина Т.А.

*д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии и искусствоведения
Школа искусства, культуры и спорта
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

Влияние внешних слов на развитие китайского языка

Заимствования иностранных слов – один из способов развития современного языка. Язык всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества. Заимствования становятся результатом контактов, взаимоотношений разных народов и государств. Такие слова становятся внешними по отношению к основному строю родного языка.

Основной причиной заимствования иноязычной лексики признается отсутствие соответствующего понятия в базе языка-рецептора.

При изучении процесса формирования внешних слов китайского языка вначале задумываются над тем, почему же появилось то или другое внешнее слово. Возможно, существует определенная неясность возникновения новых концепций данного слова, а возможно существуют определенные трудности понимания значения внешних слов. Все эти обстоятельства, как правило, смущают исследователя. Переводя иностранное слово, обычно понимают его концепцию. А уже понимая концепцию слова, ищут соответствующие символы китайского языка, способные отразить понятую концепцию.

Для слов китайского языка сначала определяется их смысл, потом звук, и только потом определяется форма, в которую облачается новое слово. Таким образом, намечается следующая последовательность действий исследователя: ученые изучают слова, видят их форму, получают звук, узнают звук, получают значение слова в китайском языке [1]. Форма внешних слов передается китайскими иероглифами, их звучание тоже должно быть китайским, но у этих слов есть еще и значение. Поэтому заимствуется только концепция слов. Таким образом, старые формы китайских иероглифов начинают соответствовать новым значениям, а новые формы – заимствуемым словам и их концепция, в частности, соответствуют западным концепциям. Поэтому устанавливаемые взаимозависимые связи между формами, звуками и значениями новых слов «сломали» бывшие состояния взаимосвязи между старыми концепциями внешних слов [1].

Внешние слова китайского языка сначала необходимо рассматривать с точки зрения содержания китайских иероглифов, с помощью которых они записаны. Эти иероглифы могут не соответствовать западным концепциям таких слов. Слова из общего словаря и слова, используемые конкретным человеком, могут не совпадать: часто возникают такие случаи, когда человек выбрал только один смысл из многих смыслов и конкретный способ словоупотребления. В то же время возможна некая причина, которая способна изменить значение китайских иероглифов.

Значение иероглифов способно измениться под воздействием трех причин [2]:

- во-первых, это причины социального характера (исторические события, смена правящих династий, изменение социального статуса конкретного человека и той общественной роли, которую он играл);
- во-вторых, это психологические факторы (человеческую привязанность могут вызвать сходство вещей или близость чувства);
- в-третьих, это собственные внутренние причины, существующие в языке (семантические взаимные компромиссы).

Таковы основные причины изменения значения китайских иероглифов. Из перечисленных причин причины социального характера представляются наиболее важными, наиболее существенными. Но мы бы еще хотели отметить важность человеческого психологического фактора, особенно в тех случаях, когда устанавливается связь между иероглифами и смыслом слов. И в этом случае психологический фактор играет немаловажную роль. Изменения смысла китайских слов наиболее зримо, наиболее очевидно проявляются во внешних словах.

Появление внешних по отношению к родному языку слов не всегда признается положительным и значимым явлением. В зависимости от концепции слов, их категории и области познания появление внешних слов может быть признано негативным явлением. Это возникает тогда, когда концепции слов не ясны, категории слов определяются не точно, а значения самих внешних слов не находят соответствия в родном языке.

Мы также должны отметить, что способность внешних и невнешних слов сочетаться с другими словами родного языка неодинакова. Поэтому возникает вопрос: если концепции слов могут соответствовать друг другу, то почему не наблюдается такого соответствия между самими словами? Эта особенность языка является относительно устойчивой (неподвижной), консервативной частью языковой системы. Иными словами, язык сам может служить такой системой, которая является закрытой, по крайней мере, в определенном историческом времени. Или он таким просто кажется.

Большинство внешних слов по своему значению являются разными. Внешние концепции (концепции внешних слов) нелегко включаются в общий строй родных слов китайского языка, которые непосредственно связаны с самой языковой системой и ее относительной стабильностью.

В определенное время и в определенной сфере обязательно осуществляется внедрение внешних концепций в родной язык. Это приводит к тому, что в словарях родного языка возникает определенный хаос. Например, звуки родного языка соответствуют звукам внешних слов, но значение слов родного языка потерялось. То есть в совокупности значений родного языка трудно найти правильное объяснение внешних слов, или же содержание объяснения значения слов осуществляется по-разному.

В китайском языке появление внешних слов часто связано с историей перевода. Исследователи отмечают: «Появление внешних слов в китайском языке тесно связано с историей перевода произведений по родной литературе, искусству, науке, философии, по религии и т.д. Эти процессы развивались параллельно. Внешние слова из России, вероятно, появились в начале XX века, и процесс их появления начинался с российских книг. Такими книгами были книги Маркса и Энгельса, а также книги Толстого, Пушкина, Гоголя, Горького, Островского и т.д. И хотя эти книги переводились много и многими, и эти слова сейчас активно используются, но эти слова как внешние слова входили в китайский язык очень редко. Ученые считали, что современные китайские слова, главным образом, взяты как внешние слова из Европы, Америки и Японии, а из России внешних слов взято мало. Главным образом, это наблюдалось только во времена Советского Союза, большевиков, да и то тогда было заимствовано всего несколько слов» [3, с. 79].

Чтобы лучше понять механизм появления внешних слов из русского языка, мы, на основе анализа корреляции соответствующих книг, из которых происходило заимствование слов русского языка, выделили пять каналов такого заимствования.

Во-первых, Китай и СССР/Россия имеют общую границу, которая предоставляет большие возможности для взаимодействия китайского и русского языков, а также китайской и русской культуры. Китай и СССР/Россия являются соседними странами, их соединяет длинная пограничная полоса. В провинции Хэйлунцзян, расположенной на северо-востоке Китая, находится несколько городов, граничащих с городами Дальневосточной области России. И это позволяет гражданам двух стран

непосредственно общаться друг с другом. У народов этих двух стран есть длинная история общения. Такое естественное условие предоставляет большие возможности для взаимного проникновения китайского и русского языков.

Во-вторых, в конце XIX – начале XX века русское население приехало в Китай и принесло с собой русский язык и русскую культуру. В исторических источниках написано, что в Новое время русские два раза активно приезжали в эту северо-восточную область Китая. В первый раз это произошло в 1897 году, когда начинали строить Китайскую восточную железную дорогу. Русские массово приехали в Харбин, где они инвестировали и построили заводы, начали торговлю. Появление определенных материальных благ в самом Китае углубило дружбу между двумя народами и сотрудничество между Китаем и Россией, содействовало взаимному общению и взаимодействию между китайским и русским языками. Второй раз активный приезд русских в Китай происходил во время Октябрьской революции. Октябрьская революция победила, и реакционная буржуазия потеряла все. Представители буржуазии бежали. Одновременно они скрывали правду от массового населения, что позволило им приехать в Китай. Перед японской оккупацией в Харбине было почти сто тысяч русских. Такое большое количество русских оказывало существенное влияние на культуру этого региона. Поэтому легко увидеть в этом районе влияние русского языка на китайский язык [4].

В-третьих, распространение идеалов марксизма-ленинизма после Октябрьской революции активизировало всестороннее общение и взаимодействие русского и китайского языков. Общеизвестно, что после Октябрьской революции распространение идеалов марксизма-ленинизма оказало огромное влияние на новую китайскую социалистическую революцию и строительство нового общества в Китае. Китайские передовые интеллигенты переводили во множестве книги по марксизму-ленинизму, научно-техническую литературу и учебники, изданные в СССР с русского языка на китайский язык. Таким образом, многочисленные слова по политике, экономике, технике, образованию стали проникать в китайский язык. В 1950-ых годах XX века активное освоение русского языка («горячка русского языка») достигла своей кульминации. Русский язык стал почти единственным языком происхождения внешних слов. Благодаря такой политике устанавливаются идеи «Россия – учитель», советские специалисты массово приезжают в Китай, многочисленные студенты приехали в Россию учиться. В результате в китайский язык проникло множество слов по политике, экономике, науке и технике, военным делам, культуре. Русский язык как будто стал в Китае единственным каналом связи с внешним миром. Но из-за ухудшения отношений между Китаем и СССР, особенно после «культурной революции» 1960-ых годов, былая «горячка русского языка» начала быстро снижаться. И влияние русского языка на китайский язык тоже постепенно ослабело.

В-четвертых, распространение русской литературы и ее глубокое влияние на китайскую культуру стало еще одним важным каналом продвижения русских слов. Русская литература XIX века и пролетарская литература после Октябрьской революции познакомили китайцев с прекрасными литературными произведениями. На китайский язык были переведены многие произведения о мужественных и трогательных литературных образах. Например, имена Павла Корчагина, Зои и Шуры и т.д. хорошо знают даже современные китайцы.

И, наконец, в-пятых, в 1980-ых годах XX века в Китае стала проводиться политика преобразований и открытости. Китайско-русские отношения постепенно изменились к лучшему и принесли новое возрождение общения между исторически сложившимися китайской и русской культурами. У двух стран эти отношения наиболее полно раскрылись в политике, экономике, военном деле, культуре и в других направлениях. Но влияние, которое оказывает теперь русский язык на китайский, по сравнению с английским и японским языками, стало очень ограниченным. В современном китайском языке немного найдется слов из русского языка, связанных с политикой, экономикой, научно-технической стороной. Заимствованные слова русского можно встретить среди китайских слов, отражающих исторические события, среди частных собственных слов и в устных словах в северном диалекте.

Вообще говоря, китайские слова, заимствованные из русского языка, главным образом, появляются по двум каналам: письменный перевод и устная речь. Письменный перевод, главным образом, был связан с переводом на китайский язык произведений марксизма-ленинизма, литературных произведений советских авторов, советских научно-технических книг и т.д., а при заимствовании из устной речи, главным образом, брались слова, которые отражали неофициальное общественное общение между народами Китая и России.

Литература

1. 钟少华：《中国近代新词语谈藪》，外语教学与研究出版社，2006年。(Чжун Шаогуа. Полное обобщение китайских современных слов. Книгоиздательство обучения и изучения иностранных языков, 2006.)
2. 王德春：《语言学概论》，上海外语教育出版社，1997年。(Ван Дэчун. Введение в языковедение. Шанхайское книгоиздательство обучения иностранным языкам, 1997.)
3. 史有为：《汉语外来词》，商务印书馆，2000年，第79页。(Ши Ювэй. Внешние слова в китайском языке. Издательство торговли, 2000.)
4. 王恩珩：“源于俄语的汉语外来词”，《东北师范大学学报（哲学社会科学版）》1987年第5期。(Ван Эньюй. Внешние слова из русского языка // Научный журнал Северо-восточного педагогического университета (Эдиция философии, общества и науки). 1987. Вып. 5.)

Влияние китайской культуры на вьетнамскую культуру

Наша статья посвящена культурному контакту между Вьетнамом и Китаем. Каков уровень влияния китайской культуры на вьетнамскую культуру? – мы редко задаемся этим вопросом. Например, в китайской и вьетнамской культуре есть сходство, но в то же время есть и различие между ними. Рассмотрим основные принципы, приводящие к таким различиям.

Часто говорится о влиянии китайской культуры на вьетнамскую культуру, но каков уровень этого влияния, рассматривается редко. Например, в китайской и вьетнамской культуре сходством являются конфуцианство, экзамены, литература, но есть и различия между ними. Надо обратить внимание на основные принципы, приводящие к таким различиям, иначе, можно легко впасть в одну из двух крайностей, или это имитация, или просто посмотреть на борьбу.

Это важно, чтобы понять, что хотя между ними были точки соприкосновения, но ещё есть фундаментальная разница, и мы должны их различить.

1. Китайская культура – это огромный мир, состоящий из пяти маленьких различных культур. Там культура пустыни на северо-западе, юго-западная культура, южная культура Китая, южно-китайская прибрежная культура, сформировавшаяся под влиянием культуры западных стран. Культура дельты Желтого бассейна влияет на вьетнамскую культуру. Не трудно отметить, что вьетнамская культура также существует до нашего времени в провинции Гуандун, Юньнань. Это доказывает происхождение юго-восточной Азии в этом регионе.

2. Китайский народ и китайская культура остаются загадкой. Китай является таинственным миром. Говоря о языке, трудно сказать, сколько иероглифов в китайском языке, потому что каждый из них выражает целое явление, включает в себе понятие. Часто усвоение отдельных китайских иероглифов вызывает больше интереса к языку, так как иероглиф нагляден.

3. Поговорим об искусстве и музыке. Китайский писатель и конфуцианец должны знать музыку и искусство, которые создают основы всей культуры. Большинство из представителей вьетнамского конфуцианства глухи к музыке, не имеют никакого представления о роли музыки в духовном плане. Китайская живопись связана с каллиграфией. Кроме того, в китайской живописи есть что-то от магии, а не от картины. Картина основана на черном цвете, выполнена только с помощью чернил. Китайский способ нанесения является странным: художники располагают объекты осторожно, каждый час, каждый день. Когда они рисуют, дверь закрыта, объекты не находятся в поле зрения художника – они извлекаются из памяти. Во Вьетнаме Донгхо

картины построены другим образом, потому что Донгхо картины происходит от деревни и обычной трудовой жизни людей. Материалы, цвет, название взяты из пословиц, народных песней. В них нет ничего благородного, возвышенного, строгого. Они все деревенские, честные, простые.

4. Китайская культура является культурой экстремизма. В этой культуре, людям нравится делать то, что находится на грани человеческих способностей: например длинная великая китайская стена, канал Ванха, летний дворец, высокая статуя будды в Гонконге, большая площадь Тяньаньмэнь. Китайская культура предпочитает идти против человеческой точки зрения. «Невидимые существа» победили «реальные существа», боги победили факты, черный и белый цвета победили другие цвета. Не будем вдаваться в детали. Автору более близка другая культурная среда. Во вьетнамской культуре нет таких великих вещей, как в Китае и не испугались люди. Я восхищаюсь китайской культурой, но я и боюсь ее. Я люблю вьетнамскую культуру, потому что это близко для меня, как моя собственная мать.

5. Китайская культура есть мировая культура. Она может мобилизовать миллионы людей, способна потратить значительные денежные средства на работу. Культура Вьетнама является культурой маленькой и бедной страны с центральным правительством на основе деревни. Основой вьетнамской культуры является культура смирения, простоты, это культура без крайностей, но она также представляет собой культуру, основанную на индивидуальности.

Столкновение различных культур необходимо для жизнеспособности нашего интеллекта. Чтобы создать свою собственную идентичность, легко закрыть, легко ладить, но не последователями, это очень трудно. Культура пробуждает наше сознание от интеллектуальной спячки. Каждая нация обладает собственной культурой, способной обогатить все народы. Она должна поддерживать огонь в своем светильнике разума, чтобы вместе со всеми другими нациями освещать мир. Поэтому мы должны готовить широкое поле для сотрудничества культур всего мира, тогда каждая из культур будет отдавать свой цвет, лучшее, что у нее есть, и брать у другой и каждую будут изучать в ее историческом развитии. Влияние китайской культуры на вьетнамскую культуру было в прошлом и будет в будущем, и это влияние помогает вьетнамской культуре в поиске путей лучших вариантов своего развития.

Литература

1. Leys Simon, 1983, La forêt en feu, Hermann, Paris.
2. Demiéville Paul, 1962, Anthologie cde la pcoésielchinoise classique, Gallimard, Paris.
3. [Электронные ресурсы]: <http://www.vhttdlvinhphuc.vn/Channel.aspx?rc=tapchivh&c=Xuan2008&a=783>, дата обращения 27.02.2013.

Влияние средств массовой информации на формирование ценностных ориентаций современной российской студенческой молодежи

В контексте происходящих сегодня в нашей стране социокультурных изменений неизменно актуальной остается проблема нравственных ценностей современной молодежи. Особое внимание акцентирует на себе самая мобильная и восприимчивая ко всем трансформациям молодежная группа – студенчество.

Период студенчества представляет собой особый этап, связанный с освоением духовной реальности общества. Именно в этот период – период накопления знаний, опыта, осознания себя как личности, происходит и процесс ценностного самоопределения.

Огромное количество современных социологических исследований фиксируют общий ценностно-нормативный кризис в студенческой среде. Отчего же складывается подобная ситуация? Ценностные ориентации советских студентов в значительной степени соответствовали существующей на тот момент коммунистической идеологии. С распадом СССР, оказавшаяся на периферии государственных интересов студенческая молодежь, потеряла ценностные ориентиры предыдущей эпохи и оказалась в глубоком ценностно-нравственном кризисе. Одним из усугубляющих этот кризис факторов является, на наш взгляд, безответственный подход к формированию транслируемой информации многочисленными СМИ, ставшими, по сути, производителями современной массовой культуры. Жизнь в медиатизированном пространстве имеет как свои положительные, так и отрицательные моменты. С одной стороны, вхождение в глобальное информационное пространство является одним из важнейших компонентов современной цивилизации. С другой, - данное обстоятельство стало играть чуть ли не определяющую роль в процессе формирования личностных ориентаций молодежи, среди которых существенную роль занимает система ценностных ориентаций. К сожалению, так сложилось, что чаще всего современные СМИ влияют на формирование общественного сознания молодежи вообще и студенческой молодежи в частности негативно. Возрастные особенности данной социальной группы таковы, что молодые люди оказываются не всегда способными самостоятельно выбрать правильные ориентиры в огромном информационном потоке, исходящем от СМИ. А если принять во внимание обстоятельство наличия идеологического вакуума в нашей стране, то получается, что обрушивающаяся на молодежь информация, зачастую носящая противоречивый, необъективный и даже

ложный характер, способствует формированию искаженных идеалов и жизненных ценностей.

Результаты проведенного исследования среди студентов Кемеровских учебных заведений как среднего (Кемеровский областной художественный колледж), так и высшего звена (Кемеровская государственная медицинская академия), эмпирически доказывают данные утверждения. Исследование проводилось методом анкетного опроса. Выборка испытуемых - 150 студентов 2, 3, 4 курсов всех специальностей. Данные проведенного исследования позволили сделать следующие выводы:

1) Большинство студентов доверяют СМИ, однако студенты вуза несколько в меньшей степени, нежели студенты колледжа (73% и 84% соответственно). Из всех существующих средств массовой информации наибольшая степень доверия была выражена Интернету (77% - студенты вуза и 62% - студенты колледжа). Самый низкий статус доверия получило телевидение (всего 5%).

2) Одним из косвенных показателей степени влияния СМИ на формирование ценностных ориентаций студентов является периодичность их обращения к тем или иным информационным источникам, и количество времени, затраченное на получение из них информации. Результаты опроса показали, что чаще всего студенты обращаются за информацией к Интернету (89% студентов вуза и 68% студентов колледжа). Таким образом, Интернет является на сегодняшний день самым популярным информационным источником среди студенческой молодежи. И этому есть свое объяснение: Интернет-информация обладает высокой зрелищностью, динамичностью, сильным эмоциональным воздействием, часто не требует умственных усилий и легко воспринимается. Кроме того, поиск в Интернете осуществляется довольно быстро и мобильно, то есть его можно осуществить практически в любом месте, где есть возможность «выхода в сеть». Однако стоит отметить, что информация из Интернета нередко плохо встраивается в ту систему ценностей, которую транслируют образовательные учреждения, и студент постепенно перестает относиться к ней критично, отторгая более сложное знание, и все чаще подменяет жизненно важные вопросы простыми решениями, которые предлагает массовая культура. Растёт фрагментарность и противоречивость сознания, усиливается поляризация ценностей и интересов, частым становится явление «уживания» несовместимых идей, взглядов, представлений в сознании индивида. Личность, только находящаяся в процессе аксиологического самоопределения, может ещё не иметь духовных «якорей», поэтому её ценностный поиск, оценка, выбор и проекция, обеспечивающие восхождение личности к ценностям, могут быть весьма затруднены.

3) Прямо или косвенно, но СМИ ориентируют потребителей своих услуг на те или иные ценности. Опрашиваемые студенты выполнили ранжирование ценностей, на которые, по их мнению, в большей степени ориентируют СМИ. Первое место в этом списке заняли ценности материального благополучия, карьеры и социального престижа, а последнее - ценности

семьи, дружбы, образования, здоровья и патриотизма. Полученные данные позволяют говорить о том, что большинство современных средств массовой информации пропагандируют не нравственные, а прагматические ценности, основная задача которых – достичь определенных целей. Например, ценность образования превращается в средство для получения диплома или отсрочки от армии. Такая трансформация ценностей в студенческой среде является всего лишь отражением общей переоценки ценностей всего российского общества. И не последнюю роль в этом процессе играют СМИ, которые навязывают нам со всех сторон определенные идеалы, закрепляющиеся в сознании в качестве непреложных истин.

В результате всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что средства массовой информации занимают важное место в системе формирования ценностной структуры современного общества. А их воздействие на сознание студенческой молодежи имеет как негативные, так и позитивные последствия. К негативным можно отнести следующие: формирование фрагментарного мировоззрения, снижение ценности поиска истины, формирование потребности в немедленном удовлетворении собственных желаний и нужд, снижение качества межличностного общения, повышение агрессии из-за огромного количества сцен насилия. А к позитивным – повышение осведомлённости, любознательности, расширение круга общения, удовлетворение тяги к творчеству, самовыражение и реализация некоторых других духовных потребностей. Наличие как позитивной, так и негативной сторон влияния говорит о необходимости более ответственного подхода к формированию той информации, которая будет передана через СМИ, поскольку наряду с позитивными возможностями, она может запустить и непоправимый деструктивный процесс в формировании ценностных ориентаций молодого поколения.

Литература

1. Гнидина Э. СМИ как общественный манипулятор. – М.: Наука, 2007. – 137 с.
2. Мальченко О.Н. Влияние СМИ на формирование морально-ценностной идентификации студентов-спортсменов // Молодой ученый. – 2012. - №4. – С. 364-366.
3. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – М.: УРСС, 2006. – 311 с.

Внешний и внутренний диалог в открытии высокого жизненного смысла

Проявление человеком собственной человеческой сущности невозможно без стремления к смыслам идеального бытия (В.В.Летуновский). Отмечая неоспоримую связь материального, социального и духовного, психологи подчеркивают приоритетность духовного развития человека (А.Ассаджоли, Г.А.Балл, Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев, А.В.Петровский, В.А.Татенко и др.). Гуманистическая психология признает возможность гармоничного существования человека только при наличии у него «высокого» смысла жизни (А.А.Бодалев, Г.А.Вайзер, Л.С.Рубинштейн, В.Э.Чудновский и др.).

Под *высоким смыслом жизни* мы понимаем такое психологическое образование, которое определяет представление человека о наивысших, духовных ценностях, в соответствии с которыми он строит свою жизнь, стремится ее осознать как целостный процесс по восходящей. Высокий смысл жизни может состоять из нескольких высоких значений человеческого бытия. Он представляет собой не просто «застывшее» значение, некую неоспоримую истину, например: Добро, Вера, Любовь, Красота, но также «значимость», «цель» (Ш.М.Рахматуллина), действие, обогащенное этими высокими содержаниями. Правомерно говорить о деятельном, поступковом характере смысла жизни для индивида (В.А.Роменец, В.А.Татенко и др.).

Направленность современных подростков и юношей на высокие жизненные смыслы (Гурлева Т.С., 2008-2010), стремление претворять их в реальность требуют от социального окружения благоприятных условий для личностного роста молодых людей, расширению и активизации их возможностей для поиска и реализации этих смыслов, а значит духовного обновления и совершенства. Компетентное психологическое сопровождение может помочь человеку почувствовать и осознать себя творящей личностью, что возможно в процессе постижения и воплощения смыслов высокого порядка, а отсюда - нового осмысления себя, других людей, жизненных реалий.

Психологическим пространством помощи человеку в постижении высокого смысла жизни является *диалог*, пространство диалога. Диалогический принцип считается одной из важнейших составляющих гуманистической парадигмы западной и отечественной психологической науки. Термин «диалог» понимается как целостный акт, а субъекты диалога рассматриваются как равноправные, свободные и независимые [1; 3 и др.]. Диалог также трактуется как основа человеческого существования, условие человеческого сознания; как форма человеко-человеческого бытия; как особый мир и форма общения двух; обязательно как субъект-субъектное

взаимодействие. Диалогическая открытость предполагает отношение проникновения, глубокий личностный контакт при условии доверия, самораскрытия обоих, взаимного понимания. Это и момент исповедания, некое со-бытие, клеточка психодуховности, жизнь духа и пр. А также, диалог – это дискурсивный процесс, беседа, разговор, средство, прием, метод и принцип организации психотерапевтического процесса.

Диалог открывает человеку возможности расширить пределы своего сознания, найти индивидуальные резервы для построения конструктивной жизненной стратегии, для определения ценностного вектора своей жизни в определенных социокультурных условиях. В работе «Эстетика словесного творчества» М.Бахтин писал: "Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту.... Даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конченными) - они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога".

С точки зрения гуманистической психологии и психотерапии диалог позволяет подтолкнуть человека к открытию им же самим адекватного для себя смысла жизни (например, сократовский диалог). Чрезвычайно важным является понимание *диалога как морального, духовного общения*, которое считается наиболее адекватным способом со-бытия личностей. Духовные ценности и смыслы не могут быть человеку кем-то навязанными, внушенными, они должны быть им открытыми самостоятельно и глубоко прочувствованными. Результатом диалога как творческого взаимодействия его участников, становится открытие высоких, духовных смыслов, со-творение новой смысловой реальности.

Взаимодополнение, соотнесение, встреча позиций участников общения является целью диалога, который осуществляется на основе межличностного, субъект-субъектного взаимодействия. В процессе такого взаимодействия один человек помогает другому построить *внутренний диалог*, благодаря которому тот выявляет в себе способность прислушиваться к себе и открыть высшие, сущностные смыслы. Внутренний диалог рассматривается как один из видов автокоммуникации, то есть рефлексии, самопознания, как «творчество в пределах своей личности» [2, с.7]. В процессе психологической помощи, консультант, при условии принятия личности собеседника и оставляя ему свободу выбора, стремится помочь ему осознать противоречия между духовным Я и наличным Я, помочь пробуждению в нем живительных духовных сил, скрытых в глубине души [4]. Настрой на диалог, на процесс диалогического взаимодействия и «диалогическая незавершенность» составляют этапы и условия психологической помощи человеку в непрерывном поиске и открытии высокого смысла жизни.

Литература

1. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры (На путях к гуманитарному разуму). Очерк третий. Диалог и культура. (Общаясь с Бахтиным). – М.: Гнозис, 1991.
2. Гримак Л.П. Общение с собой: Начала психологии активности. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

3. Каган М.С. Внутренний диалог как закономерность художественного творчества // Советское искусствознание. 1985. – № 19. – С. 184–219.
4. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии: Наука о душе. М.: ВЛАДОС, 2001.

Степанов А.Н.

*К. филос. наук, доцент кафедры философии
Самарского Государственного Технического Университета,
г. Самара, Россия*

Бербасов Я.В.

*Студент 2 курса Инженерно – Экономического Факультета
Самарского Государственного Технического Университета,
г. Самара, Россия*

Идеалы как эстетические ценности

Человечество нуждается в эстетических идеалах, поскольку их отсутствие ведет к деградации человека, общества и к неизбежному распаду государства. Общественное бытие человека не существует без эстетических идеалов. В истории человечества эстетические идеалы как философские представления и понятия были, есть и будут. По содержанию и форме они бывают духовно-нравственными, искусствоведческими, культурологическими, технологическими, политико-правовыми, социально-экономическими. Эстетические идеалы зависят от господствующих социальных отношений, от общественно-значимых авторитетных партий и личностей, от этнических групп, от религии, технического, технологического и интеллектуального уровня культуры общества.

Эстетические ценности это духовно-социальные основы жизни с гуманными, положительными тенденциями и содержанием. Эстетическое содержание идеалов представлено в универсальных закономерностях, которым подчиняется объективная реальность социальной жизни, познание, трудовая деятельность и правовые основы жизни. Эстетические идеалы детерминированы исторической эпохой, социально-политическим строем, экономическими условиями жизни, правовыми условиями, био-психологическим состоянием человека, религиозными устоями, национальным мировоззрением и культурным уровнем жизни человека и общества. Эстетические идеалы являются идеальными образами, понятиями, суждениями и одновременно методологическим руководством к жизни и деятельности человека и общества. В связи с этим уместно сказать, что «Лучше всех живет тот, кто больше всех заботится о том, чтобы делаться как можно лучше, а приятнее всех – кто больше всех сознает, что он делается лучше» [1, с. 260].

Люди стремятся к эстетическим идеалам, желая получить эстетическое наслаждение. Идеалы это образы и представления о совершенстве, гармонии, красоте жизни. Так эстетический идеал совершенства понимается как высшая

степень соответствующей формы социального бытия, проявляющегося в объективности общественной жизни, как культурно-нравственный процесс улучшения условий жизни людей. К сожалению, у некоторых людей идеалами жизни являются не принципы нравственности, а идеи меркантилизма материально-финансового богатства. Если в обществе будет господствовать только такая форма и понимание содержания идеалов, то нравственная коррозия будет интенсивно разлагать общество и государство, ведя их к упадку и гибели.

Эстетические идеалы являются критерием оценки прекрасного в жизни, искусстве, поэзии, архитектуре, литературе, музыке и обществе. От эстетических идеалов зависит, какими будут нравственные ценности нашего общества и культура каждого человека, вот почему социальные идеалы очень важны для жизни каждого. Стремясь к эстетическим идеалам, человек самосовершенствуется. В этом кроется естественное социо-культурное значение эстетических идеалов для человека и общества. «Прекрасное – категория эстетики, выражающая представление о красоте, об эстетическом или художественном совершенстве явлений природы, искусства и социальной жизни. В противоположность полезному или утилитарному прекрасное имеет бескорыстный характер. Прекрасное неразрывно связано с эстетическим идеалом» [2, с. 457].

Эстетический идеал является идеалом общественным – принадлежащим интересам всего или большинства общества, класса, социальной группы как представление и понятие о совершенном образе жизни, что является целью устремлений и деятельности всех людей. Но если эти представления противоречат прекрасному идеалу, то жизнь становится ужасной, безобразной, исчезает культура человека и общества. Идеал общественный является аксиологической ценностью общества. Если общество, или его большинство придерживается эстетических идеалов, то такое общество достаточно совершенно.

Неразумно человеку придерживаться и жить только по экономическим, коммерческим или финансовым идеалам. Без эстетических нравственных идеалов мир гармонии и солидарности, демократии и справедливости рухнет и теряет историческую возможность существовать. Социально-эстетический идеал гармоничного может проявляться в реалиях общественной жизни следующим образом: наступает торжество коллективизма, солидарности, товарищества, взаимопомощи, взаимовыручки, исчезает криминальность, кризисы и революционные ситуации. Общество консолидируется, исчезают классовые различия, укрепляется социальное единство, уходит бедность, развивается нравственная, духовная и научная культура, страна становится могучим государством.

Социальные эстетические идеалы неразрывно связаны с прекрасным, верным, правдивым, честным, истинным. Социальная значимость эстетических идеалов и их роль в жизни человека и общества зависят от воспитания, нравственных принципов, гуманных устремлений, социально-

классовых отношений и исторической эпохи. Значение эстетических идеалов в жизни каждого человека велико, его невозможно переоценить. Роль эстетического идеала в том, чтобы быть для людей критерием оценки прекрасного в действительности. «Идеал не что иное, как кульминационный пункт логики, подобно тому, как красота – вершина истины» [3, с. 59]

Литература

1. Кессиди Ф.Х. Сократ. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Философский словарь / Под редакцией И.Т. Фролов. М., Издательство «Республика», 2001.
3. Гюго В. М. Собрание сочинений в 10-и томах. Том седьмой. М., 1972.

Катунин А.В.

*аспирант сектора теории познания,
Институт философии РАН,
г. Москва, Россия*

Идея трансцендентального «Я» в философии И.Канта

Трудность философского анализа «Я» заключается в том, что данная тема имеет междисциплинарный характер. Поэтому в каждой области исследования «Я» понимается в разных ракурсах. В данной статье ненаблюдаемость «Я» рассматривается в эпистимологическом ключе. Объектом исследования в данной работе станет «Я», а предметом – его свойства ненаблюдаемости.

Проблема «Я» исторически поднималась разными философами в разные эпохи. В Новое Время проблема человеческого «Я» стала предметом наиболее пристальных исследований. В значительной мере акцентируется внимание на проблеме восприятия индивидом самого себя, самоопределения, поиска «предельных оснований жизнедеятельности», в качестве одного из таких было найдено «Я», ярко выраженное в положении Декарта «*Cogito ergo sum*». Декарт подвергает сомнению практически всё: сомнительными могут быть показания органов чувств относительно внешних предметов, под сомнение ставится не только правильность восприятия тела через «Я», но и даже само существование тела, сомневаться можно и в положениях математики. Но что, с точки зрения Декарта, несомненно, так это существование сознания индивида и «Я» как его центра, как того, кому принадлежит сознание. Согласно философии Декарта, помимо того, что «Я» является центром индивидуального сознания, «Я» самодостовечно и прозрачно для самого себя, существует безотносительно к другим «Я».

Сходные позиции занимает и немецкая философия. Так Кант, повергая критике идею Декарта об очевидной данности только сознания, утверждает важность не только внутреннего опыта, но и внешнего. Если речь идёт о декартовском «Я», то его «Я» предстаёт перед нами как «Я» эмпирическое, единичное, которому присущи разнообразные содержания, которые Декарт

выделяет в «Я» как отчетливые врожденные идеи. Когда мы затрагиваем в своих рассуждениях проблему «Я» у Канта, то кантовское «Я» становится вместилищем «всеобщего сознания», а потому приобретает трансцендентальный характер.

Отметим, что Кант делит «Я» на «трансцендентальное» (способность познания) и «эмпирическое» (приобретаемое опытом). Важно подчеркнуть, что, согласно Канту, существование эмпирического «Я» предполагает существование независящих от этого «Я» внешних явлений. Также «Я» эмпирическое немислимо без «Я» трансцендентального, поскольку «Я» эмпирическое является ни чем иным, как явлением эмпирическому субъекту «Я» трансцендентального, которое в свою очередь понимается Кантом как необходимое условие объективности опыта.

По Канту объективность опыта возможна только при его непрерывности, а значит и непрерывности того, кому он принадлежит, то есть «Я». Однако независимый от эмпирического «Я» опыт попадает в зависимость к «Я» трансцендентальному. Само основоположение знания «я мыслю» у Канта знанием как таковым не является, так как предмет, который ему соответствует («Я» мыслящее) не дается в опыте. «Я» трансцендентальное не может быть объектом самого себя, его нельзя знать, оно доступно лишь в некоторых актах познания. Кант заключает, что трансцендентальное «Я» не может быть познано, поскольку является вещью в себе.

Что касается вопроса наблюдения, оно, согласно Канту, осуществляется посредством чувственности, отвлекаясь при этом от того, что мыслит рассудок посредством своих понятий [2, с. 93]. Далее, отделив от созерцания всё, что принадлежит ощущению, мы получим чистое созерцание и форму явлений, которые могут быть даны априори. Согласно Канту, существуют две чистые формы чувственного априорного созерцания – пространство и время.

При этом Кант указывает, что «посредством внешнего чувства (свойства нашей души) мы представляем себе предметы как находящиеся вне нас, и притом всегда в пространстве» [2, с. 93]. Таким образом, он полагает, что человек душой при посредстве внешних чувств, присущих органам тела, эмпирически созерцает предметы. Возникает вопрос, как могут внешние чувства одновременно принадлежать телу и душе, которые, как известно, противоположны, ибо телу присущи инстинкты, рефлексы, а душе эмоции и переживания внутренних чувств?

Далее Кант отмечает, что с помощью внутренних чувств душа способна созерцать своё внутреннее состояние. Но по Канту, это не дает созерцания души как объекта, однако «это есть определенная форма, при которой единственно возможно созерцание её внутреннего состояния» Время выступает формой внутреннего созерцания состояния души [2, с. 93].

Кант утверждает, что человек не способен созерцать время внешним образом так же, как не может созерцать пространство внутри себя. По мнению Канта, время обладает одним измерением: различные времена

существуют не вместе, а последовательно. Различные же пространства существуют одновременно [2, с. 105]. Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния. Части линии (как образа пространства) существуют все одновременно, тогда как части времени существуют последовательно, то есть друг после друга. Время есть формальное условие априори всех явлений. Пространство как чистая форма всякого внешнего созерцания (посредством ощущений, образов) ограничено как условие априори внешними явлениями. Все представления внешних вещей или внутренних состояний принадлежат душе. Время есть действительная форма внутренних созерцаний [2, с. 113]. Поэтому время следует считать действительным не как объект, а как способ представлять меня самого как объект, то есть сам субъект предстает как объект для самого себя, следовательно, в том же самом отношении. Возникает вопрос: как возможно такое разделение на объект и субъект?

Существует мнение, согласно которому действительность внешних предметов не поддается строгому доказательству и они могут оказаться лишь видимостью, тогда как предметы внутреннего чувства суть нечто неоспоримо действительное. Кант считает, что предметы внешних и внутренних чувств, хотя и нельзя оспаривать их действительность, принадлежат лишь явлению, которое имеет две стороны: одну, когда объект рассматривается сам по себе (независимо от способа, каким он созерцается и именно поэтому свойства его всегда остаются проблематичными), другую, когда принимается во внимание форма созерцания предмета, которую следует искать не в предмете самом по себе, а в субъекте, которому предмет является [2, с. 115].

Думается, что видимость может иметь место и во внутреннем мире переживаний, эмоций, являющихся рассудку как образ определенного состояния сознания. Для определения неявного, скрытого внутреннего чувства необходимо их рефлексивное познание, анализ связи чувств. Следовательно, существование вещей самих по себе присуще не только объективной природе, но и внутреннему миру человека. По мнению Канта, основное свойство чувственного познания состоит в том, что наше созерцание есть только представление о явлении; вещи, которые мы созерцаем, сами по себе не таковы, какими мы их созерцаем. «Каковы предметы сами по себе и обособленно от этой восприимчивости нашей чувственности, остается нам совершенно неизвестным» [2, с. 119].

Различение между неотчетливыми и отчетливыми представлениями имеет только логический характер и не касается содержания. «Ощущение – материя чувственного созерцания, суть в познании, благодаря чему оно называется познанием апостериори, то есть эмпирическим созерцанием» [2, с. 121].

Полемизируя с философией Лейбница и Вольфа о природе и происхождении нашего познания, Кант считает, что различие чувственности и интеллектуальности является не только логическим, но и трансцендентальным и касается не только формы отчетливости или неотчетливости, но и происхождения и содержания познания. Так что с

помощью чувственности мы не только *неясно познаем* свойства вещей самих по себе, но и не познаем их вовсе [2, с. 123].

Возникает вопрос, насколько возможно познание истины? Кант отмечает, что если положения геометрии можно познать синтетически априори с аподиктической достоверностью, то спрашивается, откуда получаются такие положения и на чем основывается наш рассудок, чтобы придти к таким, безусловно, необходимым и всеобщим истинам? И отвечает, что нет иного пути, как через понятия или созерцания, причем и те, и другие даны или априори или апостериори. Последние, а именно эмпирические понятия, а так же их основа – эмпирическое созерцание, могут дать лишь такое синтетическое положение, имеющее эмпирический характер, то есть представляет собой исходящее из опыта суждение, а стало быть, никогда не может содержать необходимость и абсолютную всеобщность, между тем, как эти признаки свойственны всем положениям геометрии [2, с. 125]. Что же касается первого и единственно возможного средства, а именно обретения таких познаний при помощи одних только понятий, можно достигнуть только аналитического и никак не синтетического познания. Следовательно, предмет должен быть дан вам в созерцании, и на нем должно быть основано ваше синтетическое определение.

Затруднение, связанное с внутренним созерцанием себя, состоит в том, что субъект, служащий предметом внутреннего чувства, может посредством него быть представлен только как явление, а не так, как он судил бы сам о себе, если бы его созерцание было бы самодеятельностью, т.е. было бы интеллектуальным [2, с. 129].

«Осознание самого себя есть простое представление о «Я», и если бы через одно это представление самодеятельно было бы дано всё многообразие субъекта, то внутреннее созерцание, по мнению Канта, было бы интеллектуальным. В человеке это осознание требует внутреннего восприятия многообразного, данного в субъекте заранее, а способ, каким это многообразное дается в душе без спонтанности, должен ввиду этого различия называться чувственностью. Если способность осознания себя должна находить то, что содержится в душе, то она должна аффицировать душу и только этим способом может породить созерцание самого себя, форма которого заранее заложенная в душе, определяет в представлении о времени способ, каким многообразное сосредотачивается в душе» [2, с. 131]. Кант различает душу как самодеятельность и как она являет себя рассудку [2, с. 131].

Далее Кант выделяет в познании два источника души: во-первых, способность получать представления, восприимчивость к впечатлениям, а во-вторых, способность познавать через эти представления предмет. Ощущения – это материя чувственного познания. Поэтому чистое созерцание включает в себе форму, при которой что-то созерцается, а чистое понятие только форму мышления о предмете вообще. Чистые созерцания (пространство и время) или чистые понятия возможны априори, эмпирические же – только

апостериори. У Канта возникает путаница в связи с тем, что способность получать представления присуща душе и называется чувственностью, поскольку она подвергается аффицированию. Одновременно рассудок рассматривается, как способность самостоятельно производить представления, т.е. спонтанность познания, способность мыслить предмет чувственного созерцания. Поэтому «мысли без созерцания пусты, а созерцания без понятий слепы» [2, с. 139]. Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Здесь Кантом дается основа для понимания соотношения души и сознания, чувств и мыслей о них во внутреннем мире человека.

Соотношение наблюдаемого и ненаблюдаемого Кант выражает следующим образом: «Но поскольку кажется очень заманчивым и соблазнительным пользоваться одними этими чистыми познаниями рассудка и основоположениями, выходя даже за пределы опыта, хотя только опыт дает нам материю, к которой можно применить чистые понятия рассудка, постольку рассудок рискует посредством пустых умствований использовать формальные принципы чистого рассудка как материал и судить без различия о предметах, которые нам не даны и даже, может быть, никаким образом не могут быть даны.

Следовательно, трансцендентальная аналитика, по Канту, должна быть, собственно, только канон эмпирического употребления [рассудка], то ею пользуются неправильно, если считают её органом всеобщего и неограниченного употребления [рассудка] и отваживаются с помощью одного лишь чистого рассудка выносить синтетические суждения, утверждения и решения о предметах вообще. В таком случае употребление чистого рассудка становится диалектическим.

Таким образом, вторая часть трансцендентальной логики должна быть критикой этой диалектической видимости, и называется она трансцендентальной диалектикой не как искусство догматически создавать такую видимость ..., а как критика рассудка и разума в их сверхфизическом употреблении, критика, имеющая целью вскрыть ложный блеск беспочвенных притязаний разума и низвести его претензии ... на степень простой оценки чистого рассудка и предостережения его от софистического обмана» [2, с. 151-153].

Как мы видим – ненаблюдаемое – вещь сама по себе не может быть познана посредством трансцендентальной диалектики, которая есть не органон в качестве искусства догматически создавать видимость всеобщего и неограниченного употребления рассудка, а критика разума при его выходе за пределы возможного опыта.

Важно акцентировать внимание на механизме познания наблюдаемого с точки зрения Канта: «Путем анализа различные представления подводятся под одно понятие (эту деятельность рассматривает общая логика). Трансцендентальная логика учит, как сводить к понятиям не представления, а чистый синтез представлений. Первое, что должно быть дано нам для познания априори всех предметов – это многообразное в чистом созерцании,

второе – синтез этого многообразного посредством способности воображения, что, однако, еще не дает познания. Понятия, сообщающие единство этому чистому синтезу и состоящие исключительно в представлении об этом необходимом синтетическом единстве, составляют третье [условие] для познания являющегося предмета и основываются на рассудке» [2, с. 171].

В другом контексте Кант определяет способность воображения как способность априори определять чувственность, и её синтез созерцаний сообразно категориям должен быть трансцендентальным синтезом способности воображения; это есть действие рассудка на чувственность и первое его применение ... к предметам возможного для нас созерцания. Этот синтез, как фигурный, отличается от интеллектуального синтеза, производимого одним лишь рассудком, без всякой помощи способности воображения. Поскольку способность воображения есть спонтанность, я называю её иногда также продуктивной способностью воображения и тем самым отличаю её от репродуктивной способности воображения, синтез которой подчинен только эмпирическим законам, а именно законам ассоциации ... и потому подлежит рассмотрению ... в психологии» [2, с. 227].

Таким образом, функции души и рассудка качественно отличаются. Кант критикует системы психологии за то, что они отождествляют внутреннее чувство со способностью апперцепции (осмысления чувств в понятии), указывая: «То, что определяет внутреннее чувство, и есть рассудок с его первоначальной способностью связывать многообразное, [имеющееся] в созерцании» [2, с. 227].

Способность же самонаблюдения Кант характеризует следующим образом: «Рассудок не находит во внутреннем чувстве подобную связь многообразного, а создает её, аффицируя внутреннее чувство. Но каким образом «Я», которое мыслит, отличается от «Я», которое само себя созерцает (причем я могу представить себе ещё и другие способы созерцания, по крайней мере, как возможные) и тем не менее совпадает с ним, будучи одним и тем же субъектом? Каким образом, следовательно, я могу сказать: я как умопостигающий [интеллигенция] и мыслящий субъект познаю самого себя как мыслящий объект, поскольку я, кроме того, дан себе в созерцании, только познаю себя одинаковым образом с другими феноменами – не так, как я предстаю перед рассудком, а так, как я себе являюсь? Этот вопрос не более, но и не менее труден, чем вопрос: каким образом я вообще могу быть для себя самого объектом, а именно объектом созерцания и внутренних восприятий. ... во внутреннем созерцании мы познаем свой собственный субъект только как явление, а не соответственно тому, как он есть сам по себе (примечание: внутреннее чувство аффицируется нами самими. Всякий акт внимания может дать нам пример этого. В этом акте рассудок сообразно мыслимому им объединению всегда определяет внутреннее чувство к такому внутреннему созерцанию, которое соответствует многообразному в синтезе рассудка. Как сильно этим обычно

аффицируется душа, всякий может обнаружить в самом себе» [2, с. 231]. Проблематичным является определение мыслью чувства в акте созерцания.

«Я мыслю» выражает акт определения моего бытия. Следовательно, этим самым моё бытие уже дано, однако способ, каким я должен определять его, т.е. полагать в себе принадлежащее к нему многообразное, этим ещё не дан. Для этого необходимо созерцание самого себя, в основе которого лежит априори данная форма, т.е. время, имеющее чувственный характер и принадлежащее к восприимчивости определяемого. Если у меня нет другого [акта] самосозерцания, с помощью которого определяющее во мне, спонтанность коего я только сознаю, было дано мне до акта определения точно так же, как время дает определяемое, то я не могу определить своё бытие как самостоятельного существа, а представляю себе только спонтанность моего мышления, т.е. акта определения, и моё бытие всегда остается лишь чувственно определимым, т.е. предстает в качестве бытия явления. Тем не менее, благодаря этой спонтанности мышления я называю себя умпостигающим субъектом, интеллигенцией [2, с. 233-235-примечание].

Кант отмечает, что для познания себя мне нужно, кроме сознания себя, иметь созерцание многообразного во мне, посредством которого я определяю эту мысль. Кант утверждает, что «под синтезом аппрегензии я разумею сочетание многообразного в эмпирическом созерцании, благодаря чему становится возможным восприятие его, т.е. эмпирическое сознание о нем (как явлении) [2, с. 235].

Важно отметить, что принцип самонаблюдения как принцип научный подвергался критике. Этот вопрос рассматривается Б.М. Величковским в книге «Когнитивная наука. Основы психологии познания». Величковский пишет, что активная критика использования интроспекции как единственного источника данных в научных исследованиях исходила от Спинозы и Лейбница, однако большее внимание уделяет системе философии И. Канта.

Величковский обращает внимание на то, что по Канту, разум способен преодолевать трансцендентальный барьер между вещью в себе и явлением, однако такое преодоление происходит на теоретическом уровне, что придает познавательной деятельности, основанной на самосознании гипотетический характер [1, с. 37].

Также Величковский акцентирует внимание на том, что более проблематичной становится оценка результатов чувственного познания. Согласно Канту, каждый акт человеческого восприятия включает в себя чувственный материал и априорные формы нашего рассудка – пространство и время. «Проблема состоит в том, что эти компоненты не существуют друг без друга, поэтому самонаблюдение позволяет осознать лишь некоторую интегральную, далее нерасчленимую амальгаму обоих» [1, с. 37], – пишет Величковский. В процессе самонаблюдения также отсутствует должная дистанция между исследователем и объектом исследования. Всё вышеизложенное, по мнению Б. Величковского создает «принципиальные

ограничения на возможность использования самонаблюдения в качестве научного метода» [1, с. 37]. Критикуя принцип самонаблюдения, Величковский ссылается на другой труд Канта – «Метафизические начала естествознания», в котором Кант пишет, что «эмпирическое учение о душе» (будущая психология) никогда не сравнится по своему научному статусу с естествознанием, «потому что к феноменам внутреннего опыта (*der innere Sinn*) и его законам неприменима математика, ибо тогда пришлось бы объявить лишь о законе непрерывности потока внутренних изменений... Ведь чистое самонаблюдение, в котором должны конструироваться явления души, есть время, которое имеет только одно измерение. Точно так же самонаблюдение никогда не приблизится к химии и в качестве аналитического метода, или экспериментирования, так как при самонаблюдении наблюдаемое получает лишь *кажущееся расчленение*, которое нельзя удержать и по желанию повторить. Еще менее можно заставить другого мыслящего субъекта подчиниться намерениям нашего опыта. К тому же всякое самонаблюдение меняет и искажает состояние наблюдаемого» [1, с. 38]. Однако при всей критике самонаблюдения, Кант допускает возможность психологических исследований, им проанализирована проблема связи мотивации с познанием и действием, а так же указана перспектива неинтроспекционистской методологии, связанной с изучением продуктов деятельности человека.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующие выводы: во-первых, в философии Канта ненаблюдаемое – это вещь сама по себе – ноумен, который не является человеку (его чувствам и не регистрируется экспериментальными приборами) посредством созерцания через ощущения и восприятия, а умозрительно конструируется рассудком; во-вторых, статус наблюдаемого в философии Канта обретают феномены, которые созерцаются человеком посредством органов чувств в процессе восприятия объекта. Связь между различными элементами, отдельными свойствами объекта устанавливается рассудком; в-третьих, во внутреннем мире человека происходит трансформация субъект-объектного отношения. Так, одна часть внутреннего мира – внутреннее чувство, переживания, а так же образы сновидений, эмоций, аффекты становятся объектом исследования для сознания. В то же время душа рассматривается Кантом двояко: как субъект переживаемых чувств, находящихся вне сферы сознания и как элемент сознания.

Кант же считал, что «Я» нужно допустить, оно есть, но оно ненаблюдаемо, что «Я» мы осознаём отчасти, но знать не можем – ибо это объект ускользающий. Объект этот не дан в нашем опыте. Однако Кант разделяет «Я» на «трансцендентальное» «Я» (способность познания) и «эмпирическое» «Я» (приобретаемое опытом), показывает, что эмпирическое «Я» наблюдаемо опосредованно, а деятельность высшего «Я», трансцендентального непосредственно не наблюдаема, ибо оно является вещью в себе, но оно при этом существует. Кант считает, что

трансцендентальное «Я» мы осознаем отчасти, но знать не можем, ибо это объект ускользающий, не данный нам в опыте.

Таким образом, рассмотрена идея трансцендентального «Я» в философии Канта. Согласно Канту, «Я» нужно допустить, и, разделяя «Я» на «трансцендентальное» (способность познания) и «эмпирическое» (приобретаемое опытом), Кант показывает, что эмпирическое «Я» наблюдаемо опосредованно, однако деятельность высшего «Я», трансцендентального непосредственно ненаблюдаема, ибо оно является вещью в себе, но оно при этом существует. Кант считает, что трансцендентальное «Я» мы осознаем отчасти, но знать не можем, ибо это объект ускользающий, не данный нам в опыте.

В заключение можно сделать вывод, что в противоречие некоторых существующих точек зрения «Я» не является чем-то очевидным, неизменным и целостно-стабильным, но при этом, ускользая от нас, оно не растворяется и не распадается. Человеческое «Я» по структуре своей многогранно и сложно-организовано, современная же ситуация позволяет человеку открывать все новые и новые грани в своем собственном «Я» через познание мира и самого себя.

Литература

1. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. Москва, 2006.
2. Кант И. Критика чистого разума. // Сочинения на немецком и русском языках. – Т.2, ч.1. Москва, 2006.

Иллюзии и надежды.

Советский плакат 20 – 30 годов 20 века²

Советский политический плакат – это искусство, рожденное Октябрем, это художественное средство агитации и пропаганды, несущее в массы идеи Коммунистической партии. Только при Советской власти раскрываются качества плаката, заложенные в нем, как в массовом виде искусства: ясность и доступность формы, образная яркость и подлинная народность, изготовление в больших тиражах. В первые годы жизни Советского государства было выпущено 375 тысяч плакатов разного формата. В издательствах и типографиях, несмотря на нехватку оборудования, материалов, кадров плакаты выпускались в первую очередь [1,с.3].

Тематика плакатов отличалась исключительным многообразием: плакаты общественно-политического содержания, учебные, рекламные, торговые, театральные. Специфика художественного языка плаката определялась тем, что он должен был восприниматься на большом расстоянии, привлекать внимание, смысл изображаемого должен был сразу бросаться в глаза. С этой целью художники использовали различного рода изобразительные метафоры, разномасштабные изображения, обобщения, часто сатирические образы. Большую роль играл характер шрифта, расположение текста, яркое цветовое решение.

Одна из важнейших ролей в плакате, как уже было сказано, принадлежит цвету. Он не только создает художественный образ, но и определенным образом воздействует на человеческое сознание. Основные цвета советского политического плаката: красный, синий, желтый. Такой выбор не случаен - это традиционные цвета иконописи, пришедшей к славянам из Византии. Образы людей, изображенных в произведениях, становились любимыми и священными. Красный цвет стал основным цветом советского плаката и Советского государства. Этот цвет говорил о могуществе, воле к победе, лидерстве. Так Советский Союз заявил о себе другим государствам. Красный цвет всегда находится в поисках справедливости, так и Советское государство старалось установить справедливость и равенство между всеми людьми. Слова плаката обычно обращаются к человеку или ко многим людям сразу, поэтому мысленно

² Данная работа завоевала первое место на краевой конференции «Дерзание» в 2013 году, 3 место при Высшей школе экономики в краевой конференции «Проект Россия: проблемы и решения». Руководитель работы ЗУ РФ Купкель А.К.

можно подставить такие местоимения, как мы, ты, нам, таким образом, уравнивая всех и делая всех братьями [2, с.276–279].

В плакате зарождаются символы, которые стали неотъемлемыми признаками Советского государства. Каждый человек понимал их значения и смысл, потому что ни один из них не был случайным, они должны были донести до гражданина послание от власти. Самый распространенный символ, наблюдаемый на плакатных листах, это Красное знамя. Советский флаг символизирует единство государства и человека с ним, и в этом заключается его сила. Герои плакатов преподносят зрителю знамя как святыню, это не просто символ государства, это символ равенства все людей. Серп и молот символизируют единство крестьянства и пролетариата, как главных классов государства. Символ Красного знамени был использован в следующих плакатах: В.А. Шестаков «Дети пролетарской революции»(1929), А.И. Страхов «Раскрепощенная женщина – строй социализм!»(1926).

Образ солдата-красноармейца становится символом силы Красной армии. Автор создает идеальный образ храброго, самоотверженного человека, готового отдать жизнь за Родину. Плакаты с красноармейцами были призваны прививать людям патриотизм: Д.С. Моор – «Ты записался добровольцем?»(1920), В.В. Лебедев – «Да здравствует авангард революции – Красный флот»(1920).

Годы первых пятилеток, время ударных бригад истроек выдвинули перед художниками-плакатистами новые задачи. Тема индустриализации и коллективизации, социалистического соревнования успешно раскрывалась в работах: Г. Г.Клуцис – «Выполним план Великих работ»(1930), Г.Г. Клуцис– «На штурм 3-го года пятилетки»(1930), А.А. Дейнека – «Механизируем Донбасс»(1930), А.А. Дейнека – «Дадим пролетарские кадры Урало-Кузбасу»(1931).

Образ крестьянина показан нам светлым, жизнерадостным, трудолюбивым. Крестьянин – это крепкий колхозник и хозяин своей земли. В плакатах читается символ земли, как дома, главной ценности русского человека, кормилицы. Также важен символ орудия труда крестьянина. Если раньше земля вспахивалась вручную, то теперь появились трактора и комбайны. Они - символы противопоставления старого времени новому: В. П. Ефанов "Ни одного гектара незасеянной земли" (1931), М. Ворон «Ударную уборку большевистскому урожаю»(1934), В. Кораблева «Иди, товарищ, к нам в колхоз»(1930), И.И. Громицкий «Колхозный урожай – удар по кулаку»(1931).

Церковь, зажиточные крестьяне – кулаки, Белая армия – это те, кто стремился помешать существованию и развитию Советского государства. Они изображены на политических плакатах, которые призывают людей бороться с врагами страны. Такие плакаты, как Ю.И. Пименов «За пятилетку в 4 года - Против религии»(1930), Д.С. Моора «Кто против Советов»(1919); Д.С. Моора «Красный подарок белому пану» (1920) отражали историю борьбы с напастями, которые обрушились на молодое государство.

Ярко отражен образ произведений искусства в плакатах. Они призывали сохранять памятники культурного наследия для себя и своих потомков, интересоваться ими, повышать свой культурный уровень. Образ произведений искусства мы видим в плакатах: Н.Н. Купреянов – «Граждане, храните памятники искусства»(1919), С.В. Чехонин – «Помогите сохранить памятники искусства»(1923)

Образ неграмотного человека, как отрицательного примера для подражания мы видим в плакатах А.И. Страхова «Женщина! Учись грамоте!»(1923), А.А. Радакова «Неграмотный тот же слепой»(1920).

Многие идеи, заложенные в плакатном искусстве 20- 30 годов, актуальны и по сей день: образование, честный труд, патриотизм, здоровый образ жизни, пьянство, тунеядство, рвачество, прогулы, религиозные предрассудки.

Плакат охватил все сферы жизни людей: политическую жизнь, работу колхозов и заводов, образование, спорт. Плакат стал не только орудием труда за социалистическую власть, но и проводником между людьми и государством, верным путеводителем в жизни, поэтому на героев плакатов равнялись, стремились к идеалу.

Плакат – это одно из немногих видов искусства, широко и легко внедряемое в массы. Мгновенно откликаясь на происходящие события, он становился документальным источником того или иного времени. Можно с уверенностью утверждать, что плакат дает возможность изучать историю не только по учебникам, но и в художественных образах.

Литература

1. Бабурина Н. Советский политический плакат. Москва, 1984.
2. Платонова Н. И., Синюков В. Д. Энциклопедический словарь юного художника. Москва, 1983.

Гафарова Ю. Ю.

*к. ф. н., доцент кафедры философии
Белорусского государственного экономического университета
г. Минск, Республика Беларусь*

Инкультурация в современной культурной ситуации: между традицией и глобализацией

Исходным моментом изучения проблемы инкультурации в современной культурной ситуации выступает гипотеза о том, что *в условиях глобализирующегося мира подавляющее число существующих национальных культур находится в процессе гибридизации*. Современные культуры превращаются в такие системы культурной репрезентации и истолкования, в которых ставится под сомнение абсолютность унифицирующей силы национального начала. Комплексность большинства культур превращает их в своего рода дискурсивные "приспособления", которые представляют различие как идентичность.

Современная культурная ситуация ставит под вопрос "старое", так называемое "гердеровское" понятие культуры [3].

Выделим в нем три аксиоматических положения. Во-первых, каждая культура рассматривается всегда как культура *национальная*, существенным образом разнящаяся от иной национальной культуры. Во-вторых, она *гомогенна*. Любые практики, формы поведения и способы мышления, существующие в её границах, представляют собой некоторое единообразие с незначительными индивидуальными вариациями. В-третьих, локальная культура в гердеровской концепции выступает как *обособленное от других монолитное единство*, которое может быть описано через метафору "сферы".

Опираясь на представление о культуре-сфере, культурологическая мысль утверждает, что люди, относящиеся к различным культурам, руководствуются разными потребностями и целями. Знание культуры позволяет предсказать значительную часть повседневных действий любого её носителя, поскольку именно культура во многом определяет, какой из множества типов поведения, доступных в пределах его индивидуальных физических и умственных способностей, выбирает каждый человек. Культурные комплексы выступают в данном случае как наборы контрольных механизмов, управляющих человеческим поведением. Их обязательность для носителей культуры в том, что они функционируют как составная часть системы ориентации человека и становятся частью его личности. В этом случае говорится о том, что культурные комплексы *интернализированы*.

Интернализация элементов культуры происходит в *культурных институтах* – регулярно повторяющихся и воспроизводящихся отношениях людей с целью удовлетворения тех или иных потребностей. К культурным институтам относят обычно системы родства, семейные группы, магико-религиозные общности, комплексы обычаев и ритуалов, систему образования, СМИ, новые медиа.

Культурные институты интернализируют культурные установки в процессах *социализации* и *инкультурации*. В реальной жизни процессы социализации и инкультурации настолько трудно разделить, что можно говорить о едином континууме (неразрывности явлений) "социализация–инкультурация". В теоретическом плане социализация – это адаптация человека к социальному порядку, получение им элементарных представлений о том, в каком обществе он живёт, какова социальная структура и социальная стратификация в данном обществе, как люди распределены в нем по группам, каким образом они должны добывать средства к существованию и исполнять определённые социальные роли. Стандартные определения инкультурации сводятся к тому, что она описывается как процесс адаптации человека к конкретной культуре, в который входит освоение картины мира и системы ценностных ориентаций, форм поведения в разных жизненных ситуациях, общепринятых оценок различных явлений и событий, знакомство с особенностями обычаев, обрядов, символами, политической и культурной историей региона. На индивидуальном уровне процесс инкультурации протекает в рамках

повседневного общения с носителями культуры, у которых сознательно и бессознательно человек учится тому, как следует вести себя в разнообразных жизненных ситуациях, как оценивать события, встречать гостей, реагировать на те или иные знаки внимания и сигналы [см., например, 4; 5, с. 882–887].

Столь определённое выделение воздействия замкнутой культурной группы в качестве определяющего компонента инкультурации во многом утрачивает свои референции в настоящее время, когда в любой точке земного шара как самим человеком, так и его культурным окружением под вопрос ставится эссенциалистский характер собственного видения мира, норм поведения, ценностей и жизненных установок, критериев нормальности и патологии, добра и зла.

Для прояснения этой ситуации в противовес гердеровской метафоре культуры как "сферы" известный немецкий философ Вольфганг Вельш вводит метафору "сети", с помощью которой характеризует современные культуры и механизм их воздействия на личность.

Понимание культуры как гомогенной индивидуальности, ограниченной пределами нации, никогда не отвечало реальности, отмечает Вельш. Правда, в пору своей генерации данная концепция культуры соответствовала тенденциям формирования относительно автономных национальных единиц, т. е. была своего рода исследовательской утопией, которой придавалась определённая нормативность, однако в условиях глобализации и культурной гетерогенизации она утратила свою обязательность. В настоящее время эта концепция делает культурный анализ нечувствительным как к реальной культурной диверсификации современного мира, так и к изучению способов культурного воздействия на человека.

Вельш подвергает критике все три существенных аспекта гердеровского видения культуры. Он ставит под сомнение строго национальный характер локальной культуры, существенным образом отличающий её от любой другой культуры; её гомогенность и инвариантность и её обособленное от других монолитное единство. По Вельшу, современный мир представляет собой "сеть" культур, переплетение различных нитей, в уплотнении образующих культурные "коконы", которые обладают типологическим сходством. При этом речь не идёт о "мировой деревне" как некотором унифицированном пространстве глобальной культуры. Напротив, каждое единичное локальное культурное пространство в значительной степени диверсифицировано, имеет свои специфические сегменты и аудитории. Такое состояние Вельш характеризует как состояние "новой разнородности".

Это состояние размывает культурные конвенции, отождествление с которыми и служит основанием для инкультурации. Сейчас практически невозможно принадлежать лишь к одному культурному кругу. Гетерогенность конкретной культурной ситуации приводит к тому, что самые различные "культурные запасы" конкретного субъекта взаимодействуют друг с другом. Для нашего современника широко понимаемые тексты культуры уже не делятся на "чужое" и "своё". Он выбирает для себя нечто "близкое". И близость эта не зависит от его места

жительства и локуса происхождения идеи либо концепции. Она обусловлена тем, насколько идея связана с чем-то "великим". Когда за идеей стоит нечто значимое для нас, мы понимаем её, даже если контекст возникновения нам не знаком. В качестве примера "открытого" понимания эпифеномена чужой культуры, Вельш говорит о собственном освоении дзэн-буддизма, который оказал влияние на способ его жизни не меньшее, чем манифестации западной культуры, в которой он был воспитан [12, с. 31–47].

Известный британский исследователь Стюарт Холл, обращаясь к анализу воздействия культуры на личность в своей программной статье "Вопрос о культурной идентичности", отмечает, что в современном обществе, не имеющем единого принципа, центра или закона, и структура личности всегда остаётся открытой. При этом культурная дислокация не только разрушает стабильные композиции, но и даёт возможность новых сочленений [8, с. 274–316].

Позитивный аспект "открытой личности" американский философ-прагматик Ричард Шустерман "схватывает" в концепте "автокреация".

По Шустерману, каждый человек обладает потребностью самореализации, подчиняясь при этом внутренней необходимости достижения определённого единства и цельности. Он, однако, не получает своей "личности" в готовом виде, хотя и не может жить изолированно от среды и окружения, в которых черпает как энергию, так и материал для самопостроения. Рассматривая современные культуры как имеющие исключительно гибридный, гетерогенный характер, Шустерман придаёт большое значение изменчивости контекста существования современного человека – как человека мобильного, туриста, "кочевника" – и высоко оценивает такие факторы, оказывающие влияние на его формирование, как разнообразие окружения и необходимость постоянного приспособления мышления к новым ситуациям. Плюрализм условий, возможность видеть культурные и эстетические образцы, отличные от тех, в которых человек вырос и был воспитан, – всё это предоставляет уникальные возможности для перцепции и креативного самосозидания [9; с. 47–59].

Таким образом, в ситуации множественности систем значений и культурных репрезентаций очевидной является необходимость *сознательного волевого усилия*, которое индивидуум должен совершить для достижения некоторой целостности. Позитивным аспектом данного явления становится креативность осознанного самосозидания. Сконструированная природа "автокреативной" личности не снимает её конкретных эффектов либо "реальных" воздействий. Скорее, наоборот – реальность личности существует именно в эффектах её репрезентации.

Проблема возникновения новых конструктов индивидуации является предметом специального интереса ещё одного крупнейшего современного теоретика культуры – известного индийского культурантрополога Арджуна Аппадурай [6; 7].

По Аппадурай, восприятие технически воспроизводимых образов масс-медиа расширяет возможности самоконструирования современного человека.

Возрастающая мобильность населения всех регионов мира в сочетании с массовыми средствами коммуникации приводит к тому, что культурные сценарии, нарративы и жизненные проекты де-территориализируются и утрачивают привязку к локальности, что даёт любому и каждому неслыханную возможность выбора. Не только культурная элита, но и "обычный" человек обретает способность визуализации и включения работы воображения, эмансипировавшегося от обособленного пространства искусства, мифа и ритуала.

Следовательно, необходимо отметить, что в настоящее время инкультурация личности становится всё менее и менее "автоматической" и всё в большей степени основанной на работе (осознанной или бессознательной) самой личности с культурными образцами, их сравнении и выборе между ними.

Однако, как верно отметил Стюарт Холл, глобализация не является равно распространённой во всем мире, можно говорить о "геометрии власти" глобализации. Существует различие между теми, кто в какой-то степени осуществляет контроль над процессами и каналами перемещения, и теми, кто перемещение осуществляет, но не имеет над ним власти. Из-за неуравновешенности потоков и сохраняющегося неравенства между "Западом" и "остальным миром", глобализация может быть сущностно понята как западный феномен.

Реакцией на вышеописанные процессы зачастую становится стремление национальной культуры к чистоте и целостности, к удержанию некоего "преимущественного права" на инкультурацию своих носителей.

В цитированной выше статье Холл выделяет ряд основных дискурсивных стратегий подобного рода, сводимых к пропаганде примордиальности нации и "изобретению традиции" как ряда ритуальных и символических практик, укореняющих некие ценности путём отсылки к воображаемому прошлому.

По Холлу, в качестве "фундамента" национального единства зачастую используется этничность, понимаемая как общие культурные черты, предпосылка "безвременности" и постоянства национальной сущности. Однако, в современном мире национальное единство, скорее, мифологично – все современные нации являются культурными гибридами. Холл указывает на сложный этнический характер большинства наций, состоящих из различных социальных классов, гендерных и этнических групп, и сконструированность нации как "воображаемого сообщества".

В анализе наций как "воображаемых сообществ" он опирается на широко известное исследование Бенедикта Андерсона, посвящённое распространению национализма в современном мире. Андерсон показал, что нации являются особого рода *культурными артефактами*, создание которых к концу XVIII в. было обусловлено обесцениванием культурных систем религиозного сообщества и династического государства. Разрушение легитимности установленного Богом иерархического порядка потребовало натурализации этнических различий и формирования "глубокого

горизонтального товарищества" [1]. Подход Андерсона, высвечивая исторический и конструктивистский характер нации, позволяет отказаться от абсолютизации и мифологизации национального.

Термин "изобретение традиции" предложил в начале 80-х гг. известный британский историк культуры Эрик Хобсбаум. Изучая Новое время, он обратил внимание на то, что любая традиция этого времени выступает как *ретроспективное изобретение* [11].

Позднее формулу Хобсбаума начали употреблять по отношению к традиции как таковой, отличая её от канонов, ритуалов и стереотипных действий. Традиции стали рассматриваться как рефлексивные образования. Прошлое, к которому они осознано обращаются, претворено в фиксированные и формализованные практики. В традиционной инкультурации присутствует селективность в отношении культурного материала, устойчивость и повторяемость, действенность (нацеленность на реальные поступки и практически потребности культурной жизни), авторитарность.

Таким образом, анализ актуальных теоретических подходов к проблеме инкультурации позволяет сделать вывод о том, что решение практических проблем, связанных с инкультурацией в меняющемся глобальном мире, должно основываться на учёте его культурной гибридизированности и диверсифицированности и отказе от примордиалистских и "пуристских" подходов к нации и традиции.

Для гуманитарной мысли в целом необходимо констатировать насущность некоего "эпистемологического перелома" в исследованиях культуры, смещения их фокуса от реконструкции – а иногда и изобретения – "аутентичных традиций" как самодостаточных целостностей к детальному и нюансированному изучению реальной культурной специфики.

Подобное осмысление нуждается в специальных исследованиях, методологически адекватных существующему положению дел, и в их академическом обсуждении, ибо выстраивание современных проектов инкультурации происходит преимущественно в парадигме монокультурности, когда национальная культура рассматривается как замкнутое целое, выражающее "дух народа". Последнее выливается в создание неактуальных и непопулярных проектов, выполненных преимущественно в рамках "изобретения традиции".

Современная культура, однако, не отличается стабильностью и устойчивостью. "Разломы" истории XX века, приведшие к "коллагности", децентрированности, неиерархизированности любого локуса, неявности культурных смыслов, наличие в любой культуре многообразия ценностей и противоречия систем истолкования обеспечивают гибридный характер культурных реалий, высокую степень рецептивности, мультилингвизм, транскультурность и интертекстуальность. Трансформации смыслообразующих доминант (универсалий) культуры не только ведут за собой смену образов мира и продуцируемых ими типов личности, отношений к реальности, периферийных ценностных ориентаций, но и приводят к

принципиальным изменениям на доктринально-догматическом уровне культуры, т. е. на уровне бытующей в культуре совокупности догматических положений, а также к перестройкам на уровне праксиса.

Для осмысления специфики современной культурной ситуации важным является понятие "глубинных (базовых) ценностей" (*core values*), введённое в научный обиход австралийским исследователем мультикультурализма Ежи Ярославом Смоличем [10, с. 105–123]. На основе изучения специфики ценностных характеристик групп, имеющих различный уровень сохранения культурной целостности, Смолич выдвинул гипотезу о том, что определённые аспекты культуры оказываются более существенными для сохранения её единства, нежели другие, а некоторые просто-таки необходимы для способности группы динамично развиваться и творчески адаптироваться к ситуации. Если эти ценности не будут поддерживаться путём инкультурации, то может оказаться, что со временем группа и вовсе утратит свою специфику.

Для выявления специфики глубинных ценностей необходимы систематические размышления о специфике реальных сходств и различий как разных культурных эпифеноменов, так и самой культуры в рамках глобализационных и модернизационных процессов. Отправной точкой таких исследований должна стать позиция, ориентированная на сравнение современного и самобытного в современных локальных культурах, чувствительность к вариативности локальных типов мышления и практик.

Особенности современного культурного дискурса требуют сравнения каждой из современных культурных манифестаций с их оригинальными версиями, выявление специфики адаптации исходных проблем дискурса и средств их разрешения, отслеживание связи социокультурного контекста и особенностей топки мысли и практик, определяемых глубинными ценностями.

Опираясь на декларирование коллажности, гибридности и фрагментированности культуры как её сущностных характеристик, то есть черт субстанциональных, а не акцидентальных, необходимо исходить из принципиальной важности анализа зависимости локальных вариаций типологической инварианты от специфики дисперсности и "смещённости" культурного контекста, экспликации ментального стержня культуры и выявления особенностей его трансформации.

Более того, кроме такого недостатка "пуристских" и примордиалистских подходов к инкультурации как их эпистемологическая некорректность, подобные подходы имеют и негативные последствия чисто практического плана – упор на инкультурацию в рамках автономных сфер порождает уверенность в принципиальной невозможности взаимопонимания между представителями различных локусов, убеждённость в сложности пересечения культурных границ, легитимизирует идею культурной изоляции и служит – осознанно либо бессознательно – развитию идеологий культурного фундаментализма и сепаратизма.

Опираясь на идеи известного философа политики Сейлы Бенхабиб, отметим, что конфликты в сфере культуры, являющиеся в современном мире питательной средой для конфронтации в иных сферах, устранимы в случае взаимного приспособления ("притирки") культур, целью которого является уважение, осознание самоценности, свобода и равенство индивидов и групп с сохранением ощущения собственной самобытности, а не самодостаточное "превознесение некой культурной мистики ради неё самой". Там, где достижение этой цели совместимо с сохранением культурных особенностей, можно добиться и того, и другого. Когда эти цели несовместимы, необходимо определять их приоритетность на основе нормативных условий добровольного самопричисления и свободы выхода из ассоциации. Характеризуя культуры не как осмысленно обособленные целостности, но как совокупности элементов человеческой деятельности по репрезентации, организации и интерпретации действительности, формирование которых происходит через постоянный межкультурный диалог, Бенхабиб утверждает, что индивид не должен автоматически причисляться к какой-либо культурной, религиозной или языковой группе лишь по факту своего рождения и сам имеет право решить, в какой степени он должен поддерживать культурную традицию [2, с. XXXI–LII].

Таким образом, современная ситуация, обусловленная процессами глобализации и культурной гибридизации, оказывает влияние на инкультурацию, становящуюся все менее автоматической, требующей все большей рефлексии и все в большей степени предполагающей активность самого субъекта инкультурации. Это порождает установку на необходимость создания теоретической модели рефлексивной и гибкой системы инкультурации, отвечающей реалиям современного мира, и опирающейся не на "изобретение традиции", но на расширение пространства различных культурных практик, предоставляющих индивиду право выбора собственной программы инкультурации.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003.
3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
4. Говард М. Сучасная культурная антрапалогія. Мн.: Тэхналогія; Беларускі Фонд Сораса, 1995.
5. Николаев В. Г. М. Д. Херсковиц // Культурология: энциклопедия: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 2. С. 882–887.
6. Appadurai A. Fear of Small Numbers: An Essay on the Geography of Anger. Duke University Press, 2006.
7. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis; London: Univ. of Minnesota Press, 1996.
8. Hall S. The Question of Cultural Identity // Hall S. Modernity: An Introduction to Modern Societies. Cambridge: Polity Press, 1997. P. 274–316.
9. Shusterman R. Estetyka pragmatyczna oraz myśl azjatycka // Estetyka transkulturowa. Kraków: Universitas, 2004. S. 47–59.

10. Smolicz J. J. Core Values and Cultural Identity // J. J. Smolicz on Education and Culture. Albert Park: James Nicholas Publishers, 1999. S. 105–123.
11. The Invention of Tradition / Ed. by Eric Hobsbawm, Terence Ranger. – Cambridge University Press, 1992.
12. Welsch W. Tożsamość w epoce globalizacji – perspektywa transkulturowa // Estetyka transkulturowa. Kraków: Universitas, 2004. S. 31–47.

Байбородов А.Ю.

*Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
г. Пермь, Россия*

Коэкзистенциальное общение: диалектика отчуждения и свободы

Понятие «коэкзистенция» впервые введено в оборот итальянским философом экзистенциальной ориентации Н. Аббаньяно и исходно переводится на русский язык как «сосуществование». Моё существование как субъекта «встречает» Другого как субъекта в его уникальном способе существования. Другой, будучи «со-встречным» мне, являет себя как «*со-присутствующий*». Опыт соприсутствия Другого в опыте индивидуального бытия подробно проанализирован М. Хайдеггером в его фундаментальном труде «Бытие и время». Другой в своём способе бытия «совстречен» мне в структуре «имения-дела». Всё множество предметов, с которыми имеет дело Dasein, в целостной структуре «имения-дела» осмысливается по способу бытия «подручности» и «наличности». Сам способ бытия «подручного» указывает на возможного носителя, который его использует. Так, используемая книга может быть куплена у кого-то, получена в подарок от кого-либо и т.д. Таким образом, способ бытия Другого в корне отличен от бытия в модусе «наличности» и «подручности». Другой (Dasein) постигается через структуру «имения-дела» в качестве *со-присутствующего*.

Когда другое Dasein «совстречно» в опыте со-бытия, то оно встречно не как наличная вещь, но прежде всего через его способ «бытия-в-мире» (М. Хайдеггер) в структуре «имения-дела». Способ соприсутствия с другим Dasein осмысливается немецким мыслителем через призму феномена *заботы*. Забота есть модус бытия Dasein вообще, который, в свою очередь, проявляется в феномене *заботливости*. Если забота онтологически моделирует всеобщий способ бытия Dasein, то заботливость «схватывается» онтически через многообразие конкретных способов сосуществования с себе подобным. Так, любовь, симпатия, взаимопомощь, ненависть, безразличие и т.п. суть конкретные модусы заботливости.

Особого внимания заслуживает мысль М. Хайдеггера о двух основных модусах заботливости по отношению к Другому: заботливости *заменяюще-подчиняющей* и *заступнически-освобождающей*. Последняя мысль может послужить одним из отправных пунктов нашего анализа

коэкзистенциального общения. «Заменяюще-подчиняющая» заботливость может «с другого “заботу” как бы снять и поставить себя в озабочении на его место, его *заменить*... При такой заботливости другой может стать зависимым и подвластным, пусть та власть будет молчаливой и останется для подвластного утаена» [3, с. 122]. Другой, «заступнически-освобождающий», способ заботливости не заступает на место Другого и не снимает с него ответственность, а, напротив, возвращает, утверждая Другого в его фундаментальном способе бытия. Подобный способ заботливости утверждает Другого как субъекта.

Данная мысль М. Хайдеггера весьма глубоко вскрывает диалектику отчуждения и свободы применительно к бытию экзистенциального субъекта. Диалектика отчуждённого и свободного, «решающегося» существования, может стать одним из отправных пунктов последующей разработки концепции коэкзистенциального общения. Если опираться на мысль Н. Аббаньяно, что «если я реализую себя нормативно в соответствии с моей субстанцией, если я приписываю самому себе достоинство человека, который имеет судьбу, я должен признавать возможным и в других то же самое достоинство и ту же самую ценность» [1, с. 140], то коэкзистенция предстаёт в данной связи как особая форма со-бытия субъектов, реализующих себя в своей фундаментальной возможности. В модусе «превращённого» существования коэкзистенции как таковой нет. Если Хайдеггер подобный «обезличенный» модус бытия-события мыслит как неопределённо-безличное *Man*, то Аббаньяно характеризует как состояние «рассеяния», «не-выбора», где другие предстают скорее как препятствие для реализации эгоистических целей.

Таким образом, *sine qua non* коэкзистенциального общения – реализация самого себя в своей «аутентичной» возможности, причём подобный способ бытия всегда предполагает ориентацию на Другого. Признание себе подобного в его *инаковости*, в его уникальном и незаменимом способе бытия предполагает понимание его как субъекта. Решая относительно самого себя и других, осуществляя онтически ту или иную возможность в конкретной ситуации, субъект коэкзистенции онтологически моделирует собственный способ бытия-события. Другой уже не просто сопresentствует, а *со-бытийствует* в опыте моего существования. Коэкзистенциальное общение в свете нашего анализа мы определяем как *универсальный способ со-бытия свободных субъектов в их фундаментальной бытийной возможности*. Бытийная возможность (по выражению Н. Аббаньяно, *трансцендентальная возможность*) сугубо индивидуальна в сопряжении с уникальным способом бытия субъекта, поскольку в онтическом плане вбирает весьма разнообразное и богатое содержание, которое впоследствии вовлекается в орбиту бытия-события.

Приведённые выше соображения чрезвычайно важны в свете нашего анализа. Так, экзистенциальный акт решения и выбора осуществляется не только лишь по отношению к самому себе, но и всегда по отношению к себе подобному. Следовательно, всякий экзистенциальный акт есть по своей

природе *коэкзистенциальный акт*. Решение относительно самого себя есть решение относительно других. Коэкзистенция же предстаёт как позитивная возможность и как антипод по отношению к состоянию «рассеяния» (Н. Аббаньяно), порядок, противостоящий хаосу. Коэкзистенциальный акт означает также принятие и признание Другого как свободного и самоценного субъекта. Таким образом, конкретная ситуация приобретает онто-онтологическое измерение, в свете которого вычерчивается структура индивидуального бытия-события. Онтически я принимаю то или иное решение, осуществляю выбор в конкретной ситуации, но конкретный акт решения и выбора приобретает онтологический смысл. Сама диалектика двух модусов «заботливости» (М. Хайдеггер) по отношению к Другому показывает возможность взаимопревращения «анонимного» и «аутентичного» модусов бытия-события. Онтически я могу помочь Другому в каком-либо деле или выполнить всю работу за него, избавив его от необходимости принимать решение, прилагать собственные усилия и нести ответственность за возможные последствия. С точки зрения обыденной, сугубо «человеческой» логики жалость и сочувствие к Другому можно понимать как высшее проявление гуманизма. Но «металогика» коэкзистенциального со-бытия выходит за рамки «слишком человеческой» логики обыденных суждений, вынося «за скобки» совокупность суждений, мнений и оценок, незыблемых с точки зрения житейского здравого смысла. Если онтически я могу избавить другого человека от всякого рода хлопот и трудов, то онтологически я могу отчуждать и присваивать себе его бытийные возможности, тем самым отрицая его фундаментальную свободу. В рамках парадигмы житейского здравого смысла подобное отрицание нередко облекается в форму «слепой» любви по отношению к «ближнему». Экзистенциальный же гуманизм исходит из данной а priori свободы субъекта, а утверждение Другого в его способе бытия, в соответствии с «металогикой» коэкзистенциального со-бытия, оказывается «по ту сторону» общепринятых обыденных оценок.

Признание Другого в его незаместимом модусе бытия вытекает из одного из главных постулатов экзистенциализма об изначальной свободе субъекта. Свобода субъекта неустранима. Онтически, в конкретной ситуации, конечно, можно снять ответственность с себя и возложить её на Другого. Внутренняя свобода *осознания* и выбора может быть ограничена, завуалирована, может без конца сжиматься до мельчайшей «нулевой точки», но не может быть уничтожена. Свободу можно отрицать, подавлять, но нельзя уничтожить. Ссылки на обстоятельства, состояние благодушия, самоуспокоения и т.п. в онтологическом плане суть модусы добровольного самоотчуждения. Поскольку «философия существования» исходит из того, что «...ни за собой, ни перед собой – в светлом царстве ценностей – у нас не имеется ни оправданий, ни извинений. Мы одиноки, и нам нет извинений» [2, с. 327], то отчуждение в экзистенциальном смысле есть в первую очередь *самоотчуждение*. Свобода осознания и выбора, то что Хайдеггер определяет как «зов совести» и «решимость», и делает возможным

преодоление и «ничтожение» самой ситуации отчуждения и осуществление самого себя в фундаментальном способе бытия-события.

Коекзистенциальное общение, которое следует понимать как универсальный способ со-бытия свободных субъектов, имеет своим необходимым условием признание и утверждение Другого в его фундаментальном способе бытия. Подобное принятие и признание Другого возможно не иначе как «посредством осуществления своего собственного бытия» [4, с. 408].

Литература

1. Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм. СПб., 1998.
2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Никитич Л.А.

*Профессор кафедры философии
Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Московский Государственный
Университет дизайна и технологий»
г. Москва, Россия*

Культура и цивилизация (Роль английской литературы в развитии английской цивилизации)

При характеристике любой цивилизации серьёзные авторы стараются отметить её особенности и положительные черты, которые могли бы послужить образцом для других цивилизаций в процессе их эволюции. Эти особенности, безусловно, сказываются на людях, на человеке, выросшем в условиях данной цивилизации и с большей или меньшей долей адекватности оцениваются своими собственными и иностранными писателями. Достаточно вспомнить, как Лев Толстой описывает в «Войне и мире» представителей разных цивилизаций. Так, объясняя причину «самоуверенности» представителей разных национальностей, Толстой в самом начале третьего тома своей работы пишет: «... только немцы бывают самоуверенными на основании отвлечённой идеи - науки, т.е.многого знания совершенной истины. Француз бывает самоуверен потому, что он почитает себя лично, как умом, так и телом, непреодолимо-обворожительным как для мужчин, так и для женщин. Англичанин самоуверен на том основании, что он есть гражданин благоустроеннейшего государства в мире и потому, как англичанин, знает всегда, что ему делать нужно, и знает, что всё, что он делает как англичанин, несомненно хорошо. Итальянец самоуверен потому, что он взволнован и забывает легко и себя, и других. Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь» [1].

Безусловно, в этих словах проявилась субъективная ироничность великого писателя, но важный для заявленной темы момен Толстой всё-таки отметил, назвав Англию «благоутроеннейшим государством в мире». Достижения английской цивилизации отмечены в работах многих мыслителей. Вольтер, проведя несколько лет в Англии, по возвращении написал «Эссе» «О счастливом народе» и посоветовал Дидро создать «Энциклопедический словарь», подобный тому, что уже был в Англии (из этой идеи впоследствии родилась знаменитая «Энциклопедия»). Достаточно вспомнить книгу Генри Томаса Бокля «История цивилизации в Англии», отстаивавшего точку зрения, согласно которой накопление знаний является причиной изменений в политическом и экономическом устройстве общества. Умственный фактор для Бокля был «царём истории». Жить для него означало читать и думать. В своих письмах он постоянно восклицал «Какая чудная вещь – хорошая книга!». Духовные законы Бокль считал «главным двигателем прогресса». «Мы видели, что в Европе духовные законы сильнее физических и что с успехами цивилизации перевес этот постоянно увеличивается, потому что возрастающее знание увеличивает силы духа» [2]. Особое проявление действия таких законов Бокль видит в Англии, считая английскую цивилизацию самой развитой из европейских цивилизаций в период его жизни (1821-1863). Более того, развитие своей родины он считал образцовым для всего человечества.

В течение последних десятилетий мыслители отказались от сравнительных характеристик по качеству различных цивилизаций, что не мешало им отмечать достоинства, в том числе, и английской цивилизации. Так, известный оксфордский историк Кеннет Морган отмечает такие черты английской цивилизации, как сплочённость общества в решающие моменты британской истории, неосуществлённость пророчества К.Маркса о мощном революционном подъёме в новое индустриальное время, центральную роль компромисса, а не конфликта в условиях политической напряжённости, сохранение узнаваемых символов патриотизма британцев – короны, парламента, законотворчества, стремления к индивидуализму и частной неприкосновенности, энтузиазма в досуге и спорте [3]. Конечно, ценности, которые исповедует и сегодня каждый британец, от Королевы до рядового рабочего – милосердие, справедливость, истина, прогресс, мир, трудолюбие, диктатура закона и права личности, демократия – не являются монополией английской цивилизации, но их укоренение в Англии было несомненно связано, и в этом Бокль прав, с той ролью, которую играла в стране художественная литература, эти ценности фактически обожествлявшая.

Английская литература 14-19 вв. в общих чертах

В Англии не было такой живописи, как в Италии в эпоху Возрождения, хотя позднее у неё появились Тёрнер, Хогарт, Констебль и др.; в Англии не было такой музыки, как в Австрии и Италии, хотя у неё были Пёрсел и Гендель; в Англии не было такой философии, как в Германии, хотя у неё были Бэкон и Локк; но у неё всегда была замечательная литература, которая во многом способствовала и способствует развитию и совершенствованию

английской цивилизации. Достаточно вспомнить писателей английского Возрождения – основоположника общеанглийского литературного языка *Джеффри Чосера*, создателя белого стиха, первым обработавшего в драматической форме легенду о Фаусте *Кристофера Марло* и великого *Шекспира*. Мораль общества Нового времени в эпоху Просвещения утверждают такие выдающиеся английские писатели, как Д.Дефо, Дж. Свифт, С.Ричардсон, Г.Филдинг, Т.Д. Смоллетт, Л.Стерн. Книга о Робинзоне Дефо – это гимн человеку, гимн человеческому труду. Не случайно Ж.-Ж. Руссо писал, что он дал бы мальчику-подростку только одну книгу – «Робинзон Крузо». Так огромно, по его мнению, воспитательное значение этого романа. Эти писатели, основоположники двух новых направлений в культуре – романтизма и сентиментализма, часто с помощью юмора, заостряли внимание на «тёмных сторонах человеческой природы, касаясь также болезненных социальных проблем современной им Англии. Центральной фигурой английского романтизма был *Д.Г.Байрон (1788-1824)*, поэзия которого отразила самые острые проблемы его времени, самые разнообразные мотивы, образы и темы. В конце 19 в. английский романтизм завершается неоромантизмом в творчестве автора приключенческих и исторических произведений *Р.Стивенсона* и замечательного *Артура Конан Дойля*.

19 век английской литературы подарил миру замечательные произведения писателей-реалистов: *Ч.Диккенса (1812-1870)* с его неприятием социальной несправедливости, *Уильяма Теккерея (1811-1863)*, автор романов об истории Англии и знаменитой «Ярмарки тщеславия», в которой он, раскритиковав такие пороки людей, как жестокость, эгоизм, коварство, лицемерие и корыстолюбие, не выступает их карателем, а показывает, что человек эволюционирует и может постепенно от таких пороков избавиться на примере главной героини романа Бекки Шарп.

Особенностью английской литературы 19 в. является присутствие в ней выдающихся писательниц-женщин – *Джейн Остин, Шарлотты Бронте, Джордж Элиот*. Джейн Остин (1775-1817) составила славу английской литературы, её не раз сравнивали с Шекспиром, считая «первой леди» английской литературы. Её произведения обязательны для изучения во всех английских колледжах и университетах. Вальтер Скотт, сожалея о её ранней смерти, отметил следующие характеристики её творчества: понимание человеческих отношений, особый такт, силу повествования, необычайную точность и чёткость, простой и в то же время комический диалог, способность делать увлекательными даже самые заурядные и обычные события и характеры.

Во всех произведениях Остин присутствуют тема *нравственного прозрения и совершенствования и поиск моральных ориентиров и этических ценностей*.

«Английской Жорж Санд» называли Шарлотту Бронте (1816-1855) после выхода в свет её романа «Джен Эйр». Роман привлек и поразил читателей той смелостью, с какой автор описывает чувство любви. В первой

половине 19 в. Англия была страной с сильными пуританскими традициями, и даже Диккенс и Теккерей не решались на такое изображение любви. Тем более для английской публики неожиданным был голос подлинной страсти, прозвучавшей со страниц романа, написанного женщиной, провинциальной гувернанткой.

«Великим английским романом» считают литературоведы роман «Мидлмарч» классика мировой литературы Джордж Элиот (наст. Имя Мэри Энн Эванс, 1819-1881). В романе, посвящённом жизни английской провинции на фоне острой политической борьбы за избирательную реформу, автор с большой тонкостью и глубиной рисует конфликт между благородными образованными людьми и тупым ханжеским обществом мещан. Сила романа – в сочетании в авторе могучего дарования художника с аналитическим складом ума. Образованнейшая женщина эпохи, знаток философии, социологии, естественных наук, Элиот не только создавала выдающиеся художественные произведения, но и переводила на английский язык философские произведения - Спинозы, Фейербаха и др. философов. Авторитет писательницы был огромен, её называли «учителем жизни», и сама королева Виктория была её ревностной почитательницей [4].

Английская литература XX века

Английская литература 20 в. продолжала укреплять в обществе ценности, сложившиеся усилиями предшествующей культуры, добиваясь тем самым признания мировой культуры и общественности. Достаточно вспомнить, что двенадцать английских писателей получили Нобелевские премии. Среди них был *Уинстон Черчилль* (1874-1965), получивший премию в 1953 г. «за высокое мастерство произведений исторического и биографического характера, а также за блестящее ораторское искусство, с помощью которого отстаивались высшие человеческие ценности», как сказано в решении Нобелевского комитета. Черчилль, когда его называли «политиком», возражал: «Я не политик, я – общественный деятель. Политик думает о будущих выборах, общественный деятель – о будущих поколениях».

Английская литература 20 и 21 вв. богата именами, жанрами и художественными стилями, что и объясняет тот факт, что, несмотря на падение интереса к чтению художественных произведений в мире, англичане по-прежнему много читают.

В начале века (1906 г.) в Лондоне возникла группа интеллектуалов «Блумсбери», в состав которой входили молодые писатели, литераторы, экономисты, философы, культурологи, своими дискуссиями и творчеством утверждавшие, что *искусство – необходимое условие существования цивилизации*. Наставником группы был известный философ *Д.Э.Мур* (1873-1958), автор известной книги «*Основы этики*» (19903), в которой с позиций интуитивизма и анализа ощущений провозгласил важнейшим жизненным принципом проникновение в сущность прекрасного и установление гармоничных взаимоотношений между людьми.

Участники группы исповедовали такие ценности как *искренность, непосредственность, непредвзятость суждений, умение понимать и ценить прекрасное, свободно и просто излагать своё мнение в беседе, обосновывать его в дискуссии*. Блумсберцы бросали вызов вульгарности, меркантилизму, ограниченности, осуждали утилитарный подход к жизни. Одним из членов блумсбергской группы был литератор *Литон Стрэчи* (1860-1932), автор известной книги *«Королева Виктория»* о жизненном пути легендарной королевы Виктории (1819-1901), находившейся на британском престоле свыше шестидесяти лет. В книге в увлекательной форме представлена не только жизнь королевы и её ближайшего окружения, но и многие выдающиеся события и выдающиеся деятели европейской истории 19 века, такие как *герцог Веллингтон, лорд Пальмерстон, лорд Мельбурн, Гладстон, Дизраэли* и мн. др. Но главное, чем ценна книга – это непринуждённый рассказ о ценностях, которые утверждались и закреплялись, становясь обязательными для всех без исключения социальных групп викторианской эпохи: *милосердие, истина, справедливость, прогресс, мир, трудолюбие*. Под влиянием своего оразованнейшего окружения, протестантского и пуританского, королева Виктория приходит к выводу, что ей «суждено провозгласить новую эру человеческих отношений, где не будет цинизма, хитрости, алчности, прочих всевозможных пороков и восторжествуют долг, усердие, нравственность и любовь к домашнему очагу» [5].

Материальным воплощением новых сил и идеалов явилась Великая Лондонская Выставка 1851 г., первая Всемирная Промышленная Выставка, на которой было представлено всё, что только может быть создано руками человека: машины, механизмы, товары, предметы прикладных искусств и скульптуры. Но выставка была не просто интересной и полезной: она, считает Стрэчи, преподала урок высокой нравственности, явилась всечеловеческим монументом высшим благам цивилизации – *миру, прогрессу и процветанию*.

Одно из первых мест в ряду произведений английской литературы, показавших экономические и культурные парадигмы английского общества, определившие быт и сознание подавляющего большинства его членов, бесспорно, занимает *«Сага о Форсайтах» Дж.Голсуорси* (1867-1033, Нобелевская премия 1932).

Это произведение - не просто описание жизни трёх поколений Форсайтов, верхнего слоя английского среднего класса, это анализ природы английской цивилизации, которую Голсуорси определил одним словом – *безупречность*. Свой великий роман Голсуорси создал «на прочной основе», которую английский писатель *Дж.Конрад* (1857-1924) описал следующим образом: «прочность основы, на которой мистер Голсуорси строит свой превосходный роман, сразу становится очевидной. Ибо началась ли организация общества с семьи, или с собственности, или с того и другого одновременно, так как вначале их в сущности трудно было отделить друг от друга, - совершенно ясно, что именно в тесном объединении этих двух

институтов нашло общество путь к развитию, и именно в нём оно обрело надежду на спасение» [6].

В этих словах – путь к анализу любой цивилизации.

Великим английским драматургом является лауреат Нобелевской премии *Бернард Шоу* (1856-1950), реформатор английского театра. Сцена для него – это место дискуссии, площадка для столкновения идей и постановки проблем. Для него драма – проблемная пьеса-симпозиум». Особым методом изложения проблем у Шоу является парадокс, указывающий на присутствие в пьесе автора. Самые популярные драмы Шоу – это «Пигмалион» (1913) и «Дом, где разбиваются сердца» (1919).

Редьярд Киплинг 1865-1936), поэт, романист, новеллист, автор знаменитого «*Маугли*», Нобелевской премии был удостоен «за мужественность стиля». Прослужив в конце 19 века ряд лет в Индии, писатель создал несколько сборников новелл и стихотворений. Правдиво изображая народные обычаи Индии, богатство её культуры, Киплинг остался твёрдым приверженцем английской цивилизации и культуры, и, хотя критиковал их отрицательные стороны, был убеждён, что западная и восточная цивилизации несовместимы, что и выразил в своей знаменитой «Балладе о Западе и Востоке»: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Обострённое чувство патриотизма Киплинг выразил в стихотворении «Сассекс»: «Господь нам эту землю дал, чтоб всю её любить. Но каждому лишь малый край дано в душе вместить».

Основоположником модернистского романа в Англии был *Дж.Джойс* (1882-1941). автор романа «*Улисс*» (1922), принёсшего писателю мировую славу, благодаря которому Джойс, по словам А. Моравиа, наряду с Пикассо и Стравинским, «открывает дверь в культуру XX века». Уже в первом законченном произведении «*Дублинцы*» (1914) Джойс виден как писатель, в творчестве которого появился основной принцип модернизма – *сосредоточенность не на жизни плоти, а на жизни сознания*. Вирджиния Вульф, будучи одним из основателей модернизма в литературе, в своём эссе «Современная художественная проза» писала о Джойсе: «В отличие от тех, кого мы называем материалистами, м-р Джойс – спиритуалист, его интересует мерцание внутреннего огня, вспышками озаряющего наше сознание» [7].

В «Улиссе» Джойс представил своеобразную Одиссею дублинской жизни, используя свой метод точной фиксации «потока сознания». Действие романа развёртывается в течение одного дня – 16 июня 1904 г. Это уникальное произведение, открывшее новые пути и возможности прозы 20 века. В одном дне жизни дублинского горожанина Джойс нашёл все приключения древнего мифа об Одиссее. Одну из самых глубоких картин человека и общества нашего времени Джойсу удалось создать потому, что он открыл более глубокую, чем внешняя, внутреннюю реальность человека. У Джойса вместо событий – движение души. Как и всё искусство модернизма, литература у Джойса интеллектуализируется. Он производит многоуровневый мир с позиций индивидуального сознания.

Английская литература богата именами, жанрами, но всех их роднит *безупречный вкус, тонкий юмор, занимательность сюжета*, что подтверждают многочисленные произведения *С.Моэма* (1884-1975), величие которого литературоведы видят в том, что он поднимал общечеловеческие проблемы. Стиль Моэма считается *особой формой реализма*. Его произведения часто создавались на грани коммерческого искусства и высокого интеллектуализма. Так, в знаменитом романе «Театр», описывая чисто повседневные проблемы человеческих отношений, Моэм приводит своих героев к большим философским идеям. [8]

Всю свою жизнь, а прожил Моэм свыше 90 лет, он был страстным путешественником, блестящим знатоком многих культур. Его многочисленные произведения – это замечательные путеводители по мировой культуре, эмоциональные и глубокие. Одной фразой, сказанной кем-нибудь из персонажей своих произведений, Моэм мог охарактеризовать творчество композитора Скрябина, художника Веронезе, писателя Достоевского и десятков и десятков других творцов.

Восхищаясь культурой других народов, Моэм во всех своих произведениях – патриот, видящий преимущества своей цивилизации и объясняющий причины этого. Ненавязчиво Моэм делает это на примере средней английской семьи героя романа «*Незнакомец в Париже*». Приятная картина нежной счастливой семьи, которая жила без претензий, в скромном достатке, дружно между собой и с другими, не боясь, что что-то может случиться и повлиять на их безопасность. В жизни, которую он описал, не было недостатка ни в изяществе, ни в достоинстве: «она была здоровой и нормальной и благодаря своим интеллектуальным интересам не совсем прагматичной. Люди в этой семье были простыми и честными, не честолюбивыми и не завистливыми, готовыми в меру своих способностей выполнять свой долг по отношению к государству и к своим соседям, и в них не было ни вреда, ни зла» [9]. Так герой-англичанин описывает свою семью француженке, на что та в ответ называет англичан «счастливыми», понимая, «насколько их добродушие, доброта, приятная самоуверенность зависели от давно установившегося и упорядоченного процветания страны, в которой они родились» [9].

Известные английские писатели 20 в. в своём творчестве уделяли внимание исторической и антифашистской тематике, связывая эти проблемы с поведением людей и качеством человека.

Так, в 1947 г., когда миру стали известны злодеяния нацизма и тоталитаризма, Моэм завершил роман «Каталина», по его словам, «необычную, почти невероятную, но поучительную историю» [10] об испанской инквизиции начала 17 в. Писатель показал, что ужасом были не только невероятные пытки еретиков и костры инквизиции, настоящим ужасом было *поведение масс*, получавших от них подлинное наслаждение. «Раскаявшихся удушали, но их тела всё равно сжигали на костре. Толпа смотрела на сожжение еретиков с жадностью, перед которой меркло наслаждение даже от боя быков... Люди кричали и хлопали в ладоши,

заглушая вопли жертв. Спустились сумерки, костры догорели, и зрители потекли обратно в город, устав от долгого стояния и возбуждения, в полной уверенности, что не зря прожили этот день» [11].

Уильям Голдинг – исключительное явление английской литературы XX века

Антифашистская тематика нашла отражение, в частности, в работах нобелевского лауреата (1983) *Уильяма Голдинга*. Он участвовал во второй мировой войне в составе Королевских морских сил на ракетном корабле, участвовал в потоплении немецкого линкора «Бисмарк», участвовал в Нормандской десантной операции при открытии второго фронта. Голдинг был свидетелем «Лондонского костра» - следствия немецких бомбардировок Лондона в 1940 г.

И этот образ Лондона «в пламени», с группами людей, для которых это было впервые, стоявших возле искореженного бомбами транспорта, со сжатыми губами и неподвижными взглядами вдоль улицы, которая не была больше частью обитаемого мира, а воронкой, «раскалённым котлом», он создал в романе «Зримая тьма» (1979).

Уильям Голдинг (1911-1993) – исключительное явление английской литературы второй половины 20 в. Не случайно критики называли его творчество «поворотным пунктом английской литературы середины века», а его книга «Повелитель мух» (1954) включена в основные образовательные программы Великобритании. Его многочисленные романы – «Повелитель мух» (1954), «Наследники» (1955), «Хапуга Мартин» (1956), «Свободное падение» (1959), «Шпиль» (1964), «Пирамида» (1967), «Зримая тьма» (1979), «Бумажные люди» (1984), «Тесное соседство» (1987), «Пожар внизу» (1989), «Двойной язык» (1993) и др. отличаются философской глубиной, драматической мощью и вселенная сложных поэтических метафор. Его произведения созданы в жанре философского иносказания. Блестяще образованный выпускник Оксфорда, Голдинг взялся за перо потрясённый новым видением человека и мира, полученным в ходе войны. Он увидел человека как «самое опасное из всех животных», а его изъяны как причину всех изъянов истории и цивилизации. Главные идеи и темы его философии – человек в критической ситуации, человек «на краю бездны», человек «перед взором небес». В своих произведениях Голдинг широко пользуется христианской символикой, христианскими мотивами искупления, воздаяния и т.д., которые не имеют самодовлеющего значения, а предстают в творчестве писателя как часть широкой культурной традиции (античный миф, философская мысль прошлого и настоящего, литературные аллюзии (Эсхил, Еврипид, Данте, Мильтон, Шекспир, Достоевский и др.). При этом талант выдающегося писателя, мыслителя, филолога у Голдинга сочетается с огромными эмпирическими познаниями в истории и культуре Древнего мира, что позволило ему выдвинуть большие и спорные гипотезы и в области истории. Так, в своей повести «Чрезвычайный посол» Голдинг показал, что созданием пороха и книгопечатания мир обязан не китайцам и Гуттенбергу, а всё тем же грекам. В повести, по мнению критиков, развивается тема *обратной*

стороны прогресса. Отнесённое к третьему веку, действие повести связано с глобальными проблемами нашей современности. Гениальный грек Фанокл предлагает римскому императору три своих изобретения – *порох, модель военного парового корабля и книгопечатание.* Однако, изобретения, будучи осуществлёнными, приносят горькие результаты: недовольство рабов, оставшихся без работы, гибель многих людей. И даже первоначально восхитившись книгопечатанием («Сто тысяч копий Гомера», «Публичная библиотека в каждом городе!»), мудрый император его отвергает, ужаснувшись тому, что книгопечатание «наводнит мир никому не нужным хламом», поскольку Горации рождаются не часто, а возможность печататься окажется соблазнительной для графоманов. Но понимая, что прогресс не остановить, мудрец римский император пытается на время его задержать и отправляет гениального грека Чрезвычайным римским послом в Китай [12].

В 1958 г. Голдинг переделал повесть «Чрезвычайный посол» в пьесу «Медная бабочка», которая несколько лет успешно шла в театрах Великобритании и США. В пьесе более остро, чем в повести, передан философский смысл произведения. Медная бабочка – это предохранитель на смертоносном снаряде, без которого снаряд может разорваться ещё в катапульте и уничтожить своего обладателя. Здесь, как и во всём, что пишет Голдинг, глубокий смысл. Современная научно-техническая революция – противоречива. С одной стороны, она несёт огромные материальные блага, с другой – она уже подвела мир к катастрофе, от которой человечество отделяет такой же ненадёжный механизм, как «медная бабочка» Фанокла. Вообще книги Голдинга – это грозное предупреждение о непрочности современной цивилизации. Всё дело в природе человека, и лечить её, как полагает Голдинг всеми своими работами, надлежит в первую очередь, не внешними социальными условиями и переменами, а *путём воздействия культуры на душу каждого.*

Литература

1. Толстой Л.Н. Война и мир – М., 1946.
2. Бокль Генри Томас. История цивилизаций. История цивилизации в Англии. Т.1 –М., 2000.
3. История Великобритании под редакцией Кеннета О. Моргана-М., 2008.
4. Никитич Л.А. Культурология – М., 2009.
5. Стрэчи Литон. Королева Виктория – Ростов-на-Дону, 1999.
6. Конрад Джозеф. Зарубежная литература. Хрестоматия –М., 1981.
7. Вирджиния Вульф. Цит по: Джеймс Джойс. Дублинцы – М., 1999.
8. Моэм Сомерсет. «Лукна и грош» «Театр» - М.,1982.
9. Моэм У.С. Незнакомец в Париже – М., 1992.
10. Моэм У.С. Незнакомец в Париже – М., 1992.
11. Моэм Сомерсет У. Каталина – М., 1991.
12. Уильям Голдинг. Чрезвычайный посол – М., 2005.

Смирнова Е.А.
*Преподаватель кафедры философской мысли и культурологии.
Соискатель кафедры философской мысли и культурологии,
Николаевский Национальный Университет им.Сухомлинского
г.Николаев, Украина*

Магическая концепция происхождения искусства

Современная эстетика, философия культуры, философия искусства не имеют образцов окончательного мнения о происхождении искусства и художественного творчества, поэтому попытка рассмотреть магическую концепцию происхождения искусства как один из самых интересных среди других, является актуальной и полезной для современной науки.

Согласно выводам классической истории, в первобытном человеке не была развита способность к рефлексии. Под последней понимается высокая форма теоретической мысли, самопознания, постижения божественности бытия, которые были созданы в античной философии (от Сократа, Платона и Аристотеля до неоплатоников). Понятие рефлексии не приложено к мышлению человека каменного периода. Однако это мышление создало изобразительное творчество – механизм, регулирующий не только поведение человека, но и развивающий способность к связной речи, графической деятельности, обобщению и образно-символического отражения мира. Благодаря этому человек осознает свою причастность окружающему миру и находит свое место в нем. Изобразительная деятельность - вершина первичной синтетической деятельности человека, постигает законы окружающего мира, эстетически оформляет этот мир. Эта изобразительная деятельность является весьма сложной и глубоко специфической формой «удвоения» мира в условиях каменного века, когда окружающая среда была постигнуто с помощью символического использования объема, линии и цвета. Очевидно, что наукой до сих пор не решен окончательно вопрос о происхождении изобразительной деятельности человека, о путях ее возникновения.

Достаточно интересной и заслуживающей внимания является гипотеза, основанная на анализе так называемых «медвежьих пещер», где находились оставленные неандертальцами черепа медведя [1]. Развитие изобразительной деятельности в этом случае идет по схеме: от натурального макета животного через скульптуру, передающего образ зверя, к плоскостным рисункам на глине, соответствующих образно-абстрактному аспекту первобытного мышления. В этом случае прослеживается связь изобразительной деятельности с ритуалом, с его первичной формой – погребальным обрядом. Результаты анализа древнейшей изобразительной деятельности позволили авторитетному ученому, исследователю древности А.Д. Складкову сделать вывод, что «между конкретно-образным и абстрактным типами мышления как бы сами собой возникают первые контуры образно-абстрактного типа мышления, переходного по своему характеру, оправданного как логикой

развития, так и фактами» [2]. Существенно то, что изобразительная деятельность дала возможность совершить переход от конкретно-образного к абстрактному типу мышления. Не менее важно и то, что в основе этого перехода лежит принцип пропорции, принцип равного изменения и геометрического подобия, который является одновременно и принципом природы, и принципом познания и творчества.

Ведь принцип пропорции в форме золотого сечения или принцип золотой пропорции выполняет немалую роль в науке, искусстве и архитектуре. Вопрос о происхождении искусства до сих пор решается неоднозначно. Да, есть магическая концепция происхождения искусства, согласно которой истоком искусства являются магические верования и обряды. На наш взгляд, изложенный выше материал, позволяет сделать вывод в пользу следующей концепции, приведенной русским ученым Д. Угринович в его книге «Искусство и религия»: «Хотя искусство и религия порождены принципиально различными социальными потребностями, возникли они в одно время и реализовались первоначально в единой нерасчлененности системе духовно-практической деятельности, которой был первобытный мифологический обрядовый комплекс» [3]. Существенно то, что источником эстетического отношения к миру, сконцентрированного в изобразительной деятельности, танцах, музыке и других видах искусства, по мнению Угриновича, является трудовая деятельность. Однако возникновение искусства связано не только с трудовой деятельностью, но и с развитием общения индивидов. Понятная звуковая речь – форма выражения логического понятийного мышления, но общение может осуществляться посредством рисунка, жеста и пения, существующих как элементы ритуала. К тому же следует учитывать тот важный эмпирический факт, что искусство является формой существования социально значимой и циркулирующей в обществе информации, систему эстетических ценностей. Этот факт выполнял колоссальную роль в жизнедеятельности первобытного коллектива: информация, выраженная в системе эстетических кодов, была необходима для совершения практических коллективных действий, обеспечивающих существование племени. Следует учитывать и психофизиологическую сторону становления искусства, на значимость которой обращает внимание в своих трудах антрополог Я.Я. Рогинский: «Оказывается, в отличие от других органов человеческого организма, которые функционируют ритмично, мозг может осуществлять свои высшие функции, выходя за пределы ритмов организма. Для глубокого постижения мира, для выработки абстракций мозг, нацелен не на физиологические ритмы, а на динамику отражения окружающего мира. Возникает аритмия, вызывающая усталость у человека. Чтобы ее снять, необходим отдых, перерыв в умственной деятельности, т.е. необходимо возвращение к нарушенным ритмам организма. Аналогичное происходит на последней стадии антропогенеза, с момента появления «человека разумного». Под влиянием нагрузок и перегрузок мощнейший, совершенный орган мысли, – пишет Я.Я. Рогинский, – не мог бы справиться с доселе небывалыми по сложности задачами абстрактного мышления, если

бы он не подкреплялся искусством. Универсальный, чисто человеческий мир ритмов - ритмы танцев, звуков, линий, красок, форм, узоров в древнейшем искусстве - оберегал от перенапряжений и срывов мыслящий мозг»[4].

Традиционное первобытное искусство по своей синкретичности (оно переплетается со всеми другими аспектами культуры – мифологией, религией, обрядом и др.), является полифункциональным. Прежде всего оно, наряду с другими формами (или сферами) культуры, является воплощением и выражением общих, устоявшихся представлений данного общества. В основе произведений искусства дописьменной эпохи лежит пластическая идеограмма. Именно благодаря этому качеству первобытное и традиционное искусство эффективно выполняет различные социальные функции. Ритуальные маски, статуэтки, нательные и наскальные рисунки и другие изобразительные формы и художественные предметы, используемые при совершении обрядов инициации, так же как игры, танцы, театрализованные, составляют «одну из связей, соединяющих различные поколения именно для передачи культурных приобретений из рода в род»[5].

Итак, символический характер первоначального и традиционного искусства, его условный изобразительный язык, формы, призванные выражать сложные идеи и понятия, которые невозможно воспроизвести натурально. Понятно, что в первоначальном и традиционном искусстве социальные функции тесно переплетаются с магико-религиозными: статуэтки - вместилища душ умерших, предназначенные для культа предков, выполняют определенную социальную роль, ведь они отражают реально существующую структуру общества, ибо иерархия в области духов соответствует земной. Синкретизм этого искусства, неразрывность его магико-религиозных, социально-политических и иных функций отражает нерасчлененность этих аспектов в реальной жизни архаических обществ. Нельзя провести четкую границу между статуями предков, различными фетишами, масками, так и те и другие наделены сверхъестественной силой, способны вмещаться в жизнь людей, служить предметом поклонения.

Итак, первоначальный и традиционный религиозно-художественный комплекс можно рассматривать как гипотетическую картину вселенной, удовлетворяющую человека своей законченностью и полнотой, т.е. речь идет о его познавательную функцию. Различного рода магия имеет целью воздействие на определенный объект, в случае охотничьей магии - овладение животным. В процессе магических действий человек воссоздает образ, соответствующий его мысленному взору, что само по себе является актом абстрагирования. Как метко замечает Складов, «Рука помогает мысли, образ фиксируется, становится доступным восприятию, исследованию в изобразительном искусстве. Изображение дает возможность группировать предметы, акцентировать детали, выявляя назначение, сущность того или иного предмета. Это – особая форма познания, отличающаяся от собственно научного познания уже тем, что «истины от искусства» даны нам в непосредственном восприятии, связанные с аффективными актами человеческого духа»[2]. Впрочем, необходимо отметить следующее: в

первобытном обществе функционирует триада - родовой строй, миф и изобразительная деятельность. С разложением первобытного общества и появлением классового общества на смену этой триаде приходит новая: государство, религия и письменность, проходит смена мифа религией, включающей моральный момент. Однако во всех религиозных системах, рожденных мифами каменного века, сохраняется комплекс основных идей древнейшего мифа. Так, идея бессмертия Души восходит к древнему в истории человечества сюжету о Жизни и Смерть, отраженном в росписях палеолитической пещеры Ласко.

В целом можно сказать, что первобытнообщинная социокультурная система характеризуется, насколько об этом можно судить на современном уровне знания, поразительной однородностью социальных структур, одним и тем же набором типов деятельности, высокой степенью «похожести» в плоскости духовной культуры различных человеческих отношений. Но, с разложением первобытного общества начинается процесс многолинейного развития мировой истории, появляется разнообразие социокультурных систем.

Обратимся к культуре древнего Египта, а именно к живописи, которому был присущ плоскостной характер, возникающий путем обращения к чертежу. Понятно, что иллюзия пространственности глубоко чужда любому чертежу. И здесь мы сталкиваемся с абсолютной несоответствием: с одной стороны – явно выраженное стремление к достижению адекватного отражения реального мира, с другой – расцвет мифологии, которую современная официальная наука относит к иллюзии, т.е. прямой противоположности адекватному отражению реальности. И это - далеко не последнее несоответствие.

Ф.Кликс считает, что «важное значение имеет сугубо консервативная установка. Ритуал всегда основан на распоряжении, которое либо прямо передано тотемом, либо установлено по мистическим соображениям. Любое отклонение от этих предписаний обуславливает неуспех ритуальных действий. Аналогично обстоит дело и в случае социальных отношений. Необходимо понять, что магическая церемония или культовая действие являются элементами социальной жизни, которые оказывают огромное объединяющее действие. На их фоне особенно рельефно выступает сила, заставляет нормам и действующих правил и тем самым стабилизирует то, что сохраняет свою полезность или представляется полезное» [6]. Но, на взгляд Кликса, мощная роль консервативности противоречит версии фантастичности мифов. Фантазия несовместима с консерватизмом - ей нужен простор, свобода. Каким же образом можно сочетать консерватизм ритуалов и фантастичность мифов, которые были теснейшим образом, связаны с ритуалами ... Более того, как можно сочетать фантазию мифов с консервативностью по отношению к тем же мифов, которые хранятся без изменения на протяжении тысячелетий! Накопленные знания о первобытной и традиционной культуры свидетельствуют о важной роли мифа в жизни человека древней эпохи.

В изобразительном творчестве человека каменного периода убедительно прослеживается связь магии и эстетики, пусть даже в самом примитивном его проявлении. Выделяются как значительные две главные функции древнего мифа – освоение пространства и времени. Это свидетельствует о том, что с самого начала существования культуры ее содержание определяется мифом, который органически связан со стремлением человеческого творчества к овладению пространством и временем и их преодолению. Ведь не случайно представления о пространстве и времени впервые выражены в сюжетах мифов, тесно связанных с ритуалами. Когда древний человек покрывала стены пещеры или поверхность скалы различного рода изображениями, он в своем мифологическом сознании осваивал пространство и Время. Сегодня проявляется большой интерес к первобытной мифологии, магии и шаманизму. Не случайно в контексте современных философских исследований находятся ненаучные формы знания и сознания. Это связано с ростом негативного отношения к сциентизму и поиском альтернативных мировоззренческих ориентаций.

Эпистемологи и религиоведы подвергают анализу шаманизм и магию, причем первые обращаются к ним, чтобы добавить науке «человеческое лицо» путем обнаружения в ней признаков ненаучного мышления и человеческих интересов и ценностей, а вторые изучают магию как своеобразный тип рациональности, о чем свидетельствует, частности, развитие психотроники. В новейшей философии является релятивистская тенденция к сближению науки и ненаучных форм мировоззрения. Так, в книге английского ученого У. Резерфорда «Шаманизм. Основания магии» описываются действия шамана, его магические пляски, экстаз и транс. Соплеменники, собравшиеся вокруг костра, «наблюдают», как душа шамана якобы покидает тело, отправляясь путешествовать в заоблачные выси. [7]

Эту картину и сейчас можно увидеть в искусстве африканских и северных племен. Магия оставила свои последствия в культуре месопотамской цивилизации, даосизме, зороастризме, исландских сагах, древнегреческих мифах, в полинезийских поверьях, на всем пространстве от Арктики до Австралии.

Магическое «искусство» шамана, его зелье, врачом и весь опыт зависит от локальных этнических и географических условий. Этимологически термин «шаман» восходит к понятию «знания» в индоевропейских языках: шаман – это «тот, кто знает». Антропологи подчеркивают, что «шаман» – значит «властитель духов», религиоведы связывают шаманизм с идеей сверхъестественного, с анимизмом и тотемизм. Мировоззрение шамана покоится на метафорическом представлении о природе как о человеческом теле, живое существо, функционирование которого производное от действия каждой его части. Такое представление просматривается в понятии индуистом дхармы, в даосизме, в «космосе» древних греков.

Мировоззрение шамана базируется на представлении о Вселенной как о космосе. Но именно Космос, как упорядоченное и сбалансированное целое предполагает источник организации – так возникает идея «великого духа»,

первый шаг на пути к монотеизму. Для достижения ощущения «Большого духа» шаману необходимо звено, соединяющее мир людей и небесные выси. Этим звеном может быть священная гора (Синай, Олимп, древнеегипетские пирамиды, ацтекские храмы Солнца) или Мировое дерево (Иггдрасиль у скандинавов и пр.)

Для понимания структуры магического универсума важное значение имеют магические числа, например, число «семь» – касается ли это звезд, смертных грехов, небесных сфер или чудес света. Йогическая космология предполагает также раздельность мира людей и потустороннего мира - этому обычно помогает река (типа Стикса у древних греков), через которую проложен путь, часто в виде узкого моста, подобного острию меча. Именно шаманизм как архаическая система верования выполняет в первобытных, архаических культурах вполне определенные социальные функции, обусловленные условиями бытия первобытного человека. Ведь окружающий мир в процессе его предметно-чувственного постижения опосредованное «миром» символов, символической деятельностью, которые на ранних этапах развития общества проявляются в формах тотемизма, анимизма, магии, шаманизма и религии из-за низкого уровня производительных сил и неразвитости общественных отношений. Именно эти механизмы играют большую роль в становлении искусства как формы человеческого миропостижения.

Литература

1. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек как космопланетарный феномен. Ростов н / Д.: Издательство Ростовского Университета, 1993.
2. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М.: Политиздат, 1983.
3. Плеханов Г.В. О религии и церкви. М.: Прогресс, 1957.
4. Рогинский Я.Я. Об истоках народных и религиозных обрядов. Л.: Лениздат, 1989.
5. Скляр А. Код мироздания. Основы физики духа. / Андрей Скляр. М.: Вече. 2012.
6. Угринович Д. Психология религии. М.: Политиздат, 1986.
7. Reizenford R. Makrokosmos und Mikrokosmos. Dornach, 1962

Щербина И.В.
*Доц., к. искусствоведения, доцент кафедры
вокального и инструментального искусства
Республиканского высшего учебного заведения
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»
г. Симферополь, Украина*

Особенности сохранения и актуализации этномузыкальной традиционной культуры народов Украины в условиях глобализации

Общемировой процесс культурной эволюции начала XXI столетия сопровождается сложным взаимодействием новаторства и традиций во всех сферах культуры и искусства, который приводит к познанию новых эстетических парадигм через призму осознания этнокультурных достижений прошлого и настоящего. Заметное место занимает возрастающая заинтересованность к изучению, сохранению, профессиональной реконструкции и интерпретации доисторической архаики, аутентичных материалов, составляющих средневековой культуры и этнокультурных традиций. При этом происходит процесс разнообразного переосмысления фольклора от аутентичной вторичной репрезентации к жанрово-стилевой переориентации, инвариантности и качественной модификации, органического синтеза нескольких противоположных жанров, стилей и традиционных культур и т.д. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные международные и региональные этнофестивали, такие как «Етновир» (Украина), «Территория МИРА» (Россия), «Извор» (Болгария), «Рэспубліканскі Фэстываль нацыянальных культур у Гродне» (Белорусь). Они посвящены интерпретации и репрезентации различных традиционных культур в профессиональном и любительском искусстве. Это своеобразная форма является очень эффективным способом возрождения и сохранения этнокультурного наследия предков и развития национальной традиции в современном социуме и т.д.

Традиционная культура народов многонациональной Украины - явление сложное и самобытное. Ее корни уходят в глубь тысячелетий, а специфические национальные черты, с ярко выраженными локальными субэтнокультурными характеристиками, обусловлены историческими соотношениями с соседними государствами и этносами, долговременной борьбой за независимость и сохранения духовности и самодостаточности. Ныне, этнокультура народов Украины активно бытует в трансформированном виде и характеризуется довольно устойчивыми этническими компонентами, изучение и фиксация которых требует тщательного всестороннего комплексного исследования с привлечением современных технических возможностей, что и обуславливает актуальность культуролого-этнологических исследований.

Феномен длительного функционирования в обществе определенной

этнотрадиционной культуры, неотъемлемым структурным элементом которой является пластическое и мусическое художественное творчество, свидетельствует, что она является очень важной составляющей духовной жизни народа, ценным наследием, изучение и осознание которой способствует сохранению этнического генофонда и развития национальной самобытности. Более того, большое значение имеет комплексное исследования процесса эволюции традиционной музыкальной культуры, особенно в полиэтнических регионах, поскольку они затрагивают механизмы осуществления преемственности, методов и способов передачи культурной традиции, позволяет углубить понимание причины и форм современного бытования фольклора, соотношения в нем неизменного и инновационного. При этом следует отметить, что молодое поколение, увлекаясь различными течениями современной мировой музыкальной культуры, одновременно не отчуждается, а наоборот - продолжает любить свою музыкальную (песенную, инструментальную и танцевальную) культуру, испытывает особый практический интерес к этнонаследию (кулинария, медицина, педагогика...) мудрости своих предков. Об этом свидетельствует активность молодежи на специально организованных площадках (на которых народные мастера обучают основам традиционного искусства - ткать, ковать, танцевать, играть и т. д.) международных этно-фестивалей, таких как «Країна мрій» (г. Киев) и «Печенезьке поле» (г. Харьков, Старосалтов) [1; 10]. Поэтому, комплексное исследование народной культуры и всесторонний анализ ее составляющих, в частности музыкального фольклора, является актуальным в теории и практике культурологии, искусствоведения и образования, для реализации которого, первоначально необходимо рассмотреть уровень изученности обозначенной проблематики в области этнологии и искусствоведения.

Объектом исследования данной работы является культурный феномен народной традиционной музыкальной культуры народов Украины, а предметом – тенденции изучения и сохранения этнотрадиционного музыкального искусства на территории современной Украины в общем контексте становления и развития этнологии, искусствоведения и народного образования. Цель - выяснить степень научной разработанности аргументации характеристик субэтнических и региональных особенностей музыкальной культуры народов Украины. Задача работы заключается в освещении генезиса профессионального изучения локального народного музыкального художественного творчества народов, проживающих на территории современной Украины.

Изучение бытовой этнотрадиции народов Украины, необходимо, как минимум, не только с точки зрения сохранения фольклорных ценностей, но и в контексте развития современной культуры, поскольку для этих народов этномузыкальное искусство является важнейшим источником творчества и самореализации. Вокальным, инструментальным и хореографическим этоискусством занимается большое количество любительских и профессиональных коллективов. Например: «Древо» (г. Киев), «Муравский шлях» (г. Харьков), «Галичина» (г. Львов), «Дивина» (г. Донецк), «Лудо

Младо» (г. Одесса), «Хайтарма» (г. Симферополь) и другие...

Музыкальный фольклор в современных условиях, при всей своей консервативности пассивного бытования, ныне, все таки отличается особой динамичностью и способностью видоизменяться, то есть интерпретироваться носителями традиции с учетом популярности массовой музыкальной культуры. Наиболее ярко это проявляется именно во время танцевальной деятельности, которая неразрывно органично связана с семейным досугом и обрядностью, проявляется характер и архетип коллективного модуса мышления народа, отзеркаливая уровень сохранности его традиций и влияния на него других культур, в частности современной американской. Сегодня эта сфера фольклора является наиболее сложным конгломератом традиционного и нового, изначально своего и заимствованного. Она постоянно находится в процессе сохранения и передачи накопленного исполнительского опыта одного поколения другому, в процессе рождения и развития новых способов пластического выражения в пассивно-бытовом, традиционном любительском и академическом народном танцевальном искусстве.

С одной стороны, мы являемся свидетелями вынесения лучших образцов музыкального фольклора разных народов на профессиональную сцену, а с другой, в украинском искусстве XX-XXI веков появляется и популяризируется богатый спектр новых форм, стилей и жанров, которые объединяются термином «этно», «современная украинская этника». Например: в направлении «аутентичного фольклоризма», работают такие коллективы, как «Фолькнери» («Впливало утенья» в этно-рок стиле) [8], «Ойра» («Ой на Йвана, на Купало» в этно-джаз), «Стесли» («Там на горі» в этно-рэп) [9]. И в этом контексте, вполне естественным является то, что обычно, на различных танцевальных площадках можно наблюдать спонтанные индивидуальные или коллективные народно-танцевальные импровизации, которые являются своеобразным сплавом народного танца с танцем современным. Бесспорно, что всё это новообразованное музыкально-стилевое исполнительство, в том числе и двигательная субиновационная пластика, от уровня своей популярности и массового пассивно-бытового освоения, имеет определенное влияние на сохранение и развитие традиционной бытовой музыкально-обрядовой этнотрадиции, поскольку именно молодежь является главным активным потребителем и репрезентатором современного народного художественного творчества. Положительным является то, что население, в различных формах быта, сознательно или нет, но бережно сохраняют свои традиции относительно музыкального искусства, как бы совершенствуя его формы, предвая старинной музыке и танцам новое содержание, близкое и понятное современному человеку. В этом смысле, исследования, особенно этнохореологические, бытовой музыкальной полиэтнической культуры народов Украины имеют большое практическое, и теоретическое значение.

Следует отметить то, что украинские историки, лингвисты, культурологи, этнологи и этноорганологи, такие как Вовк Х., Иваницкий А.,

Костомаров М., Попович М., Потєбня А., Рыльський Т., Срезневський І., Стельмахович М., Сумцов М., Хай М, Чубинський П., Ящуржинський Х., за довгі роки кропотливого праці в області вивчення музичальної етнокультури народів України розробили методологію фіксації, систематизації і всестороннього комплексного його дослідження за функціональної і сакральної приналежністю. На сьогодні, освоєння філософії життя, закодированої в музичальній етнокультурі народів України, має великий сенс з точки зору формування етнічної толерантності, культури міжетнічної комунікації в полікультурному суспільстві і більш ефективного використання цих ресурсів в системі освіти. Етномузичальне (драматургічне, інструментальне, пісенне і танцювальне) мистецтво жителів багатонаціональної України надзвичайно репрезентативне, і в цілому, виражає локальні традиційні ціннісні установки, природно входить як в побутову, так і в художественну, обрядово-ритуальну, релігійну сфери поліетнічної культури регіонів [3; 6].

В той же час багатейша музичальна етнотрадиція, особливо в різних її функціонально-семантичних проявленнях, вивчена ще явно недостатньо. Данна ситуація пов'язана, перш за все, з особливостями самого функціонування фольклорного матеріалу в пасивно-побутовій формі існування і спосібом його передачі в «устній» традиції, відповідно, з відсутністю строгої фіксації; високою варіативністю в виконанні і великим значенням імпровізаційного початку. Сфера танцювального фольклору народів України, залишається найменш вивченою в теорії і історії художественної культури і мистецтва, а українська етнохореологія, як наука в цілому, поки знаходиться на стадії формування [6, с. 15-17]. В цьому сенсі проблеми збереження і актуалізації культурної спадщини різних народів України в цілому, можна віднести до числа найбільш складних проблем сучасної культури, в розв'язанні яких вимагається подолання реально існуючого розриву між теорією і практикою культуротвірної діяльності. Танець можна віднести до числа найбільш востребованих в сучасному суспільстві художественних жанрів і, одночасно, неотъемлемою складовою частини життя, в частині, молодіжного. Однак, сучасний рівень теоретичного, в частині етнохореологічного, осмислення танцювальної культури, не відповідає її реальному статусу в суспільстві.

Процес створення самих сценічних форм народного танцю в созвучії сучасним тенденціям розвитку танцювальної культури, як традиційної пасивно-побутовий, так і професійної, дуже складно. Оскільки заїмствовання складових з чужої хореографії може легко порушити етнічний колорит і національну самобутність. Для збереження національного, етнічного «духа», точності виробництва і обробки конкретного матеріалу, як в аматорському, так і в професійному мистецтві, постановщикам необхідно знати не тільки характерні риси народного танцю того або іншого народу, а також

досконально разбираться в лексическом материале, в рисунках танца, особенностях развития техники хореографической стилизации. Поэтому возникает необходимость выяснить условия, формы и методы сохранения и актуализации традиционной бытовой танцевальной культуры народов Украины в историческом и актуальном аспектах этнохореологического научного исследования субэтнических и региональных особенностей, решая такие задачи как:

- анализ генезиса возникновения и развития традиционного бытового танца разных этносов Украины, учитывая локальные социально-экономические и культурно-исторические особенности проживания социума;
- определение методологии исследования танцевальной культуры этносов, активно привлекая современные теоритические знания по истории, социологии, культурологии, искусствоведению, этнологии, музыкологии, хореологии.

Проблемы генезиса, основных этапов развития и особенностей бытовой танцевальной культуры народов Украины в настоящее время не были предметом комплексного культурологического анализа. Наряду с очень малым количеством искусствоведческих работ по танцу, исследований в области его теории и истории, культурологический подход к этому феномену культуры не разработанно. Поэтому, общетеоретические и методологические принципы этнохореологического исследования традиционной бытовой танцевальной культуры народов Украины необходимо сосредоточить на основе культурологического, философско-эстетического, искусствоведческого и этнологического анализа художественной культуры, народного искусства, фольклора, содержащейся в трудах таких выдающихся деятелей, как Байбурин А., Веселовский О., Кагаров Е., Каган М., Зигфрид В., Леви-Строс К., Лотман М., Ренчлер И., Тернэр В., Фрезэр Д., Херубергер Б., Эйбл-Ейбесфельдт И., Эпстайн Д., и др.

Практическое осмысление особенностей народного танца проводилась в работах хореографов-постановщиков Г. Богданова, М. Долженкова, В. Захарова (русские танцы), С. Веларова (болгарские танцы), Е. Петросяна и Ж. Хачатряна (армянские танцы), Л. Гварамдзе (грузинские танцы), А. Борзова (грузинские и узбекские танцы), Л. Ложкина, Л. Пуляева, Я. Романовского, Х. Сунна (латышские танцы) и т.д. Ими были разработаны учебно-методические пособия по преподаванию народного танца. Исследователи рассматривали вопросы истории развития пластики народных танцев, включали в свои работы богатый этнографический материал, позволяющий детально познакомиться с фольклорными танцами того или иного народа и проанализировать насколько они трансформировались в местах нового локального бытования в условиях полиэтнического социума. При этом следует отметить работу С. Лисициан [7], посвященную техники записи танцев. Его кинетографическая система позволяет записывать любые движения человеческого тела и стала основой создания других систем кинетографии.

В совершенстве овладев методикой записи народной хореографии,

А. Гуменюк зафиксировал, систематизировал и исследовал специфические особенности народной танцевальной культуры Киевской, Черниговской, Черкасской, Полтавской, Хмельницкой, Черновецкой и других регионов Украины [4]. Его научная работа, безусловно, имеет большое значение для развития танцевального искусства и этнохореологии. Монография А. Гуменюка в целом ориентирована на прикладное использование народной хореографии и значительно способствует процессу формирования и совершенствования системы преподавания народно-сценического танца. Однако, следует отметить, что при большом количестве накопленного описательного полевого материала, этнохореологические исследования танцевально-пластической народно-традиционной культуры, в частности разработки К. Василенко, Е. Зайцева и Ю.В. Колесниченко, являются лишь отличной стартовой основой для проведения дальнейших научных исследований и методических обобщений в целом [2; 5]. Глубокого комплексного анализа этнорегиональных черт, истоков, специфики и особенностей эволюции народной бытовой танцевальной культуры, с ее связями с бытом и культурным развитием того или иного народа Украины, еще не было сделано. Поэтому, в качестве основных источников для изучения данной проблемы также является использование полевых материалов фольклорных экспедиций, периодики, справочников и других изданий, посвященных вопросам традиционной культуры, проблемам художественной самодеятельности и социокультурной деятельности.

По-прежнему огромное значение имеют и современные этнографические экспедиции, организуемые для сбора и обработки национального традиционного художественного творчества народов Украины. В детских садах и школах украинские (а так же других народов Украины, в зависимости от уровня их желания освоения и сохранения родного языка и этнотрадиций), музыкальные игры, танцы, песни, гатанки, залигалки, разговорки, броялки, скороговорки, пословицы, поговорки активно разучиваются как обязательный учебный материал и являются неотъемлемой составляющей комплекса культурно-воспитательного просвещения. Например, к учебному процессу, в школы и учебные заведения Украины, в которых изучается болгарская культура, привлекаются специалисты из Болгарии [1]. Однако, такая тенденция сохранения традиционного фольклора постепенно приводит к определенной стандартизации и академизации художественно-творческой традиции, нивелируя местные особенности и одновременно способствует феномену широкого использования народного песенно-танцевального материала на семейных, корпоративных и массовых праздниках, ди-джеями на дискотеках.

Сейчас фольклорные архаичные художественные произведения:

- активно собираются и хранятся в архивной, печатной и пассивно-бытовой форме;
- изучаются учеными, педагогами, просветителями, деятелями искусства и любителями народного творчества;
- используются как дидактический материал в учебном процессе и как

тематический источник авторского оригинального творчества композиторов, певцов, художников, писателей, хореографов;

- исполняются в театрах, филармониях, на концертных площадках, фестивалях и праздниках, традиционно в пассивно-бытовой форме функционирования профессионалами, аматёрами и носителями традиции.

Осмысление и понимание первичной семантики и сакрального функционального назначения аутентичного наполнения музыкальной, танцевально-песенной народной сокровищницы потеряно и выполняются эти архаичные художественных произведениях с целью получения духовного наслаждения. Несмотря на то, что украинская этнохореология пока находится на стадии формирования теории и методологии исследования танцевальной культуры этносов, ныне научные достижения украинской этнологии, культурологии и искусствоведения позволяют комплексно изучить пластическое и мусическое художественное творчество народов Украины, как социальный феномен культуры и искусства. Исследования традиционной этнокультуры и социально-экономических условий формирования художественно-творческого модуса мышления различных народов Украины, позволяют выявить причины возникновения новых жанрово-стилевых направлений и тенденции развития современной культуры в целом, поскольку фольклорное наследие наших предков, является эффективным, проверенным веками, народным средством формирования адаптированного к социуму, способного жить в ладе и благополучии с окружающими, гармонично-всесторонне развитого, духово и эстетически «богатого» индивида общества.

Литература

1. Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. – Т. 11. – Одеса – Велико Търново, 2012.
2. Василенко К. Украинский танец: Учебник. – Киев, 1997.
3. Горбань І. Фольклор і фольклористика болгар в Україні. – Львів, 2004.
4. Гуменюк А. Народне хореографічне мистецтво України. – Київ, 1963.
5. Зайцев Е., Колесниченко Ю.В. Основы народно-сценического танца. Учебное пособие. Издание третье. – Винница, 2007.
6. Іваницький А. Українська музична фольклористика (методологія і методика): Навч. посіб. – Київ, 1997.
7. Лисициан С. Запись движения (кинетография). – М. -Л., 1940.
8. Млин. Всеукраїнський музикальний збірник. /digi-pack/. [Звукозапись] - Издатель: Наш Формт, 2012– 1 електрон. опт. диск. – (Мельница).
9. Сучасна українська етніка. / Упорядник – Олег Скрипка. Формат: CD [Звукозапись]; Створював Богдан Гдаль. - Музичне видавництво «Гуртівня», 01 вересня 2007 – 1 електрон. опт. диск. - (Країна Мрій 2008-2013).
10. Щербіна І. Нова методологія дослідження української народної інструментальної традиції в галузі етноорганології. Хай М. Музично-інструментальна культура українців (фольклорна традиція). Дрогобич: Коло, 2007. – 544 с. // Народна творчість та етнографія. – 2008. – № 1. – С. 135-137.

Ювковецька Ю.О.

*Пошукувач кафедри дизайну та реклами
Інституту філософської освіти та науки
Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова
м. Київ, Україна*

Погляд етики та естетики на рекламу

Вже перший погляд на рекламу як сферу культури свідчить про те, що вона долає всі бар'єри етики та естетики. Більше того, прописати рекламний простір з точки зору етичних імперативів просто не вдається. Можна стверджувати, що етика в її крайніх реаліях рефлексивних моделей – таких, як твір „Генеалогії моралі” Ф. Ніцше та „Виправдання добра” В. Соловйова і вже постмодерна модель К.-О. Апеля, яка реконструює певну етику комунікативних суспільств, в їхній проекції на рекламу - є не достатньо. Тобто реклама безжалісна, вона не має сорому, у неї нема того, що Соловйов визначив як благоговіння перед Богом. Реклама, – з точки зору Ніцше,- не тяжіє до влади, хоча вона вся просякнута флюїдами влади. Реклама індиферентна до всіх етичних конотацій і навіть комунікативна модель етики Апеля, який намагається виявити нові раціональні імперативи етики на основі постулату доповнювальності, теж виглядають блідими схемами щодо інтерпретації реклами як певного соціального простору.

А. Гусейнов констатує, що так чи інакше мораль Ніцше пов'язує з сутнісними силами в людині, зокрема, креативністю. Мораль може бути природнім побудженням у людей або перетвореною формою демагогічного прикриття негативних, руйнівних емоційно-вольових побуджень. Це вже достатньо, щоб побачити, наскільки складна, катастрофічна ситуація оцінки моральних цінностей початку ХХ століття, що проблематизує ситуацію моральних норм і водночас пошуку онтологічного горизонту тієї етики поза злом і добром, етики, яка вище етики землі і хліба. Можна стверджувати, що сам дух заперечення, який так радикально визначився у Ніцше як дух заперечення християнства, насправді був імпліцитним поштовхом естетизації етики, естетизації духу „ресентимент”, тобто чуттєвого заперечення всіх догматів та імперативів етики, які назбирало людство за свою довгу історію.

Тому і відбувся вибух, що звичайно потребував своїх адекватних практик. І реклама стала саме тим цікавим полігоном, де відбувається безпосередньо звернення до родового суб'єкту, яким стає все людство або рід людина, цей рід людина стає справжнім суб'єктом культуруотворення над соціальними, соціологічними, етичними, естетичними та іншими імперативами, над будь якою етикою, естетикою, він утворює свій едем, едем „тут” і „зараз”, едем, який існує в контексті логіки невідкладеного задоволення, а саме задоволення універсалізується і тоталізується. Воно дуже схоже на евдемоністичну етику античності, на калокагатію і водночас несе в собі пошук тої справжньої спільності, яка, однак, має дуже вузький канал свого самоздійснення – це споживання.

Реклама здійснює пряме звернення до родових почуттів, органічних за своєю суттю, простих і ясних в контексті принципу задоволення. Тобто естетичний підтекст тут є домінантним як механізм невідкладеного задоволення, як механізм здійснення щастя. Отже, ця тілесність, яка розростається, стає засадою всіх людських вчинків у Соловйова традиційно заперечується, хоча реклама не є ніцшеанським комплексом і не можна зазначити, що вона позбавлена душевності і духовності, більше того вона нещадно їх експлуатує під маскою презентації тілесного як самодостатнього образу.

Намагання зняти межі „Я” і „не Я”, тотальної ідентифікації в рекламі походить завдяки апеляції до родового суб'єкту, від самого механізму ідентифікації, який відсилає до тотальної єдності всіх в родовому цілому соціуму. Отже, вся проблема етичних, естетичних детермінант реклами полягає в тій системі доповнювальності, де, з одного боку, ідентичність завдана як родова природа антропологічного світу, який визначає родового суб'єкта як єдино можливого персоніфікатора інформації і водночас презентує протагоніста великого театру реклами, а, з іншого боку, – це завжди конкретний глашатай, конкретна особа, конкретний, належний до цього соціуму, соціальної групи носії інформації, який тим чи іншим чином примушує ідентифікувати себе з родовою цілісністю людини.

Реклама орієнтована завжди на бажаний результат, який визначається в контексті етики і естетики задоволення. Реклама позбавлена жалю, але вона не позбавлена егоїзму, вона також апелює до певного альтруїзму.

А. Гусейнов пише: „На відміну від егоїзму розумом і совістю виправдовується альтруїзм, заснований на жалості і визначенні початкової рівності людей. За Соловйовим, особливо із об'єктивно існуючого альтруїзму як природно людського почуття, із його правди вводити „Золоте правило моральності” – нормативне передбачання певного відношення до інших.

Принцип альтруїзму розділяється на два окремих правила: перше – не спричиняти страждання іншим, друге – допомагати їм. Перше називається правилом справедливості, друге – правилом милосердя. Милосердя і справедливість мають передумови один одного і, по суті, є різними формами одного і того ж. Між ними не може бути суперечностей, що є надзвичайно важливим розуміння внутрішнього зв'язку моральності з правом, духовного життя суспільства з політикою”.

Отже, реклама не позбавлена альтруїзму. Альтруїзм як своєрідна передумова рекламного повідомлення є імператив тої макроетики, або етики комунікативних спільнот, реклами, який допомагає всім. Допомагає таким чином, що знімає будь-які страждання, який справедливий цей егалітаризм, це милування, самомилування, милосердя рекламного образу є загально відомим як всезагальний принцип позбавлення страждань, ідентифікація задоволення. Так, ми потрапляємо в цікавий простір комунікації, який в етичних і естетичних категоріях можна зазначити як етико-культуралізм, як естетику гармонізації комунікації шляхом інтенсифікації естетичних формул

реклами, що зводяться до простих і ясних формул екстатичної, якщо не еротичної поведінки, яка апелює до простих і ясних органічних потреб.

Література

1. Апель К.-О. Трансформация философии ; перевод с нем. В. Куренной. / Карл Отто Апель – М.: Логос, 2001. – 344 [1] с.
2. Гусейнов А.А. Основные моральные понятия / А.А. Гусейнов // Этика. – М.: Гардарики, 2003. – С. 33 – 157.
3. Ницше Ф. К генеалогии морали / Фридрих Ницше. – Соч в двух т. – Т 2. – М. : Мысль, 1997. – С. 407 – 525.

Саяпин В.О.

*Доцент кафедры философии
Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.
г. Тамбов, Россия*

Проблема самоидентификации человека в виртуальном пространстве

В условиях возрастающего распространения информационных и коммуникационных технологий в обществе, а также глобализации общественных процессов все больше заслуживает внимания одна из важнейших проблем социальности³ – самоидентификация человека в информационном социуме, которая все больше заслуживает внимания в рамках социально – философского дискурса о виртуальной реальности[7].

Связь понятий тождества и идентичности наблюдается еще со времен античной философии. Однако, проблема самоидентичности человека (т.е. его самоотнесенности – личностного единства и биографической непрерывности) и пути ее достижения (самоидентификации) стали важными в XX веке, причем во второй его половине, когда ряд философов, социологов и психологов стали очерчивать феномен кризиса самоидентичности.

В настоящее время кризис самоидентичности, в отличие от происходивших в прошлом кризисов традиционного уклада жизни, имеет свои особенности. Сегодня деятельность человека пронизывает все слои человеческого опыта и непрерывно преобразует природу, тем самым ставя под вопрос представление о независимом – от человека и от создаваемой им культуры – порядке бытия. Историческая обусловленность всех этих сторон жизни становится все более явной для человека. Динамичность социума и культуры образует норму жизни. Сам человек не только вовлекается в поток

³ Социальность (sociability) – термин, обозначающий склонность, стремление человека к общению с людьми, к установлению и расширению социальных контактов.

технологических новшеств, но и все больше попадает в смысловую будущность происходящих изменений. Постоянно меняются и переосмысливаются реальности, еще недавно практически не зависевшие от человека и казавшиеся естественными – наследственность, пол, деторождение и т. д.

Все эти процессы, связанные с осмыслением исторической опосредованности всех сторон человеческой жизни, расстраивают представление о независимом от человека порядке бытия. Однако именно эти противоречия и определяли ценностные ориентиры для самоидентификации человека в разные исторические эпохи. Результатом таких противоречий о независимом от человека порядке бытия оказывается кризисное состояние его самоидентичности.

Поиск самоидентификации становится необходимым фундаментом будущего развития, как отдельной личности, так и общества в целом. Э. Тоффлер, исследуя эти вопросы, писал, что в настоящее время «...миллионы людей занимаются поисками своей идентичности или какого-то магического средства, которое помогло бы им вновь обрести свою личность, мгновенно дало бы ощущение близости или экстаза, привело бы их к более «высокому» состоянию сознания»[9]. Другими словами – если жизнь человека в реальном социальном мире остается относительно структурированным, то его жизнь в виртуальном пространстве сети Интернет, не имея привычных рамок для самокатегоризации, ставит необходимым условием существования решение задачи самоопределения, поиска идентичности.

Понятие самоидентификации очень тесно связано с идеей личностной идентификации, сформулированной в 60-е гг. XX века Э. Х. Эриксоном, которую он определил как «осознание того, что синтезирование Эго обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью и что стиль идентичности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое представляется значимым другим в непосредственном окружении»[12,с.59]. Отсюда, идентичность – это внутренняя непрерывность и тождественность личности. Идентичность как многоуровневый и многомерный процесс человеческого становления начинается с момента рождения человека, продолжается на протяжении всей жизни и отражается во всех антропологических практиках, где идентичность проявляет себя и видоизменяется, сохраняя при этом исходные архетипические характеристики[3,с.143].

Сегодня процесс самоидентификации личности осложняется ускоренной технологизацией общества и тем, что для нее социальный мир все больше предстает так, как он представлен в виртуальном пространстве сети Интернет, где доминируют феномены искусственной виртуальной реальности: пропаганда, реклама, кино, поп-культура и т.д. Под влиянием этих и других феноменов в виртуальном пространстве появляются новые возможности самоидентификации личности, и вследствие чего она неизбежно меняет структуру своего потребления, приоритеты поведения, ценности и даже типичный имидж. Неслучайно, в одной из последних работ

М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», посвященной наступающей информационной эре, подчеркивается, что поиск идентичности «есть столь же важный источник социального развития, как и технико-экономические изменения»[13]. Символично также название одной из частей данной работы – «Власть идентичности».

Процесс самоидентификации личности в условиях виртуального пространства позволяет рассматривать личность как виртуального субъекта. При обращении субъекта в виртуальное пространство, он физически, телесно оставаясь в действительном мире, ментально переходит в мир виртуальный, где наделяется новым, виртуальным телом, которое может не иметь ничего общего с его телесностью. Виртуальный субъект – это внутренняя составляющая реальной личности, которая формируется в виртуальном пространстве сетевого сообщества под воздействием искусственной виртуальной реальности. В виртуальном пространстве сети Интернет виртуальный субъект «идентифицируется как «один» или «один из нас», учится, чем дальше, тем больше идентифицировать сам себя – и в целом как личность, как часть или член социального сообщества (социальных сообществ), и как незаменимый, уникальный и при этом также морально не замещаемый индивид»[18].

В виртуальном пространстве самоидентификация виртуального субъекта, происходит в условиях сложного процесса и постоянного взаимодействия этого субъекта с искусственной виртуальной реальностью[7]. Это виртуальное пространство интенсифицирует социальные взаимодействия, увеличивает объем информации и, соответственно, расширяет выбор моделей и мотивов поведения человека. Кроме того, виртуальное пространство максимально приближено к виртуальному субъекту, что позволяет ему достаточно свободно и в любое время входить в это пространство, перемещаться в нем и проявлять свою творческую активность. В виртуальном пространстве нет преград для творческой активности виртуального субъекта и главное – максимален процесс донесения результатов творчества до сетевого сообщества. Виртуальный субъект имеет возможность создать, например свой сайт и самовыражаться на нем, может присоединиться к существующему сообществу, подходящему по интересам, или реализовывать свои собственные идеи, поэтому в сети Интернет так много творческих личностей.

Творческая активность виртуального субъекта в сетевом сообществе становится творцом своей идентичности. Так, с точки зрения В. Л. Иноземцева в информационном обществе произойдет «экспансия творчества», произойдет «Становление творчества в качестве наиболее распространенной формы человеческой деятельности...»[4,с.456]. Поведение виртуального субъекта в рамках этого пространства практически мало чем ограничивается, что позволяет этому субъекту абсолютно самостоятельно выстраивать свое поведение в нем.

Сегодня специфика поведения виртуального субъекта в сети Интернет, приняло унифицированные формы в плане оперирования информацией

(гипертекст, организованный в персональные страницы пользователей и электронные дневники, множественность виртуального субъекта и пр.) [16] и позволяет рассматривать его поведение как виртуальную коммуникацию [8] как новый способ самовыражения и самореализации, постепенно перерастающий в новый культурный тип поведения.

Выделение на современном этапе развития общества информационно - коммуникационной практики как преобладающей среди прочих антропологических практик может быть подкреплено постулатом о том, что «человеческие отношения, да и сама общественная жизнь невозможны без коммуникации» [6, с.43]. Немецкий философ, создатель теории коммуникативного действия Ю. Хабермас отмечал, что «идеи уникальности индивида, постоянного выбора собственной идентичности приводят в дальнейшем, при появлении темы коммуникации, к представлению, согласно которому идентичность невозможно реализовать в одиночку, успешность выбора собственной идентичности зависит во многом от Других» [10, с.125].

В сетевом сообществе виртуальные субъекты, как правило «знакомы» друг с другом, они интенсивно общаются между собой, потому это общение и есть основа общности в виртуальном пространстве. Так, по мнению Д. Урри в сетевых сообществах люди «встречаются с глазу на глаз» только по другому воспринимая оба понятия встречаются и с глазу на глаз» [17, р.74]. По утверждению другого исследователя Д. Холмза, Интернет, «генерирует соблазнительную иллюзию, что массы могут участвовать в творении культуры» [14, р.32]. Следовательно, и сам виртуальный субъект в единстве всех своих свойств формируется, прежде всего, в процессе коммуникативного общения. Согласно мнению другого исследователя С. Г. Джоунса такая коммуникация «будет осуществляться посредством электронных путей, чего не в состоянии были сделать цементные дороги» [15, р.11]. То есть, информационно - коммуникационные технологии будут способствовать более эффективному социальному общению.

В сетевом сообществе могут устанавливаться не только горизонтальные связи, но и трансформируется вертикаль отношений, что в итоге также вносит изменения в культуру поведения виртуального субъекта. Так, например, сегодня через Твиттер школьнику может ответить министр образования.

Если обратиться к этимологии термина «коммуникация», то он имеет следующие значения: коммуникация – от лат. «communicatio» – что означает сообщение, передача и от «communicare» – делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать [1, с.6]. Следовательно, в основе термина «коммуникация» изначально лежит понятие связи, а сама коммуникация в современном понимании может выступать и как связь, и как средство достижения связи. Следовательно, необходимым условием развития виртуального субъекта является его способность к общению (коммуникации), которая может быть представлена на разных уровнях: субъектно-субъектная коммуникация, субъектно-объектная коммуникация, внутрисубъектная коммуникация и пр.

Сегодня современный молодой человек в 12–15 лет начинает активно искать свое место среди других людей и общение как способ поиска этого места становится его важной деятельностью. Проводя в виртуальном пространстве сети Интернет ежедневно по несколько часов – дома, в школе, на улице через телефон мобильной связи – молодые люди активно общаются. Следовательно, появляется много новых возможностей для общения, для самоидентификации виртуального субъекта в пространстве сети Интернет.

Виртуальное пространство интенсивно разрастается, коммуницировать можно бесконечно. Молодые люди в виртуальном пространстве создают свои профили в социальных сетях, давно освоили ICQ, осваивают Скайп, Твиттер, заносят странички в favourites, обмениваются ссылками посредством ВКонтакте и Facebook, общаются на тематических форумах, играют в многопользовательских ролевых онлайн-играх и т.д. Таким образом, интенсивность виртуальной коммуникации возрастает.

Все более расширяющиеся возможности виртуальной коммуникации, имеют как позитивные, так и негативные тенденции и делает насущной проблему поиска и сохранения идентичности в условиях мозаичной картины мира. С одной стороны, налицо процессы глобализации и информатизации общества как основа для формирования нового мировоззрения, с другой – стремление к сохранению культурной идентичности, этноконфессиональной целостности и индивидуализации личностного начала[11,с.32].

Очевидно, что процесс самоидентификации виртуального субъекта напоминает процесс самоидентификации личности в объективной реальности, а их различия раскрываются, говоря об отождествлении личности в физическом и виртуальном пространстве. Важнейшим отличием самоидентификации виртуального субъекта от процесса самоидентификации личности в объективной реальности является то, что в виртуальном пространстве самоидентификация носит вторичный характер. Так, например:

1) человек рождается и осознает себя в оппозиции окружающему миру – человек входит в виртуальное пространство и осознает себя как находящегося в оппозиции всем ее компонентам (начинается процесс самоидентификации);

2) человек получает имя – человек сам присваивает себе имя, которое должно отражать сущность его личности (продолжается процесс личностной самоидентификации);

3) человек идет в школу, которую он чаще всего не выбирает – человек начинает общаться в рамках некоего виртуального пространства, некой «виртуальной общины», которую он сам выбирает (начинается социальная самоидентификации).

Другим важным отличием является то, что в виртуальном пространстве виртуальный субъект как личность принимается и воспринимается на основе отождествления самой личностью, несмотря на это, представленное отождествление соответствует отождествлению имеющегося в физическом мире.

В виртуальном пространстве отождествление может условно легко изменяться, формироваться и трансформироваться. Такие важнейшие врожденные или приобретенные черты отождествления человека как пол, раса, национальность, профессия, вероисповедание, семейное положение и др. в виртуальном пространстве могут быть констатируемы, а иногда ими даже манипулируют. Общаясь в сети Интернет, включаясь в деятельность различного характера этой сети, виртуальный субъект приобретает больше возможностей социально проектировать и конструировать свое отождествление, ими управлять и манипулировать.

Как утверждает Д. Урри, Интернет «стал значимой социальной лабораторией для экспериментов, которые характеризуют постмодернистский мир, по конструированию и реконструированию своего отождествления»[17,р.74]. Тот факт, что виртуальная коммуникация все больше вытесняет собой традиционные формы общения, она влечет вследствие этого и серьезные трансформации в области личностного развития. В условиях сетевого взаимодействия между виртуальными субъектами трансформируются процессы самоидентификации человека как личности, как социального субъекта и субъекта коммуникации.

Основой для данных трансформаций служат такие особенности, которые определяются рядом характеристик Интернета. Важное значение здесь имеют: анонимность, мобильность, мозаичность, глобальность и актуальность виртуального пространства, персонализация пользования Интернетом, свобода выбора, развивающаяся особенная коммуникативная культура. Эти особенности могут обладать как положительным, так и отрицательным влиянием на самоидентификацию виртуального субъекта.

Итак, проникая в искусственную виртуальную реальность, виртуальный субъект самоидентифицирует себя на основе разделения своего внешнего и внутреннего «Я», субъект, идентифицированный в искусственной виртуальной реальности, является отчужденной репрезентацией реального «Я». Входя в виртуальное пространство, виртуальный субъект очень часто изменяет свою социальную категоризацию (национально-культурные, половозрастные и социально-экономические характеристики), самоидентифицируясь с симуляцией собственной реальной личности. Так, по мнению С. Бьюкетмена, сегодня тождественность – это безошибочно вздвоенное сочленение, в котором мы находим и конец субъекта, и новую субъективность, сконструированную за пультом компьютера или телевизионным экраном[2,с.177] .

Процесс формирования самоидентификации человека в виртуальном пространстве глобальной сети Интернет очень сложен и неоднозначен. В этом процессе есть позитивные и негативные аспекты. Позитивные: широкие возможности новых форм и способов самоидентификации, экспериментирования с идентичностью на значимом этапе ее становления, удовлетворение потребностей в самостоятельности и индивидуальной свободе. Негативные: инсценированное, многофасадное слабо защищенное «Я», сниженный уровень ответственности, более широкое проявление в

виртуальном пространстве негативных качеств, в том числе агрессивности, фрагментарность и недолгосрочность социальных отношений.

Таким образом, этот процесс актуален, приобретение навыков и умений виртуальными субъектами, которые лежат в основе нового образа жизни в сети Интернет уже сейчас начинают определять особенности социальности в информационном обществе. Так, по мнению М. Кастельса, в сетевом сообществе индивиды являются активными творцами новых ценностей, моделей поведения, которые они воплощают в реальной жизни, а для этого они имеют иные возможности, которые им предоставляют виртуальные системы: самому включиться в действие, причем часто не только в условном пространстве и мире, но и как бы вполне реальном, во всяком случае, с точки зрения восприятия человека[5,с.510].

Литература

1. Бориснёв С. В. Социология коммуникации: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
2. Бьюкетмен С. Конечная тождественность // Комментарии, №11. – М., 1997.
3. Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. – М.: Ростов - на - Дону, Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1999.
4. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества / В. Л. Иноземцев. – М.: «Academia» – «Наука», 1998.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: Изд-во гос. ун-та высш. шк. экономики, 2000.
6. Луман Н. Невероятные коммуникации. Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. – СПб., 2000.
7. Саяпин В.О. Проблема классификации и поиск общего основания виртуальных реальностей // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. – 2012. – № . 1
8. Саяпин В.О. Виртуальная реальность как гипертекст // Современные исследования социальных проблем, № 1.1(09), 2012
9. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. – М.: АСТ. 2004.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М: Прогресс, 1996.
13. Castells. M. «The Information Age: Economy, Society and Culture” Vol. I-III. Oxford: Blackwell Publishers, 1996-1998.
14. Holmes, D. «Virtual Identity: Communities of Broadcast, Communities of Interactivity», in Holmes D. Virtual Politics: Identity and Community in Cyberspace, London: Sage. 1997.
15. Jones, S. G. «Understanding Community in the Information Age» in Jones S. G. (ed.) CyberSociety: Computer-Mediated Communication and Community. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications., 1995.
16. Suler, J. R. (1997) The Psychology of Cyberspace www.usr.rider.edu/~suler/psyber/psyber.html; Turkle Sherry. Constructions and Reconstructions of the Self in Virtual Reality/ Massachusetts Institute of Technology. Identity workshop. 1997.
17. Urry, J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. – London, New York: Routledge. 2000.
18. Wingert L. Gemeinsinn und Moral. Frankfurt am Main, 1993.

Діяльність меценатів Санкт-Петербургу та їх вклад в культурний розвиток Росії XVIII – початку XX ст.

Економічні, політичні та соціальні зміни на рубежі XX – XXI ст. зумовили необхідність відновлення традицій меценатства в культурі Росії.

Питання відродження меценатства привертають дедалі більшу увагу широкої громадськості, державних і політичних діячів, економістів, соціологів, культурологів. Тема меценатства сьогодні є надзвичайно популярною й актуальною.

Меценатство – це один з видів добродійності: добровільна безкорислива діяльність, спрямована матеріально, фінансово підтримувати отримувачів благодійної допомоги. Меценатство розповсюджується на фінансову допомогу закладам культури та освіти, театрам, галереям мистецтва, навчальним закладам, підтримку діяльності акторів, поетів, художників і т.д.

Розвиток музейної справи, культурно-освітницьких закладів – бібліотек, освітніх інституцій завжди потребували підтримки зацікавлених у цьому громадян. Така підтримка виростала у меценатство. На певному етапі саме меценатство стимулювало розвиток культури.

Мета роботи дослідити діяльність меценатів Санкт-Петербургу та їх вклад в культурний розвиток Росії XVIII – початку XX ст.

У сучасній історіографії активізувалось вивчення меценатської діяльності в Росії. Тенденції меценатства в російській культурі досліджували А. Аронов, О. Артамонова, С. Моисеева, С. Андросов, А.Л. Свердлова, В.П. Россохіна, Н.Г. Думова, Е.П. Хорькова, приділяючи увагу, головним чином, аналізу діяльності колекціонерів та меценатів Росії другої половини XIX – початку XX ст.

Початок меценатства в Петербурзі покладено царем Петром I, який збирав твори мистецтва і різні раритети (на їх основі в 1714 р. створено перший російський публічний музей – Кунсткамера), сприяв навчанню архітекторів, живописців, майстрів.

При імператрицах - Єлизаветі і Катерині II благодійність і меценатство розвивалися у вищих шарах суспільства. Наприклад, на цьому терені придбав популярність І. І. Бецко - позашлюбний син "останнього боярина" генерала-фельдмаршала Трубецького і баронеси Вреде. Він отримав освіту в Парижі і все життя присвятив виховній роботі в Росії. У Петербурзі з ініціативи Бецького був закладений, за проектом Стасова, Смольний інститут для шляхетних дівчат.

Видатними меценатами було багато представників імператорських родин: імператриця Катерина II на основі придбаних, за її повелінням, колекцій заснувала Ермітаж; імператор Олександр III на основі колекцій

імператорського будинку заснував Російський музей. Члени імператорських родин надавали допомогу діячам культури, науки, при їх фінансуванні та особистій участі засновані Російське музичне товариство, Петербурзька консерваторія.

При Олександрі I цілі родини і багато приватних осіб жертвували великі суми на створення навчальних товариств і закладів. Так, були засновані два знаменитих училища вищих наук у Ярославлі і Ніжині, перше - на пожертвування статського радника Демидова, друге - графа Безбородька. Були засновані в Москві та Петербурзі різні товариства: Общество любителей наук, словесности и художеств, Общество для исторических изысканий, для распространения сведений по части естествоиспытаний, для словесности, Общество "Беседа любителей русского слова", Общество просвещения и благотворения [1,447].

Одним з перших петербурзьких меценатів у середині XVIII ст. був князь М.Ю. Трубецький, якій надавав заступництво акторові Ф. Г. Волкову, поету А.Д. Кантеміру та ін. Серед видатних меценатів XVIII ст. – графи Шереметьєв, Шувалов, Строганов, Розумовські, князі Голіцини, Юсупови, а також Нарішкіни.

Серед меценатів початку XIX ст. – високоосвічені аристократи, часто люди мистецтва (брати Вієльгорські, А. Ф. Львів та ін.) У салонах братів Вієльгорських, графів Лаваль, Румянцевих здобули популярність М. І. Глінка, А. С. Даргомижський, А. Г. Рубінштейн П. І. Чайковський, М. В. Гоголь, Д. В. Григорович, К. П. Брюллов та багато інших.

Меценати-колекціонери організовували приватні музеї (Російській музеум П. П. Свіньїна, Рум'янцевський музеум та ін.).

Досліджуючи діяльність петербурзьких меценатів особливу увагу хочемо приділити меценатській діяльності родини Строганових.

Історія знаменитого роду Строганових тісно пов'язана з долею Росії протягом тривалого, багатовікового періоду.

Автор дослідження «Российские предприниматели и меценаты» М.Л. Гавлін писав: «Строганови в багатьох відносинах, виключно, єдина у своєму роді династія. Ще в допетровську епоху, завдяки своєму нечуваному багатству, не будучи боярами за своїм походженням, вони займала почесне місце серед найвпливовіших сімей, наближених до трону. За своїм становищем володарі величезних вотчин, військових форпостів на самій околиці Російської держави, Строганових можна порівняти з наймогутнішими феодалами середньовічної Європи»[3,4].

Григорій Дмитрович Строганов, відомий підприємець, який колекціонував ікони, захоплювався церковним співом. На свої кошти він побудував за чотири роки (1689-1693) кам'яний собор Введенського монастиря в Сольвичегодську, що є зразком строгановського архітектурного стилю, звів Казанську церкву в Устюжному (1694) і заклав ошатну Богородицьку церкву в Гордіївці під Нижнім Новгородом (освячена в 1719 році). Часто на його замовлення розписували храми, різали іконостаси і писали ікони. У цей час під впливом нових віянь і петровських перетворень

стали частіше запрошувати іноземних майстрів або своїх художників, що навчалися в Європі. Набували також картини іноземних майстрів. Згідно одному розповіді, Строганов перекупив для своєї Різдвяної церкви в Нижньому Новгороді два твори відомого італійського художника Луї Каравак, що призначалися Петром I для Петропавлівського собору в Петербурзі. Можливо, тому цар наказав опечатати вже діючу церкву під час свого відвідування Нижнього Новгорода в 1722 році, і вона була знову відкрита лише після його смерті, в 1727 році.

Син Григорія Дмитровича Сергій Григорович Строганов – добре освічений, мав багату бібліотеку, захоплювався колекціонуванням творів мистецтва і займався благодійною та меценатською діяльністю.

Майже всі представники строгановської династії були відомими благодійниками та меценатами, але найвидатнішим з них був син Сергія Григоровича Олександр Сергійович (1733-1811). За все життя він мав багато титулів і звань - граф Священної Римської імперії, граф Російської імперії, дійсний таємний радник 1-го класу, обер-камергер, член Державної ради, сенатор, кавалер орденів Св. Андрія Первозванного, Св. Володимира I ступеня, почесний командор ордена Св. Іоанна Єрусалимського, президент Академії мистецтв, головний директор імператорських бібліотек і петербурзький губернський предводитель.

Можно сказати, що Олександр Сергійович був, мабуть, першим з російських вельмож-меценатів, який систематично, з великим художнім чуттям і смаком збирав твори мистецтва. Він зробив дуже багато для російського мистецтва і як любитель, і як президент Академії мистецтв. Олександр Строганов склав галерею картин, написаних найвідомішими художниками, зібрав колекції естампів, медалей і каменів. Особливу увагу звертав на складання бібліотеки, яку по величезному числу книг, які знаходилися в ній і рідкісних видань вважали однією з перших в Європі. Бібліотекою Строганова, яка була багата рідкісними рукописами, користувалася сама Катерина II. На строгановській дачі меценат хотів «в малому варіанті» здійснити свою давню ідею публічної бібліотеки, яка обіймала його з 1760-х років.

Все життя Олександр Сергійович Строганов пристрасно збирав твори живопису та скульптури.

Під час подорожей за кордон він купував картини. Перебування в Європі дозволило О.С. Строганову не тільки придбати першокласні твори, а й виховати у себе справді художній смак, «долучитися до європейської культури колекціонерства». З часом він став авторитетним знавцем живопису і, за деякими свідченнями, консультантом імператриці у питаннях придбання нею творів мистецтва. Ім'я Строганова постійно зустрічається в каталогах розпродажів. Він купував картини (А. Ван Дейка, Д. Тенірса, Я. Венікса та ін..) з найзнаменитіших паризьких колекцій. Для нього пишуть відомі французькі живописці - Ж. Б. Мрій (портрет маленького сина Павла), Гюбер-Робер (пейзажі). Він відвідує майстерню скульптора Ж. А. Гудона.

«У петербурзькому палаці на Невському проспекті О. С. Строганов розмістив свою знамениту картинну галерею, в якій вже в 1793 році, відповідно до складеного їм каталогом, налічувалося 87 картин найбільш відомих художників різних шкіл - флорентійської, римської, венеціанської, іспанської, голландської, фламандської та ін... У його колекції були картини Боттічеллі, Джотто, Рембрандта, Я. Рейсдаля, П. Рубенса, А. Ван Дейка»[3].

Дім О. С. Строганова часто відвідувався майже всіма відомими художниками і письменниками, які користувалися його дружбою, а часто і матеріальною підтримкою. Це були художники О.Є. Єгоров, А. І. Іванов, В.К. Шебуев, Д. Г. Левицький, В.Л. Боровиковський, О. А. Кіпренський; письменники Д. І. Фонвізін і Г.Р. Державін.

Олександр Сергійович Строганов був справжнім меценатом і патріотом своєї батьківщини, він розумів всю важливість формування національної мистецької та архітектурної школи в той час, коли в міському будівництві, особливо в столиці, практично безроздільно панували архітектори-іноземці. Так, останні 10 років свого життя Строганов майже цілком присвятив себе будівництву собору Казанської Божої Матері в Санкт-Петербурзі. При будівництві собору Строгановим не був допущений жоден іноземний художник або майстер. Починаючи від простого каменю, покладеного рукою муляра, до думки зодчого - все було російське.

Традиції колекціонерства, меценатства та благодійності, що розвивалися Строгановими в межах своїх вотчин і підняті на загальноросійський рівень Олександром Сергійовичем Строгановим, були продовжені його сином графом Павлом Олександровичем Строгановим і дружиною сина Софією Володимирівною.

Найбільшого розмаху набула меценатська діяльність у другій половині XIX – початок XX ст., коли промислове купецтво усвідомило свою економічну й соціальну потугу.

Одним з видатних меценатів і колекціонерів Санкт-Петербургу кінця XIX – початку XX ст. був М.П.Боткін. Михайло Петрович був власником колекції прикладного мистецтва: античного, візантійського, давньоруського, готичного і ренесансного. Родзинкою колекції було зібрання візантійських емалей, а також майоліки, бронзи, різьблених виробів з дерева епохи італійського Відродження. Ця колекція могла конкурувати з найкращими приватними колекціями Європи, і Михайло Петрович чудово усвідомлював цінність і значення своєї колекції. Тому, у 1911 р. він видав розкішний альбом, в передмові до якого писав: «Наближаючись до старості, мені хотілося поділитися з любителями мистецтва моєю колекцією ... Повинен сказати, що все в ній зібране може бути поставлено в будь-який музей Європи».

М.Л. Гавлін в своїй роботі писав: «Унікальна колекція Боткіна розташовувалася в його петербурзькому будинку на Миколаївщині набережній Василівського острова, в п'яти невеликих кімнатах. Дві кімнати були зайняті творами А.А. Іванова. Його етюди «прикрашали собою стіни кабінету і сусідній з нею вітальні, називалася «іванівської». Головна частина

колекції розміщувалася в примикали до неї залі, прохідній кімнаті і столовій»[3].

Далі автор звертає нашу увагу, що колекція була доступна для відвідування – будь-який глядач міг вільно прийти в неділю і оглянути зібрання. У будинку, особливо широко відкритому для молоді, в студентські роки бували Олександр Блок і Любов Менделєєва. Під час Першої світової війни, вже після смерті Михайла Петровича, збори етюдів Іванова було продано Російському музею, сама колекція здана на зберігання в Ермітаж, візантійські емалі сховані в сейф. Після Жовтня 1917 року все це було конфісковано державою і пізніше частково продано за кордон [3].

Історія меценатства багата на імена видатних людей. Меценати внесли великий вклад в культурний розвиток Росії XVIII – початку XX ст. Сьогодні, коли відроджують традиції меценатства, необхідно звернути увагу на створення дійової інфраструктури недержавної підтримки культури. А діяльність меценатів XVIII – початку XX ст. може бути прикладом для сучасних колекціонерів та підприємців.

Список літератури

1. Хорьков Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. М.:ПРИОР, 1998. – 494 с.
2. Свердлова А. Меценатство в России как социальное явление / А.Свердлова // Социс. – 1999. – № 7. – С. 134 – 37.
3. Гавлин М.Л. Российские предприниматели и меценаты // <http://www.litmir.net/bd/?b=111290>
4. Тарасенко Я.П. Традиции российского меценатства, коллекционирования и благотворительности // История России. - М.-1994. - С.16-29.
5. Аронов А.А. Золотой век русского меценатства - М.: МГУК, 1995.- 114 с.
6. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России - М.: Наука, 1989. - 192 с.

Малышев А. В.
*Директор Винницкого социологического центра «ПРОМЕТЕЙ»,
г. Сызрань, Россия*

Так ЧТО же всё-таки надо ДЕЛАТЬ?!

Если диагностировать Украинское и Российское общества с точки зрения законов диалектики развития, то можно отметить, что происходит значительный разрыв в уровне развития производительных сил и производственных отношений. Но заметить и внести коррективы в требующую постоянного совершенства систему социальных отношений дело не столько политиков, сколько учёных. Очень точно по этому поводу замечал французский политик Ш. де Голь: *«Политика – слишком дорогая вещь, чтобы её доверять политикам».*

Общеизвестно, что всякую власть питает три источника: сила, богатство и знание. В определённых условиях они связаны в одну систему, взаимозаменяемы и дополняемы, способны на поддержание и достижение власти. Каждый из этих факторов сообщает власти некоторые качества. Сила или угроза её применения способны лишь на грубое принуждение и потому функционально ограничены и свойственны власти низкого качества. Власть среднего качества, основана на богатстве и имеет в распоряжении как негативные, так и позитивные средства стимулирования. Высшее качество и наибольшую эффективность придают власти знания, позволяющие достичь искомых целей, минимально расходуя ресурсы власти, убедить людей в их личной приверженности этим целям, превратить противников в союзников. В современном мире знания, в силу своих преимуществ – бесконечности, общедоступности, демократичности – подчинили силу и богатство и стали определяющим фактором функционирования власти. Именно знания дали развитию Западу:

1. начало новой экономической системе основанной на использовании информационной технологии, в основе которой лежат электронные средства связи;

2. переход от массового производства, к массовому потреблению;

3. технологию децентрализации и разукрупнение форм организации;

4. технологию перехода от механической социализации к философии социализации.

Для того, чтобы знания стали силою, они должны пройти стадию информационных ресурсов т. е. пройти стадии кодирования, распределения и передачи. Коммуникационная система общества – важнейший фактор формирования, накопления и использования информационных ресурсов на базе знаний. Информационный ресурс в системе коммуникации выступает в пассивной и активной формах. К пассивным относятся знания «привязанные» к конкретным предметным областям (выборки, извлечения из баз данных). К активным формам – четыре основные формы: модель, алгоритм, программа и проект. В функциональном отношении они делятся на три вида – тезисные,

аналитические и синтетические. Завершающий вид функционирования синтетический – является ключевым во всем процессе формирования информационных ресурсов и перехода их в силу. От его несовершенства может возникнуть парадоксальная ситуация **точнее, именно та, в которой мы сейчас находимся** – при избытке знаний (квалифицированных специалистов, книг, журналов, патентов и т. д.) общество испытывает дефицит информационных ресурсов. Решающим в данном вопросе является то, что должна быть система поддержки, лидером в которой должен быть Глава государства. Ему (Главе государства) должны быть свойственны качества «Эффекта первого лица» точнее, он должен быть ревностным, лично увлечённым поборником нововведений. Нет системы поддержки – нет энтузиастов. Нет энтузиастов – нет нововведений. Причем, на практике управления акцент должен быть смещен с руководителя, как личности, на руководство, как процесс. Но для того, чтобы система поддержки действовала безотказно, должна быть система поощрения и наказания, как обязательный элемент всякой организационной культуры.

Одним из методов, надежно зарекомендовав себя в современном цивилизованном мире, является метод управленческого консультирования больших и малых социальных систем, согласно которому общества получают возможность своевременно вырабатывать при помощи квалифицированных специалистов наиболее верные коррективы в системе самоорганизации и саморазвития. Данный метод вошёл в практику еще в 60-х годах и уже тогда, например в США, многие бизнесмены и политики осознали его перспективность отказавшись от практики управления по принципу «проб и ошибок». Понимая, что в структуре всё усложняющейся системы организации общества, действительно передовые технологии требуют действительно научного подхода. То бизнесмены и политики не жалеют средств на научные консультирования которые, как правило, возвращаются заказчику с прибылью и дальнейшей перспективой в маркетинге.

В прошлые годы учение Маркса являлось непререкаемым авторитетом, а структура существовавшего тогда общества истолковывалась, как более совершенная по сравнению с западной и соответствовала этому закону, но умалчивалось то очевидное, что производительные силы саморазрушались. Основное внимание идеологии было сфокусировано на теории классовой борьбы, а учёные вынуждены были из-за безысходности поддакивать парт секретарям, сочиняя всё новые и новые дифирамбы. В настоящее время положение с дифирамбами изменилось, но в качестве компонента единства сохранилось то, что учёные не имеют выхода на политику. Таким образом, общество за годы перестройки имеет с одной стороны новую политическую систему, а с другой испытывает состояние глубокой экономической депрессии. Так как же быть в сложившемся цейтноте затянувшегося медового месяца суверенитизации или либерализации?

Краткий историко-философский анализ проблемы позволяет заметить, что через социально-экономический кризис проходили многие страны, но разница в том, рано или поздно, и с большими или меньшими потерями.

Через горнило кризиса прошли Великобритания, Франция, Германия, США, Япония, Китай. Но выход все страны находили через включения в практику научных знаний. В России после октябрьской революции 1917 г. большевики моделировали государственное устройство исходя из Марксова учения. В работе критикующей программу объединённой социал-демократической партии Германии, в которой предполагалось демократическое государство, и в котором *«народное воспитание через посредство государства»* Маркс пишет: *«Свобода науки» – так гласит один из параграфов прусской конституции. К чему он здесь?»* [1, с. 24] Вот это указание *«Зачем нужна свобода науки?»* сыграло существенную роль в становлении организации науки в СССР. Образование и структура научных исследований приобрели несвободный статус став официальной государственного аппарата. А в Германии в своём устройстве демократии, не послушали Маркса и выдержали параграф Прусской конституции *«Свобода науки»*. Посмотрим, чего они добились.

Находясь в состоянии разобщённых княжеств, Германия на рубеже конца XVIII – начала XIX веков представлялась с аграрной экономикой и в путях феодально-крепостнических отношений. Её отставание в развитии от стран того времени, таких, как Франции, Англии и России было настолько велико, что во время мировой войны войска Наполеона вошли в Германию не получив существенного сопротивления. Но поражение в войне, послужило хорошим уроком в вопросе отношения к демократическим переменам. Существенную роль в этом сыграла эпоха Просвещения. И. Кант о ней писал: *«Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude – имей мужество пользоваться собственным умом – таков, следовательно, девиз Просвещения»* (2, т. 6, с. 27). (Ремарка: **как всё это точно отражает нашу сегодняшнюю действительность!**). На волне Просвещения появились учёные, трудами которых наращивался рост и конгломерат экономики и философии. На импульсе суждения Ж. Жереса: *«Важно ещё и то, что Германия в течение полувека привыкла к тому, что всё прогрессивное исходило сверху»* [3, т.4 с. 46], в Германии был сформулирован девиз *«Трёх перестать»*:

- 1) перестать ждать перемен сверху;
- 2) перестать бояться своих идей;

3) перестать врать и подличать; – который сыграл методологическую роль осмысления идеи демократии и свободы. Её суть сводилась к тому, что никто не может гарантировать свободу идей, если идея свободы не стала элементом самосознания народа. А также, раскрепощение сознания, формирования интеллектуальной и духовной среды способной ограничить произвол, суеверия и обман. Таким образом, Германия,

последовательно набирая обороты социально-экономического роста, к началу XX столетия достигла высокого уровня развития и даже объявила миру войну. И в настоящее время, в результате всё того же темпа развития (несмотря на поражение в двух войнах) она вступает в третье тысячелетие самой сильной экономической державой Европы.

Рассматривая проблему в плане истории нашего государства, обращает на себя внимание гений В. И. Ленина, которому в течение 7 десятилетий относились с величайшим почтением, и от учения которого так легко отошли. Но его гений проявляется не в том, что он организовал партию большевиков, и которая под его руководством совершила революцию. И не в том, что пройдя поля гражданской войны, было создано беспрецедентно в мировой практике государство нового образца (в чём его обвиняют), что, безусловно, заслуживает восторга. А в том, что он один из первых сформулировал вывод в том, что демократия западного образца для российского народа неприменима. Это заметно в его выступлениях: *«Все разговоры о чистой демократии – это издевательство над здравым смыслом, ибо чистой демократии нет и быть не может. Демократия это не только права, но и обязанности»* [4, т.7, с.137]. По этой же причине он видел выход России из кризиса более грубыми, нежели на Западе механизмами организации, т.е. диктатурой РСДРП (б). Он хорошо понимал, что Великороссы, хоть и Европейская нация, но всё-таки не Западная. Он понимал, и мы должны это усвоить для себя, что от демократии до демагогии один шаг, переступить который легко, но ошибка эта будет стоить дорого обществу. Гений Ленина также проявился и в том, что он умел своевременно и гибко реагировать на события политической жизни страны. Это отмечается тем, что если в 1902 г. в работе *«Что делать?»* им видится главной задачей партии борьба с оппортунизмом, то через 4 года после революции в 1921 г., после того, как форсированный переход к государственному капитализму не дал ожидаемых результатов, им предпринимается попытка перехода к новой экономической политике, в которой содержался компонент возврата к капитализму. В связи с этим он обращает внимание большевиков: *«Если бы при той перспективе, которая открывается перед нами, в наших рядах не оказалось бы единодушия, это было бы самым печальным признаком того, что чрезвычайно опасный дух уныния поселился в партии. И, наоборот, если мы не будем бояться говорить даже горькую и тяжёлую правду напрямик, мы научимся, непременно и безусловно научимся побеждать всё и всякие трудности»*/ [4, т.44, с.210] И, надо сказать, что в условиях НЭПа всё оживилось. А то, что последователи Ленина в управлении государством не смогли своевременно напрямик говорить горькую правду, и внести соответствующие коррективы в политической системе, то это уже гения Ленина не касается.

Если углубиться в опыт других стран строивших социализм по советской модели, то можно обратить внимание на опыт Китая. Революция в этой стране произошла в 1949 г., КПК побратавшись с КПСС венцом которого звучала популярная песня: *«Сталин и Мао слушают нас! Москва –*

Пекин...» построила экономику и управление по Советской модели. Прожив с ней где-то в пределах 10–12 лет, они заметили её не перспективность. И тогда у них была провозглашена культурная революция. (Ремарка: Российским народам для этого потребовалось 74 года). Одной из причин экстенсивного развития китайские парт секретари видели в несовершенстве научных разработок рекомендуемых китайскими учёными управлению государством. И поэтому, как одним из мероприятий культурной революции, китайские учёные были принудительно направлены для «перевоспитания» в провинции на полевые работы (метод включённого наблюдения). Проработав там некоторое время, они вернулись в научные лаборатории и с учётом полученных результатов выработали новые рекомендации, вследствие которых китайская экономика стала успешно процветать. И на сегодняшний день, китайская экономика является одной из ведущих стран мира, претендуя на первое место. Причем следует отметить, что Коммунистическая партия Китая по прежнему является правящей и к Мао Дзе Дуну находящемуся в мавзолее относятся с почтением.

Анализируя существующую концепцию в Украине и России, отмечается, что в настоящее время те знания, которыми пользуются в развитых странах, не являются секретом. Все широко известные философские и социологические учения, в отечественных ВУЗах включены в образовательную программу, которые так же, как и на Западе, могли бы дать должный эффект. Но разница в том, что на Западе они в практику включаются так, как они истолковываются, а у нас – с существенными изменениями. Что, конечно же, можно поставить в упрёк, прежде всего, учёным. И в среде учёных не наблюдается классическое триединство интересов, цели и действий. Об этом говорит то, что в научных средствах массовой информации публикуются в основном оценочно-аналитический материал, а методический, за редким исключением, не проникает через редакторский фильтр.

Научно-исследовательская работа, проводимая в академических институтах, дополняется научным поиском общественных организаций. Заявки общественных организаций на научный поиск поступают на конкурсы для получения финансовых грантов проводимых регулярно различными Фондами меценатов, экспертами в которых представлены учёные Академий наук и Министерства просвещения. В части существования системы поощрения можно сказать, что учёные-специалисты являясь экспертами фондов меценатов, представлены самим себе и свободно, без принуждения определяют финансирование того или иного заявленного научного проекта. И, по всей видимости, предпочтение даётся тем, которые, с их точки зрения, отвечают стратегическим приоритетам народного хозяйства.

Система наказания, есть система механизма обратной связи, т.е. противовес деструктивности. В организации науки, в настоящее время, в качестве таковых являются конкурсы на замещение должностей, выборы руководителей или критика. Общеизвестно, что как первое, так и второе в действительности проводится формально. А третье, т.е. критика,

противоречит одному из главных инстинктов человеческой природы – инстинкту самосохранения. В результате этого возникает состояние напряженной адаптации, среди которых преобладают интеллектуальное (неспособность сделать выводы), волевое (не хватает силы воли побороть себя) и мотивационное (мотивы отвлекают от решения задач). Замечается также: физиологическая неадаптированность, проявляющаяся в низкой трудоспособности (неспособности доводить начатое дело до конца, низкой переключаемости, неуверенности в себе), и аномальная реакция (винить того, кто не виноват).

Для решения обозначенной проблемы предлагается считать за норму девиз- кодекс «Трёх перестать»: **а) перестать ждать перемен сверху; б) перестать бояться своих идей; в) перестать врать и подличать;** – который должен сыграть методологическую роль осмысления идеи демократии и свободы.

Вместе с тем, предлагается применять механизм гражданского контроля, основные положения которого могут составлять: методика структурно-функционального анализа при участии членов РСА, РФО⁴ и под наблюдением СМИ.

Исходя из Ленинского призыва «*говорить горькую правду*» и не пускать в свою душу «*дух уныния*», можно сказать, что если мы не будем говорить правду, то, пожалуй, никогда не сможем выкорчевать глубинные корни кризиса общества. В связи с этим, отдавая дань гению Ленина, несмотря ни на что, предлагается принять к сведению еще одну мысль всё из той же работы о НЭПе: «... *если не хотим прятать голову под крыло, если не хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся посмотреть прямо в лицо опасности, мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление...*» [4, т. 44, с.208]. Сказанное замечательно тем, что в то революционное время, Ленин заметил вовремя, что форсированный переход к новой экономике не даёт ожидаемых результатов. А если это так, то значит, без прятанья головы под крыло, он призвал большевиков признаться в ошибке и отступить столько, сколько требуется. Что они и сделали. В наше время, кризисная ситуация аналогична, но с той разницей, что мы-то как раз прячем голову под крыло и корчим из себя людей не видящих своего поражения и боимся посмотреть прямо в лицо опасности. Вот с этой-то целью и делается попытка называть вещи своими именами. Sapere aude – имей мужество пользоваться собственным умом – таков предлагается девиз в ответе на вопрос: ЧТО ДЕЛАТЬ?!

Литература

1. Маркс К. Критика готской программы. М.
2. И. Кант Собрание сочинений. М., Мысль, 1996 г.
3. Ж. Жерес. Социальная история французской революции.
4. В. Ленин. Полное собрание сочинений. М.

⁴РСА – Российская социологическая ассоциация, РФО – Российское философское общество.

Андреева Е. В.
*кандидат философских наук, доцент кафедры «Социальные технологии»
Ростовского государственного университета путей сообщения
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Тенденции развития музейной практики в контексте современных проблем межкультурной коммуникации

Углубление и расширение культурных взаимопроникновений в современную эпоху процветания международного туризма ставит особенно остро вопрос о сохранении культурной самобытности и уникальности культурных различий стран и народов. Россия – многонациональная держава, каждый из народов которой способен поведать миру о многих уникальных проявлениях своей самобытной культуры. Данные тенденции давно осознаны многими странами, успешно развивающими туризм, и правительства развитых держав находят достаточное количество средств, чтобы сохранять свою культурную целостность, транслировать и развивать уникальный культурный облик своего народа.

В процессе любого рода межкультурных контактов, взаимодействуя, их участники демонстрируют соприкосновение разных культур, зачастую в корне отличающихся друг от друга. Мировая коммуникационная практика знает множество примеров, когда различия в языках, традициях, еде, манере одеваться, принятых нормах общественного поведения, стереотипах ведения дел становились препятствием к подобного рода контактам, порой делая их нежелательными и даже невозможными. За подобными «частными» проблемами межкультурной коммуникации лежат основательные причины – это различия в мироосознании, специфика культурной парадигмы конкретного общества, которая диктует свои поведенческие мотивы и выливается в «иное» отношение к миру и людям. Несомненно, данные тенденции всегда «подогревают» туристский интерес, что особенно актуально для России в период подготовки к олимпийскому приему миллионов гостей со всего мира, для большинства которых, Россия – это известные образы крайностей: для одних Россия – страна только великих культурных достижений прошлого и наследия, связанного с именами Пушкина, Толстого, Чайковского, а для других – страна валенок, медведей и водки. К сожалению, оба эти полярные стереотипа не способны создать в глазах глобального туристского сообщества полноценный образ многонациональной огромной страны – наследницы великих событий и традиций, богатейшей истории и уникальной современности.

Россия – огромная, самодостаточная в культурном плане страна, но не имеющая всеобъемлющего и повсеместного опыта приема иностранных гостей, воспринимающая другие культуры через призму своей «русскости», особенно в провинциальной глубинке, где коммуникационные наблюдения и заключения ограничены только рамками местных культурных традиций. Зачастую, наш провинциальный этноцентризм как проявление

бессознательного, мешает межкультурной коммуникации. Очевидно, что в момент Олимпийских игр местное население, принимающее многочисленных носителей других культур, должно повсеместно гарантировать не только эффективную межкультурную коммуникацию, но и всецело способствовать созданию у большинства гостей оптимального цельного образа нашей страны, имиджа, далекого от известных полярностей, способного передать глубину и самобытность российской истории и настоящего, уникальность социокультурной традиции.

Отторжение молодого поколения россиян от отечественной культуры, от общественно-исторического опыта поколений – одна из актуальных проблем нашего времени. Центром генерирования и интеграции передовых идей, ареной трансляции культурного опыта и инноваций широким слоям общества, а так же молодому поколению, исторически является музей, выполняющий свои воспитательную и образовательную функции в контексте сохранения культурной памяти народов.

Музей, традиционно воспринимающийся как хранилище историко-культурного наследия, к сожалению сегодня не входит в рейтинг популярности среди культурно-досуговых объектов для россиян, но на западе ситуация обратная. Иностранец давно не воспринимает среду музея как «скопище старины и нафталина», для большинства американцев и европейцев, музей – это место, где интересно, увлекательно и познавательно можно проводить время всей семьей, и если встанет вопрос выбора – скоротать время в торговоразвлекательном зале либо в музейно-познавательном комплексе – большинство западных семей выберут последнее. Музеи Парижа, Рима, Берлина, Стокгольма, Лондона – это не только известнейшие коллекции, научная деятельность и традиционность экспозиции, большинство из них предлагают огромное количество альтернативных, но «музейновключенных» и по сути образовательных программ, ориентированных на разные аудитории посетителей. Пока родители разыгрывают детективную виртуальную историю на компьютере, либо моделируют сюжет картины (по полотнам, к примеру, Караваджо или Рембрандта), – дети с радостью складывают пазлы или разрисовывают трафарет известного полотна, здесь же кафе, возможность интернет-общения или театральные представления. Интерес к посещению музеев имеет на западе исторические традиции. Представление о демократизации знания с целью интеллектуального развития широкой публики и подготовки ее к жизни в условиях грядущей индустриальной эпохи и нарождающихся национальных государств легло в основу функционирования музея как культурного института еще в Новое время. История помнит яркие периоды, когда музейные собрания становились основой для фундаментальных и прикладных исследований в различных областях науки, в музеях работали крупные ученые, делались важные научные открытия. Демократизация новоевропейской культуры привела к тому, что большие пласты культурной памяти стали доступны более широкому кругу людей. Большую роль в установлении единого культурного поля европейской цивилизации сыграло формирование в XVI-XVII вв. основ мировой информационной системы: в

крупнейших европейских университетах и библиотеках, Британском музее скапливались сведения о странах и народах, физической и экономической географии, животном и растительном мире, геологическом строении земли и т. д. С конца XVIII века в Европе получила развитие идея создания доступных широкой публике государственных музеев. На основе частных пожертвований сформировался Британский музей, путем национализации королевских сокровищ и военных трофеев был создан Лувр, благодаря собирательской деятельности и покупкам возник Берлинский Музей.

В России исторически ситуация складывалась иначе. В 1711 году строится Летний сад, копии античных статуй превратили царский сад в музей европейской скульптуры под открытым небом. В 1713 году открыта первая в стране общедоступная библиотека. Основан Ботанический сад в 1716 – 1723 гг., по заданию Петра в Италии было куплено несколько десятков произведений скульптуры на мифологические темы, которые были выставлены в примыкавшем к Летнему дворцу царя саду, сделавшемся открытым для горожан музеем скульптуры. Появление музеев в новой столице России Петербурге отразило десакрализованный, светский, политизированный характер культуры петровского времени. В 1805 году было издано Положение об Эрмитаже, которое определяло его структуру и регулировало деятельность музея, рассматриваемого как «источник образования» [4, с. 52]. В дальнейшем и вплоть до наших дней большинство российских музеев закрепило реализацию образовательной функции в числе приоритетных направлений своей деятельности.

Смена идеологического курса в нашей стране наглядно отражалась на сущностной специфике экспонируемых музейных коллекций. Музей, являющийся хранилищем культурной памяти, в XX веке показывает, как культурное наследие подвергается идеологической обработке, как прошлое активно вовлекается в борьбу различных политических сил, определяющих дальнейшее развитие тех или иных стран. В нашей стране сразу после Октябрьской революции были национализированы многие частные коллекции, широким потоком влившиеся в государственные музеи. После 1917 года повсеместно были ликвидированы существовавшие в ведомстве Русской православной церкви музеи, а их коллекции в основном вошли в состав исторических, художественных музеев, краеведческих музеев. Собрания понесли серьезный урон в 1922 году – в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, а затем, в 30-е годы, после закрытия или перепрофилирования в краеведческие или антирелигиозные многих исторических и художественных музеев. В дореволюционной России насчитывалось около 50 частных музеев, инициаторами создания которых, были представители дворянства, купечества, буржуазии, чиновники. Именно они лидировали в создании ряда специализированных коллекций и экспозиций по истории русского театра, древнерусской живописи. Основная часть частных музеев была ликвидирована в первые послеоктябрьские годы, а их собрания были распылены в различные государственные музеи. Только в начале 90-х годов вновь созданы условия для существования частных музеев.

В последние годы в России властью и обществом была осознана необходимость сохранения того, что академик Лихачев назвал «экологией культуры». «Экология, – писал Д. С. Лихачев, – состоит из 2-х частей: части сохранения природы и части сохранения культуры, последнее тем более важно, что она касается самой сущности человека» [5, с. 4]. XX век обнажил множество проблем, среди наиболее острых – возникшее «инструментальное» понимание культуры, суть которого в том, что ценность культуры определяется ее способностью служить различным политическим целям и стратегиям, направленным на общественное развитие или решение социальных проблем. Все эти изменения в культуре с неизбежностью отразились на характере деятельности различных культурных институтов, включая музей.

Музеи нашей страны оказались в сложной ситуации, которая сложилась в годы перестройки. С одной стороны, возрождалась практика создания частных музеев, усадебных музеев и т.п. (по данным Госкомстата России, общее количество музеев в России увеличилось с 1315 в 1990 г. до 2189 в 2002 г.), вместе с тем, с 1998 г. резко увеличилось (до 84, 8 тысяч единиц) количество недвижимых памятников истории и культуры, при том, что на учете в нашей стране находится (примерно) 49 тысяч памятников (во Франции – 500 тысяч объектов). Единообразие культурной памяти в советское время обеспечивалось государственным контролем над образованием и средствами массовых коммуникаций. Последовавший в период перестройки развал системы социализма, крах СССР привели к очередному пересмотру культурно-исторической памяти. Проблематичным стало само понятие единой культурной памяти у народов, ранее составлявших единую историческую общность «советский народ». Культурно-историческая память стала мозаичной, что грозит утратой общей культурной идентичности той общности, которую именуют ныне «россияне».

В данных социокультурных условиях наша страна сегодня проводит курс последовательных реформ, готовится к проведению Олимпиады и встрече миллионов гостей. Олимпийское движение исторически было призвано объединять народы и культуры. Современные Олимпийские игры, как и процессы глобализации, демократизации общественной жизни, открытость и доступность самых последних достижений мировой культуры, туристические поездки и международные встречи ученых позволяют огромному числу людей узнавать много нового о поведении и образе жизни представителей разных стран и народов. Президент Оргкомитета «Сочи 2014» Дмитрий Чернышенко отметил: «Олимпийские и Паралимпийские игры – не просто спортивные состязания атлетов, это культурный диалог между странами. В течение последних десятилетий Культурная олимпиада является неотъемлемой частью Игр и задает тон и атмосферу будущих Игр. Искусство – универсальный язык общения, объединяющий людей из разных стран мира и призывающий нас к уважению, терпимости, стремлению к совершенству и обретению гармонии. Ценности культуры и искусства созвучны олимпийским и паралимпийским ценностям. Поэтому Культурная

олимпиада – это ещё один шаг на пути популяризации идей Олимпизма и Паралимпизма в современном мире» [1]. Культурная олимпиада в течении четырех лет будет дарить жителям Сочи и гостям курорта незабываемые и даже неожиданные проекты – от концертов академической музыки и классического балета до современных театральных постановок и конкурсов молодых поп-исполнителей. Каждый год Культурной олимпиады посвящен определенному виду искусств: 2010 год прошел под эгидой Года Кино, 2011 был Годом Театра, 2012 – Годом Музыки, а 2013 объявлен Годом Музеев. Финал Культурной олимпиады, на котором будут показаны лучшие проекты прошедших четырех лет, состоится во время Зимних Игр 2014 года. Интерес к русской культуре со стороны мировой общественности наглядно был продемонстрирован на Олимпийских играх в Канаде во время проведения «Дней Сочи 2014» в Ванкувере. Несомненно, что в преддверии «Сочи-2014» именно Культурная олимпиада поможет выразить характер истинной России и познакомить миллионы гостей Игр с шедеврами русской культуры и уникальными культурными традициями [2].

Кавказ – место пересечения культур множества народностей, каждая из которых хранит свое культурное наследие. Предельное увеличение объема понятия «историко-культурное наследие» (ныне в него входят не только материальные предметы, но и различные явления, процессы) порождает совершенно новую ситуацию в музееведении. В последнее время международные организации все больше обращаются к нематериальному культурному наследию, которое в условиях глобализации может быть представлено вместе с этническими группами, с их языком, праздниками, обрядами, песнями и т. п. Международная Конвенция об охране нематериального культурного наследия, принятая 17 октября 2003 г. в Париже, содержит преамбулу, в которой утверждается, что процессы глобализации и социальных преобразований, создавая условия для возобновления диалога между сообществами, вместе с тем, как и явление нетерпимости, служат источниками серьезной угрозы деградации, исчезновения и разрушения, нависшей над нематериальным культурным наследием.

В настоящее время музееведы выделяют три категории нематериального культурного наследия:

1. Выраженные в физической форме аспекты культуры и традиции определенного человеческого сообщества (обряды, особенности быта, фольклор и др.).

2. Формы выражения, не заключенные в физическую форму (язык, песни, устное народное творчество).

3. Символические и метафорические значения объектов, составляющих материальное культурное наследие.

Российские музеи в последнее десятилетие стараются в своей работе использовать нематериальное наследие в современных способах привлечения посетителей. Так, уже несколько лет Благотворительный фонд В. Потанина одаривает российские музеи грантами в рамках конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире». Республиканская общественная организация

«Общество сохранения природного и культурного достояния» «Новый ветер» из Улан-Удэ предлагает кочующий интерактивный музей про историю Байкала. Столичная Третьяковка запускает по всем музеям страны слайд-шоу из «Библейских эскизов» Александра Иванова. Музейно-выставочный центр «Находка» реализует проект «Два капитана», превратив котельную в музей, главной идеей которого будет познание морской истории Находки через приключения. Проект «Русский огород XVIII века» подразумевает создание стационарной выставки под открытым небом на территории Тульского Музея-усадьбы «Дворяниново» первого русского ученого-агронома Андрея Тимофеевича Болотова [7, с. 4]. Формы разнообразные, но каждая из них призвана реставрировать, возрождать национальный пейзаж через углубленное изучение «второй природы» – окультуренный исторический ландшафт [8, с. 10].

В этой связи большую роль приобретает особая музейная форма – экологический музей, получивший распространение во всем мире. Концепция экомuzeя была разработана Ж.А. Ривьером. Главные моменты концепции экомuzeя нашли отражение в составленном в 1980-м году «Эволюционном определении экомuzeя». В представлении Ривьера экомuzeи способствуют изучению прошлого и настоящего местного населения и среды. Экомuzeи способствуют сохранению и оценке местного природного и культурного наследия, вовлекает местных жителей в свою деятельность по изучению и охране наследия. «Приезжие также получают возможность взглянуть в это зеркало, лучше познакомиться с трудом, традициями местного населения и проникнуться к нему уважением» [9, с. 2-3]. Отличительной чертой экомuzeя является региональный характер, представляющий собой единство общности природной среды и хозяйственной деятельности людей. Объекты экомuzeя могут быть рассредоточены по всей территории региона. Деятельность экомuzeя состоит не только в музеефикации объектов, но и в сохранении умений, навыков. Возможности для создания экомuzeев есть и у сочинского региона. Ростовская область может быть неким ориентиром подобного рода проектов.

На территории Ростовской области сохранились в станицах памятники казачьей архитектуры. В музеях-заповедниках есть реальные предметы, обладающие большой исторической и культурной ценностью. Вместо мемориального музея современный экомuzeй представляет собой живое пространство, «где происходит синтез природы, культуры и традиционной социально-экономической жизни населения, конкретного региона (деревни, хутора, станицы и т. д.)» [9, с. 5]. Люди живут обычной жизнью, занимаются ремеслами или традиционными формами сельского хозяйства, а вся их жизнь, окруженная природно-хозяйственными и этнографическими атрибутами, является объектом музейного показа [10, с. 91]. Сотрудники Раздорского этнографического музея-заповедника предлагают этнографические программы с реконструкцией старинных обрядов «Святочный вечер», «Казачья масленица» с использованием местного говора, казачьих песен, игрищ. Сотрудники музея истории города Аксая для гостей

представляют настоящий казачий ритуал чаепития, где заварят чай по старинным рецептам, угостят блинами или пышками, а потом организуют катание на лошадях. В Азовском краеведческом музее проводятся театрализованные представления совместно с артистами городского театра юного зрителя.

Музеи играют огромную роль в восстановлении попорченной культурной памяти народов нашей страны, людей и судеб. Культурная и историческая память, особенно трагического прошедшего века, должна быть восстановлена. Переосмысление культурного и исторического наследия становится необходимым для настоящего и будущего России. Сменилась мотивация посещения музеев: большинство людей приходят сюда не получать знания, а проводить досуг. Музеи, избравшие путь целевого использования своего потенциала, начали коммерциализироваться. Появились такие понятия как музейный менеджмент и некоммерческий маркетинг [11, с. 99]. Меняются психологические характеристики восприятия, становятся более подвижными и обогащенными ассоциативные ряды. И эти изменения должны быть предметом серьезного исследования. Посетитель вправе расценивать свой приход в музей как угодно: как способ заполнения досуга, получения удовольствия, развлечения или даже нейтрально. Но музей, чья политика – многократное привлечение посетителя, не может не совершенствовать свой инструментарий, с помощью которого должен стремиться отвечать более глубоким и социально значимым потребностям посетителя. А пока психологические особенности восприятия очень внимательно изучают различные учреждения социализации человека. Фундаментальные знания в области социальной психологии должны быть поставлены в связь с практикой музейной работы. Если положение не изменится, то при воздействии на человека других источников информации произойдет вытеснение литературных музеев и заповедников с «рынка» учреждений воспитания. Они будут восприниматься как экзотический рудимент, который трудно приложить к современной практике жизни.

Важной особенностью бытия современного музея становится максимальное расширение спектра объектов музеефикации – от единичных недвижимых памятников до целых территорий и элементов образа жизни. В музее XXI века так же большое значение приобретает визуальное восприятие современного человека, его сенсорный опыт, который, как отмечают психологи, испытывает негативные последствия бесконтрольного погружения в компьютерный мир. Для современного музея наследие – это не только материальные памятники прошлого, но и образ жизни, и образ мыслей, важные события и повседневность ушедших эпох. При таком подходе наследием становится сама информация, способная выразить дух прошлого. Особую форму нематериального наследия составляет видеонаследие. Область видеонаследия многообразна. К нему относятся документальные фильмы, рассказывающие о памятниках, исторически значимых событиях и людях, видеозаписи воспоминаний, архивы программ телепередач и многое другое. Видеоинформация обладает специфическим, очень мощным музейным потенциалом. Подобно историческому памятнику или

экспонату, она способна нести подлинные, аутентичные знания о прошлом; обладает высокой степенью эмоционального воздействия, органично вписывается в развивающуюся ныне концепцию «живого музея». В настоящее время количество сайтов, связанных с именами наших и зарубежных музеев – 2,5 тысячи.

Музеи живой культуры должны стать важным фактором развития культурного туризма. Среди таких музеев, несомненно должны быть самобытные музеи российской провинции, старинные дворянские усадьбы, такие, например, как известное и за рубежом «Коломенское» – природно-ландшафтный музей-заповедник. В Коломенском ежегодно организуют исторические и фольклорные праздники, фестивали и ярмарки, которые собирают до 300 тыс. человек. Гости могут посетить комплекс «Конюшенный двор», познакомиться с работой кузнеца, покататься на орловских рысаках [12, с. 33].

Таким образом, для современного общества музей представляет собой:

- коммуникативный узел, обеспечивающий поиск, атрибуцию, хранение и экспонирование наиболее ценной и достоверной первичной информации;
- художественно-просветительную среду, где синтезируется и распространяется визуальная, вербальная, символическая, электронная и иная историко-культурная информация;
- место открытого, общедоступного, духовно насыщенного общения всех слоев и групп населения.

Только функционируя в подобном качестве российский музей сможет предложить гостям будущей Олимпиады интересный востребованный продукт.

Актуальной для полноценного функционирования музея в рамках предстоящей Олимпиады становится проблема организации безбарьерной среды. Трое из каждых двух тысяч россиян пользуются инвалидными колясками. РИА Новости в рамках проекта «Социальный навигатор» подготовил рейтинг доступности музеев Москвы для людей с ограниченными возможностями, верхнюю позицию в рейтинге занимает Государственный историко-архитектурный, художественный и ландшафтный музей-заповедник «Царицыно». К сожалению, большинство российских музеев, тем более, в провинции не имеют в проектных документах пандусов и широких коридоров, по которым легко проедет коляска, дверей для инвалидов-колясочников и специальных туалетов. Если же здание историческое – то сделать его доступным для инвалидов еще труднее, но все же возможно: организовать службу, которая поможет при входе, или давать человеку возможность обратиться за помощью, чтобы его коляску подняли через несколько ступенек.

Но главное в этой проблеме даже не лифты и не лестничные подъемники, а горячее желание помочь людям с ограниченными возможностями, сделать так, чтобы они были не только посетителями, но и друзьями музея, персоналу необходимо внутренне прочувствовать их проблемы, нужды и потребности. Несомненно, эта работа очень эмоциональная, требующая душевных сил, не все на деле к этому готовы. Многие музейные комплексы провинций находятся в очереди на

реконструкцию, составляются сметы на приобретение нового оснащения и технологий, хотелось бы, чтобы в преддверии Олимпиады повезло хотя бы сочинским музеям, чтобы появилась техническая возможность встретить глухонемого посетителя, слабовидящего или с ограниченными возможностями передвижения. В идеале, даже если на территорию музея запрещен въезд автотранспорта, автомобиль со спецзначком нужно обязательно пропустить через КПП. Сотрудники музея должны сразу встретить такого посетителя, вручить карту-схему (если надо, то рельефную, для незрячих). Людям на колясках нужно предложить удобный маршрут, объяснить, где специально оборудованные туалеты, оснащенные тревожными кнопками. Нужны указатели, аудиогиды, нужны этикетки, выполненные шрифтом Брайля, рядом с экспонатами, которые можно «осмотреть» руками. И сами такие экспонаты должны быть, конечно. И должно быть достаточное количество инвалидных колясок в музее, а также сотрудников, которые умеют сопровождать человека на коляске – это порой совсем не так просто. Входы в музейные здания и в основные помещения нужно оборудовать пандусами и поручнями, кнопками, позволяющими вызвать сотрудника музея, чтобы он помог посетителю спуститься или подняться на лифте, нужны специальные экскурсии, поскольку только пандусы, коридоры, указатели и лифты еще не означают, что музей доступен для инвалидов. В методических рекомендациях по проведению экскурсий для инвалидов необходимо разработать маршрут движения, его продолжительность, методику работы с каждой категорией инвалидов, основные исторические и искусствоведческие темы, где учесть особенности восприятия, передвижения людей с ограничениями зрения, интеллектуального развития или передвигающихся на колясках. Словом, в организации музейной работы нужен комплексный подход и целенаправленная работа [6].

Сегодня ведется комплексная ревизия законодательства, касающегося проблем инвалидов. Защита прав людей с ограниченными возможностями и создание нормальных условий для их жизни – задачи, наконец выходящие на первый план в государстве и в олимпийском городе. Пока только Москва обладает передовым опытом по созданию и развитию безбарьерной среды и должна поделиться им с другими регионами. Люди с инвалидностью – полноправные члены общества, которые также участвуют в экономическом, культурном, социальном развитии нашей страны. Доступность социокультурной инфраструктуры создает больше возможностей для вовлечения в общественные процессы людей с инвалидностью.

В сложившихся на современном этапе политических условиях, в свете предстоящей Олимпиады, одним из ключевых факторов, способствующих не только развитию южного туристского кластера, но и сохранению национальной культурной памяти, выступает система образования и воспитания молодого поколения в необходимости осознания и трансляции исторически сложившейся специфики единства «этнокультурного плюрализма» на территории России. Глобальные перемены последнего

десятилетия, направленные на развитие гражданского общества и правового государства в нашей стране, безусловно, повсеместно требуют всестороннего системного развития личности гражданина. Политические ориентиры современного общества диктуют необходимость своевременного решения вопроса формирования гражданской позиции, прежде всего у молодого поколения, которому и предстоит осуществлять большинство межкультурных контактов в ближайшем будущем. Музей призван занять в этом процессе одну из актуальных позиций. Около 90 процентов музеев страны в настоящий период – это небольшие региональные музеи, расположенные в городах и поселках. Общество обязано осознать объективную необходимость современного возврата к вековым корням и лучшим традициям нашего народа, к таким исконным понятиям, как род, родство, Родина. В последние годы активно развиваются сельские музеи, появились музеи дома, рода, семьи, народности, которые, несомненно, при объективной презентации будут интересны иностранным гостям.

Нравственная сторона национальных взаимоотношений, отношение к культуре и культурным памятникам других народов, в том числе и исчезнувшим на данной территории, обеспечивает культуре длительность в историческом времени и культурную преемственность. Будущее России ставит перед современным обществом ряд многочисленных проблем, перед лицом которых образование является необходимым условием для достижения идеалов мира, свободы, социальной справедливости. Образование играет решающую роль в процессе прогрессивного развития социума и совершенствовании личности на протяжении всей ее жизни. Переход России к новым экономическим реалиям общество оплачивает дорогой ценой: рушатся нравственные идеалы, растет преступность, обостряется множество социальных проблем. Идеи гуманизма становятся все менее актуальными в молодежной среде, характеризующейся политической неустойчивостью от аполитичности до экстремизма. В условиях многонациональности нашей страны, актуальной являются задачи гражданского воспитания взрослеющего поколения средствами традиционной культуры, национального искусства, фольклора и народных традиций, а также формирование целостного культурно-исторического образовательного пространства с учетом конкретных этнорегиональных особенностей. В решении данных задач трудно переоценить потенциал современного музея по его использованию в воспитании взрослеющего поколения, поскольку музей представляет собой уникальный тип учреждений, позволяющий сформировать и развить в условиях воспитательного процесса разносторонние элементы патриотизма как качества «здоровой» личности: эмоциональные, интеллектуальные, деятельностные, мотивационные, волевые.

Тенденция к сохранению культурной самобытности подтверждает общую закономерность, заключающуюся в том, что человечество, подверженное идеям глобализации, становясь все более взаимозависимым и единым, не утрачивает своего культурного разнообразия. В контексте

вышесказанного России чрезвычайно важно совершенствовать музейные технологии, чтобы суметь представить и популяризировать культурные особенности народов страны в рамках Олимпиады-2014, чтобы представители множества наций и народностей смогли лучше узнать, понять друг друга и добиться взаимного признания.

Литература

1. Материалы пресс-службы Оргкомитета «Сочи-2014»// www.sochi2014.com
2. Материалы сайта <http://www.sochi2014.com>
3. «Культурный подход», беседа с Беатрис Гарсия / «Русский журнал», 15.12.11// <http://www.russ.ru/pole/Olimpiada-v-Sochi-kul-turnyj-podhod>
4. Коршунова М. Музей императора Николая I // Наше наследие. 2003. № 66. С. 52.
5. Лихачев Д. С. Экология – проблема нравственная // Наше наследие. 1991. № 1 (19). С. 4.
6. По материалам Круглого стола на тему: «Музей для всех, но не для каждого?»//<http://ria.ru>
7. Антонова Ю. «Меняющийся музей в меняющемся мире» и актуальные музейные стратегии // Культура. 2007. 19 апреля. Вып.15. С. 4.
8. Разумовский Ф. Земля взывает к истине // Наше наследие . 1991. № 1 (19). С. 10.
9. Ривьер Ж. А. Эволюционное определение экомuzeя // Museum. 1985. № 148. С. 2-3., С.5
10. Дашкова Е. В. Нетрадиционные формы музейной коммуникации как стилизация экспозиционной среды // Проблемы и перспективы развития въездного и внутреннего туризма. Материалы Международной научно-практической конференции 22-24 апреля 2005. – Ростов н/Д., 2005. С. 91.
11. Лагутин А. Музейный менеджмент в постиндустриальном обществе // Top Manager. 2001. №10. С. 99.
12. Чичкина С. «Коломенское» - музей живой культуры // Туризм. 2005. № 10. С. 33.

Корисько Н.М.

професор кафедри хореографії

Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв

м.Київ, Україна

Традиційна народна хореографічна культура України у мистецькій спадщині Мирослава Вантуха

На порозі третього тисячоліття у духовному житті України, яка інтегрує в європейський та світовий простір, на передній план виходять проблеми гуманізації та гармонізації суспільства.

У сучасних умовах глобалізації, транснаціоналізації, нівелювання особливостей традиційної культури, необхідно сприяти збереженню та розвитку надбань українців. Тому важливою складовою відродження традицій є проблема самоідентифікації, усвідомлення унікальності та неповторності духовних надбань свого етносу. Сьогодні актуально наукове осмислення розвитку різних видів мистецтва українського народу. Серед різноманітних жанрів національного мистецтва, вагоме значення має саме народна хореографічна культура.

Український танець займає значне місце серед культурних надбань нашого народу. Широка популярність українського танцю в нашій країні та за кордоном пояснюється невичерпним багатством тем і сюжетів. У танцювальних образах розкривається національний характер народу, відображаються явища, взяті безпосередньо з його побуту та праці, рідна природа тощо. Наявність яскравих побутових рис і особливостей, поєднаних з віртуозною технікою, надає українському танцю своєрідного колориту. Танець – мистецтво, що існує в часі й просторі [2].

На сучасному етапі державотворення виникають потреби у переосмисленні світоглядних дефініцій українського народу: національних, моральних, гуманістичних.

Глобалізація суспільного розвитку та світові інтеграційні процеси актуалізують значення національної традиційної культури, яка є запорукою збереження національної сутності українського суспільства. У цьому контексті на особливу увагу заслуговує наукова систематизація теоретико-педагогічних ідей та узагальнення досвіду діяльності вітчизняних культурно-освітніх діячів другої половини ХХ ст., насамперед періоду післявоєнної відбудови, пробудження національної самосвідомості й піднесення патріотизму українського народу, активного розвитку виховання, освіти, мистецтва й художньої культури [3].

До плеяди найвизначніших діячів цього періоду належить творча постать Мирослава Михайловича Вантуха, видатного митця, балетмейстера, хореографа, завідувача кафедри хореографії Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв, Героя України, Народного артиста України і Росії, Лауреата Національної премії ім. Т. Шевченка, генерального директора і художнього керівника Національного заслуженого академічного ансамблю танцю України ім. П. Вірського, голови Національної хореографічної спілки України, професора, академіка АМУ, Голови Всеукраїнської координаційної ради з питань дитячої народної хореографії [3].

М. Вантух дбайливо зберігає чудові постановки П. Вірського, якими і сьогодні мають змогу милуватися наші сучасники. А своєю особистою творчістю митець збагачує та примножує багатогранну красу українського танцю. Його запальні, яскраві, довершені як за формою, так і за змістом хореографічні композиції, здобули всесвітнє визнання [4, с. 67-68].

Творчі здобутки М. Вантуха піднесли його до рівня провідних майстрів національної української хореографії. Він поставив танці в операх «Катерина» М. Аркаса, «Назар Стодоля» К. Данькевича, «Запорожець за Дунаєм» С. Гулака-Артемівського у Львівському АТОБ. До золотого фонду ансамблю належать створені ним оригінальні хореографічні композиції: «Український танець з бубнами», «В мирі та злагоді», «Україно, моя Україно», Український ліричний «Літа молоді», «Циганський танець», «Карпати», «Волинська полька», «Гуцулка» та інші, що збагатили репертуар ансамблю.

Джерелом для творчої праці слугують мистецькі традиції рідного галицького краю. М. Вантух майстерно поєднує народні здобутки минулого і

сьогодення. Як балетмейстер-постановник поєднує досвід педагога-вихователя й глибокі знання народних традицій та обрядів [5].

Доцільність звернення до мистецько-педагогічної спадщини М.Вантуха зумовлена вагомістю його внеску в розвиток української традиційної хореографії, у піднесення громадянського й патріотичного виховання молоді засобами народної хореографії та необхідністю використання в умовах сьогодення набутого ним досвіду. Це буде сприяти подоланню гострої суперечності – між позитивною тенденцією подальшого розвитку української народної хореографії та її нівелюванням під впливом сучасної масової культури.

Розглядаючи українську народну хореографію як явище поліфункціональне, М.Вантух стверджує, що цьому сприяє самобутній, народний хореографічний фольклор, який є підґрунтям народних танців.

Необхідність Мирослава Вантуха звернутися до фольклорного танцю була зумовлена:

- усвідомленням значущості фольклорного матеріалу в справі виховання молоді;

- потребою розширення й удосконалення навчального репертуару танцювальних колективів.

У постановника хореографічна спадщина представлена хороводами, побутовими, сюжетними танцями, танцями-обрядами, тощо [3].

Велике значення в справі формування традиційної національної культури М.Вантух надає сюжетним танцям, які найбільш повно відображають конкретні явища навколишнього життя, природи, трудові процеси. Використання в хореографічних полотнах життєвих сюжетів, історичних подій, на думку М.Вантуха, сприяє виробленню в молоді пізнавального інтересу, вихованню патріотичних почуттів та ідеалів.

Шукаючи шляхи вирішення проблем, які сьогодні існують в галузі хореографії, за ініціативи М. Вантуха у лютому 2002 р. було створено Хореографічну Спілку, якій в 2004 р. за видатні заслуги у ствердженні традицій і розвитку української національної культури та міжнародне визнання, було надано статус Національної (НХСУ).

Основна діяльність НХСУ та її голови М. Вантуха спрямована на відродження, збереження та подальший розвиток українського національного хореографічного мистецтва, виявлення талановитих, знаючих, професійних керівників творчих колективів, вчених, педагогів, сподвижників народної хореографії, що успішно працюють у всіх регіонах України.

За час існування НХСУ започаткувала багато міжнародних, всеукраїнських і регіональних фестивалів та фестивалів-конкурсів, серед яких:

- «Веселкова Терпсихора» – міжнародний фестиваль-конкурс, присвячений Міжнародному Дню Танцю;

- Міжнародний фестиваль «Фольклорний дивосвіт»;

- Всеукраїнський фестиваль-конкурс народної хореографії імені Героя України Мирослава Вантуха;

- найбільший культурно-мистецький проект – Всеукраїнський фестиваль-конкурс народної хореографії ім. П. Вірського, який проводиться раз на три роки.

Головною метою фестивалю-конкурсу є збереження і розвиток народних традицій хореографії, збагачення професійного і аматорського мистецтва, підвищення художнього рівня балетмейстерських постановок, фіксація скарбів танцювального мистецтва.

Всеукраїнський фестиваль-конкурс народної хореографії ім. П. Вірського є своєрідним переглядом сучасного стану української хореографії. Він надає можливість новій плеяді хореографів та молодих балетмейстерів представити глядачам своє мистецтво.

Національний заслужений академічний ансамбль танцю України імені П.Вірського заснував медаль Павла Вірського, яка вручається кращим хореографам України, серед яких є й переможці фестивалю-конкурсу.

Все своє життя Мирослав Вантух присвятив мистецтву. І сьогодні продовжує творити в ім'я України. Своєю творчістю М.Вантух зробив гідний внесок у розвиток теорії і практики української народно-сценічної хореографії в аспекті спрямованості на збагачення хореографічної лексики.

Балетмейстер сучасності М.Вантух у своїй творчості дотримується принципу народності, що виражається у чіткості і змістовності танцювальної мови, збереженні загальнонаціональної манери виконання танцю, у тому, що кожний самостійний твір ансамблю сприймається як фольклорний взірць [1].

Народне хореографічне мистецтво є важливою складовою скарбниці людства, одним з найпрекрасніших проявів національної свідомості та духовного багатства, тісно пов'язаним з історією народу, його звичаями, традиціями, його буттям. Аналіз творчих здобутків М.Вантуха дозволяє зробити висновок, що митець не тільки зберігає неперевершені хореографічні твори П.Вірського, а й розвиває та збагачує здобутки національної хореографічної культури, примножуючи мистецькі скарби української нації.

Література

1. Вадясова Н.В. Мистецько-педагогічна школа видатного діяча української культури Мирослава Вантуха : наукове видання / Наталія Вадясова, Василь Чернець, Валерія Шульгіна. – К. : НАКККіМ, 2012. – 152 с.
2. Енциклопедія сучасної України / ред. І. М. Дзюба; НАНУ; Наукове товариство ім. Т. Шевченка. Т. 4 (В-Вог). – К., 2005. – 699 с.
3. Жиров О. А. Розвиток української народної хореографії у мистецько-педагогічній спадщині та діяльності К. Василенко (50 – 90 роки ХХ ст.) : дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. Наук ; спец. 13.00.01 /Олександр Анатолійович Жиров. – Полтава, 2007. – 267 с.
4. Станішевський Ю. О. Вантух Мирослав Михайлович // Енциклопедія сучасної України: Т. 4(В-Вог) , ред. І.М. Дзюба; НАНУ; Наукове товариство ім. Т. Шевченка. – К., 2005. – С. 67-68.
5. Туркевич В. Хореографічне мистецтво України у персоналіях: біобібліографічний довідник / В.Туркевич. – К., 1999. – 224 с.

Долгих А.Г.
*К.филос.н., доцент Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета
г.Москва, Россия*

Философия, аксиология и современность

Настоящее всегда вызывает повышенный интерес у философов. Одно дело – писать о том, чего уже нет или чего еще нет, а другое – о дне сегодняшнем. Нынешнее всегда актуально вдвойне. Во все времена тема «современности» вызывала оживленный интерес и активно обсуждалась, но не всегда объективно. Было время, когда о настоящем не говорили, замалчивали; было время, когда его идеализировали, все более погружаясь в самонадеянность. Тем более интересными являются попытки философии сегодня дать анализ настоящего. Несмотря на то, что в современности бытует большое количество философских концепций, можно говорить о доминирующем настроении представителей разных школ: человечество может справиться с проблемами, если перейдет к иной цивилизации, основанной на других ценностях. Человек должен изменить свои взгляды на мир.

За последнюю четверть века произошло много событий. Меняется мир, отношение человека к миру, он становится сложнее, разнообразнее, усиливаются процессы динамизма, дифференциации и интеграции; усложняется человеческая жизнь (растут сепаратизм, индивидуализм, в городах человеку становится все тяжелее жить, в городской жизни нарастают антикультурные явления), набирает обороты конкуренция. Людей все больше интересует вопрос не о том, что есть, а о том, что должно быть. И в этой разноликой, противоречивой среде необходимо научиться правильно жить.

Конечно, эти изменения не могли пройти мимо философии. И поскольку предметом философского познания является всеобщее в системе «мир – человек», именно философия должна дать современное комплексное осмысление отношений между человеком и природой, человеком и обществом. Мир второй половины XX века довел противоречия между человеком и его бытийственной средой до предела. Благодаря НТП человек становится все более могущественным, растут его возможности. Наука и философия постоянно твердят нам о все более значимой роли человека в природе и обществе. Однако, вопреки заверениям и ожиданиям, ни достижения НТР, ни результаты социального развития не сделали жизнь людей легче. Социальных проблем становится все больше, к нерешенным старым проблемам присоединяются новые, а современность предъявляет еще более жесткие требования к жизни человека. Для него проблемная ноша становится непосильной. Часто человечество оказывается просто не готово к тому, чтобы ответить на вызовы времени. Все это усугубляется и тем, что

нередко человек не может справиться и с самим собой, со своими внутренними проблемами. Во многих стран он живет в агрессивном пространстве, которое создал собственными руками по своему собственному недомыслию. Специалисты сегодня часто соединяют понятия «современность» и «кризис», подвергают критике современное общество, современную рациональность и отмечают рост пессимистических настроений. Человек должен, вроде бы, становится умнее, а мыслит все более узкими, прагматическими категориями. Не случайно в 70 – 80 –х годах XX века возникает постструктурализм с его обостренным чувством к социальным противоречиям, критикой науки; в 80 – е годы XX века появляется постмодернизм с лавиной критической литературы в адрес настоящего.

Такую непростую ситуацию исправить можно и существенную роль в этом деле должны сыграть философия в союзе с наукой, объединение их познавательных и эвристических потенциалов. Тем более, что сегодня налаживается связь между философией и наукой. Еще в 60 – х годах XX в. одной из центральных проблем нашей философии была взаимосвязь философии и науки, примерно с этого времени философия науки становится одной из престижных областей философских разработок. Одна из задач сегодняшнего дня – совместное решение ими сложных проблем, совместный поиск методологии исследования таких проблем. Мысль о возможности результативного взаимодействия философии и науки сегодня прочно утвердилась среди ученых и находит все больше и больше поклонников.

Еще одна особенность современной философии – она сама становится все более разнообразной, резко увеличилось число философских концепций, часто имеются диаметрально противоположные взгляды на разработку проблем. Специалисты говорят о разрушении единства в понимании целей и задач философии. Однако, при этом, философские направления сознательно приближаются к реальному человеку, его мышлению, рациональности, общению и пытаются внимательно рассмотреть эти проблемы. Разнообразие философских взглядов подводит ученых к мысли о необходимости диалога.

Тема комплексного исследования человека интенсивно обсуждалась еще со второй половины прошлого столетия, а, примерно, в 80 – х, 90 – х годах XX века гуманитарная тематика в этом проблемном поле стала заметным явлением. В последней четверти XX века мировая философия радикально развернулась в сторону человека. А во второй половине XX века появилось новое научное направление – человековедение, связанное с целостным изучением человека наукой и философией. Вместе с этим актуализировалась аксиологическая проблематика, поскольку для общей антропологии вопросы разработки ценностей являются приоритетными.

Ценности – базовый регулятор жизни человека и общества. В мире ценностей выделяют гуманитарные, которые, по мнению специалистов, являются критерием подлинной зрелости человека. В настоящее время имеет

место процесс распространения гуманитарного подхода на науку в целом, включая естественно – научное и математическое знание.

Под гуманитарностью специалисты понимают особое отношение к человеку (как к цели, а не как к средству). Ее интересует прежде всего внутренний мир человека, универсальные духовные ценности, составляющие смысл человеческого существования. Современные обстоятельства заставляют человека все более соотносить свою деятельность с гуманитарностью. Научно – технический прогресс, наука должны включать ее в качестве составляющей. Становится нормой проверять новые проекты на совместимость с человеком, все активнее процессы «очеловечивания» внедряются в его научно-техническое окружение.

Считается, что рациональное учение о ценностях составляет основу философии, а гуманитарность является основой ценностного пространства. Разработка гуманитарности как основы человеческого общества – прерогатива философии. Здесь не следует забывать и о том, что современная ситуация – не простая, общество вступило в полосу активного поиска новых жизненных смыслов и ценностей, а философия в этом вопросе должна сыграть существенную роль. Кстати, можно отметить и еще один важный момент: отработка вопросов ценностного сознания и входящих в него гуманитарных норм создает большие возможности для влияния философии на общество.

Одной из характерных черт современности является особое отношение к теме «свобода». О ней и в XX веке много говорили, да мало, что делали. А нередко поступали с точностью до наоборот (вспомним Грецию 60 – х, 70 – х годов, Камбоджу 1975 – 1979, Чили 70 – х, 80 – х годов прошлого века). Горькие уроки века минувшего показали, что альтернативы демократии нет. Она сыграла основную роль в развитии западной цивилизации. Ее реализация связана с целым рядом условий и одним из основных является свобода выбора. У человека должно быть свободное пространство для самостоятельного решения, он должен находиться в условиях выбора. С последним связаны и ценности. Специалисты утверждают, что рождение ценностей предполагает ценностную позицию субъекта, которая возникает в условиях свободного выбора. Можно согласиться с некоторыми мыслителями, которые отмечают, что демократия есть не только форма правления, но и философия общества в смысле идеалов и принципов, которыми руководствуются члены общества.

Века минувшие, размышляя над данной темой, в основном делали акцент на политической, экономической свободе (вспомним политическую теорию Локка с ее индивидом и его правами, Смита с экономическим либерализмом, Милля с социальным либерализмом, Кейнса с теорией государственного регулирования капитализм, разработку понятия «правового государства»). В настоящее время все острее ставится проблема внутренней свободы человека и наличия объективных возможностей для нее. Давно известно, что освобождение людей от социального гнета не решает проблемы свободы полностью. Даже демократия, однажды провозглашенная, не

обеспечивает основных свобод автоматически, ее необходимо выстрадать. Поэтому в культуре второй половины XX века активно стали разрабатываться вопросы свободы совести, человеческой лояльности и агрессивности, внутренней свободы человека, свободы и ответственности. Сегодня в разработке темы «свобода» актуализировалось обсуждение вопросов, связанных с самовоспитанием, саморазвитием, толерантностью, культивированием нацеленности на диалог с другим, уважением его прав, утверждением плюрализма. Однако, необходимо следить и затем, чтобы все это не вылилось в попустительство злу.

Соединение понятий «духовность», «свобода», «общение» (основополагающие характеристики бытия человеческого) подводит нас к понятию личности. Личность есть индивид общественный и, вместе с тем, уникальный, имеет отличия от других людей. Поэтому личность фиксирует и автономность человека, его суверенность. Собственное мнение, собственный выбор и личный ответ за содеянное – условия развития реальной личности. Благодатная среда для развития сильной личности – признания за ней нравственной и интеллектуальной независимости. А об этом должны позаботиться общество и государство. Здесь речь идет об определенной мере свободы, а не о самостийности, произволе, абсолютной свободе (человек едва ли когда-нибудь будет полностью свободен). Свобода всегда устремлена к личным качествам человека, а демократия является ее питательной средой. Кто – то из специалистов дал хорошее, перспективное определение демократии – «неискаженная представленность личности в большинстве». Именно за таким добротным определением демократии будущее, а не за классическим (власть народа или признание воли большинства в качестве источника власти и т. п.). Конечно, это – идеал, но такой, к которому надо стремиться. Проблема должна быть в зоне пристального внимания и философии. Сегодня качественная философская разработка темы «демократия» особенно важна.

В самом конце XX века предполагали, что экспансия демократии сохранится. Однако этого не произошло. Больше того, по оценкам прогнозистов, наметилось даже попятное движение. У стран, так называемой «третьей волны» демократизации, слабо развиты институты гражданского общества и будущее их туманно. Часть населения вообще разочарованна процессами «демократизации» последних лет. Есть склонность к укреплению личной власти лидера той или иной страны, усиливается идеология авторитарных режимов. Все это сложности, которые и актуализируют данную проблему. Не будем забывать и о том, что безмозглой демократии не бывает, она всегда интеллектуально и нравственно нагружена, гуманистична. Главные ценности подлинной демократии – личность, свобода, нравственный гуманизм как база для права и правового государства.

Гуманистическая направленность – характерная черта современности. В деяниях нормального человека, как правило, нет произвола, он всегда совмещает свой выбор и свои действия с выбором и действиями другого человека. Таковы законы цивилизованного человеческого общежития. И

такие мысли высказывались давно. Однако, сегодня, только этого оказалось мало. Исторический опыт рода человеческого показал, что за демократию надо бороться, должно поступить социкультурное разрешение для ее реализации. Другими словами, демократия должна быть выстрадана народом, путь к ней – это все равно, что дорога на Голгофу, полная мученичества и страданий. Для демократии человек и общество должны созреть. Поэтому сегодня усилия философов нацелены на разработку проблем нравственной стойкости человека, свободы и его личной ответственности, что, в свою очередь, является важным ресурсом его совершенствования. Процессы преобразовательного улучшения человека – одно из основных условий для утверждения гуманизма в обществе.

Базой гуманистического общества может быть только гуманистическое мировоззрение. Его процесс создания должен покоиться на гуманитарных научных технологиях. Эта тема молодая, привлекает к себе все больше и больше внимания и начинает интенсивно разрабатываться. Но здесь хотелось бы обратить внимание на следующее.

Часто основой гуманизма считают веру в изначально добрую природу людей. Однако это должно подкрепляться и доверием к воле человека как к основному его личностному измерению, «специфической форме регуляции поведения и деятельности, управлению своими психическими процессами», способности самоконтроля и самодисциплины (традиционное понимание воли). Это особенно необходимо для общественной жизни людей. И, в связи с этим, одна из тем сегодняшнего дня, которая заслуживает внимания и тщательной разработки – сочетание личных и общественных интересов таким образом, чтобы личность была неискажена. Как отыскать ту меру, которая возвышает человека в обществе, делает его самобытным, оригинальным и в тоже время не растворяет его в массовости, не усредняет, не вписывает его в типичность? Вопрос сложный. Сегодня в теории идут активные обсуждения этой проблемы. Это – мысль, которая далеко опережает наше время и к которой пока привыкает общественное мнение. Планка поднята высоко, достичь ее сейчас невозможно, но это такой ориентир, к которому надо стремиться.

В принципе, современные философские размышления должны быть глубоко аксиологичны и телеологичны. Есть человек, у человека есть цели, он не может существовать без них, тем более, если речь идет об устоявшихся, утвердившихся гражданских идеалах. Он готов платить за них высокую цену, вплоть до самоотречения. Почитание того, что является значимым для людей, есть место встречи человека и общества. Ценностный фактор всегда присутствует в жизни человека и делает его существом общественным.

Ярко выраженная аксиологизация современной философии является общепризнанной. На протяжении всей своей истории она демонстрировала внимание к проблемам сущности и существования человека, была ориентиром значимого для него и общества. Необходимость аксиологической проблематики выходит из недр исторического опыта рода человеческого, Учение о ценностях в XX веке находит достойное место

вместе с господствовавшей недавно гносеологической проблематикой. Ценности представляют ядро человеческого общежития, они есть оплот общественной мудрости, матрица социальной устойчивости, которая не дает обществу скатиться в пропасть на крутых поворотах. Ценности – есть резерв традиций и, следовательно, стабильности. Именно традиции и стабильность не дают сметать все одним махом; разрушать старое, не построив нового. Кто хочет реформировать все и сразу, тот не имеет будущего. Это – один из уроков века минувшего.

Ценности как повседневные ориентиры человека в окружающей его действительности с позиций положительного или отрицательного востребованы были всегда, особенно в переходные периоды. Настоящее время тоже испытывает нагрузку переходности от биполярности к постбиполярности, современными интенсивными процессами глобализации (род человеческий обретает новое качество – качество глобальности). Вот почему фактор ценности (устремленность к должествованию в пространстве преемственности, осмотрительного улучшения, учета опыта лучшего) в настоящее время становится одним из ведущих не только философских размышлений, но и научных.

Литература

1. Лебедев С.А. Философия науки. М., Академический проспект, 2008.
2. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. М., Политическая литература, 1991.
3. Степин В.С. История и философия науки. М., Академический проспект, 2012.

Нечитайло В.С.

*Старший викладач кафедри хореографії, здобувач
Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв
м. Київ, Україна*

Хореографічне мистецтво як засіб самоідентифікації та соціалізації індивіда

Значний вплив на світогляд і характер особистості, на формування її національної визначеності має мистецтво загалом і хореографічне зокрема.

В своєму освоєнні суспільного буття особистість керується не лише пізнавальною зацікавленістю, в її прагненнях завжди присутній і емоційно забарвлений підхід, в якому явища дійсності набувають чуттєво-емоційного забарвлення, розвиваючи естетичне ставлення особистості до сприйняття світу, та адаптації в ньому. «Естетичність – це та ланка, котра поєднує художню технологію мистецтва та культуру буття особистості, – зауважує Л. Мізіна» [9, 96]. – Тільки за наявності естетичного відношення суб'єкта можливий прорив через танцювальний образ у світ уявного ідеалу. Водночас в естетичній як і в духовній формі чуттєвого життєсприйняття людини

виражається її прагнення до креативного пізнання світу через художній образ. [10]. В художньому ставленні до дійсності визначальним для особистості, та для її оцінюючого судження стають власні переживання.

Таким чином, художнє, завдяки спроможності адаптувати найрізноманітніші відтінки людської чуттєвості, здатності до переосмислення в різних видах мистецтва, може долати різноманітні протиріччя, що спрямовують особистість до переосмисленого сприйняття духовних цінностей. Це формує її особистісний духовний світ відповідний моральним та етичним цінностям вироблених людством.

«Мистецтво є становлення і здійснення істини» [13, 304], воно сприяє усвідомленню й осмисленню цілого універсуму людського буття, не з «чужої тканини», створеної в просторі іншої національної культури, а на історичній національній мудрості, що віками відшліфовувалась, формуючи художні діаманти з національно-ментальним грануванням. Насиченість рецептивного потоку автентичними, самобутніми смислообразами забезпечує формування у особистості багатой палітри світосприйняття, патріотичних почуттів та національної самодостатності.

Національна самосвідомість постає як усвідомлення спільнотою або окремою особистістю своєї національної приналежності, зі спільною історичною долею, та унікальною специфікою геополітичних, культурних, соціальних, історичних чинників.

Це усвідомлення державно-політичної, територіальної спільності, що сприяє позитивному ставленню до створення матеріальних і духовних цінностей, що збагачує як особистість так і національну громаду, сприяє також шанобливе ставленню до інших національностей, їх культур та ментальності. Можна стверджувати, що національна самосвідомість складається з кількох підструктур, котрі характеризуються взаємозв'язком і взаємною детермінацією. В когнітивну складову національної самосвідомості входять ідеї, ідеали, набуті знання, погляди, історична та культурна пам'ять.

Емоційна складова інтерпретована емоціями, переживаннями, національними й патріотичними почуттями, котрі активізують настрої народу, сприяють формуванню національної гідності [1; 2; 4; 6; 7; 12]. В аксіологічну складову входять ціннісні орієнтації, національні інтереси, а також ціннісне ставлення до традицій, звичаїв, обрядів, фольклору, історичного минулого своєї нації, її культури, тощо.

Національна свідомість формується шляхом самоосмислення, консолідації та інтеграції національної спільноти. Сутність національної свідомості розкривається в єдності індивідуального та групового [1; 5; 7]. Національна свідомість проявляється як на рівні індивіда, так і на рівні нації, тоді як національна свідомість, як правило, проявляється на рівні нації.

Стрижневу роль у структурі національної самосвідомості відіграє національна ідентичність, яка стає могутнім засобом самовизначення й самоорієнтації індивіда у світі кризь призму самобутньої культури власного народу. Національна ідентичність «установлюється настільки ж загальною політикою держави, системою суспільних цінностей і культурними

орієнтаціями, наскільки самовизначенням особистостей, які складають націю» [11]. Тобто шляхом національної самоідентифікації особистість не лише визначається у належності до певної спільноти, а й стверджує власну індивідуальність. Особливу цінність в цьому контексті має мова, яка є інструментом включення індивіда у світ національної культури.

Входження особистості до складу національної спільноти та процес її національного самовизначення відбувається на основі органічного сплаву об'єктивно існуючих зв'язків особистості з даною спільнотою і суб'єктивного, особистісного ставлення до них. Відображення національно-культурних зв'язків у структурі особистості знаходить своє відбиття у її національній самосвідомості. Національно-культурне самовизначення особистості відбувається вільно, охоплюючи всі рівні буття та свідомості, і це не просто вибір, а «своєрідна духовна акція культурного самовизначення яка за своїм доленосним значенням дорівнює актові самотворення людини» [8, 312-313]. Подібне самовизначення відбувається шляхом осмислення особливостей своєї нації як органічної складової світової спільноти, усвідомлення власного та національного самовияву, як нерозривної форми людського буття.

Цілісна, національно свідома особистість формується лише в умовах національної культури, яка впливає на її життєдіяльність опосередковано – через ідеали, цінності, переживання тощо, і суттєву роль в цих процесах відіграють візуальні образи.

Зазначимо, що місце хореографії як складової суспільного буття у загальнолюдській культурі визначається також її взаємозв'язком з такими сферами суспільного життя як виробництво і побут. Одним з найважливіших аспектів взаємозв'язку хореографії і суспільства є безпосередня взаємодія хореографії зі сферами суспільної свідомості: мораллю, релігією, наукою і філософією, та різноманітними видами мистецько-художньої діяльності.

Значення хореографії в духовно-культурній сфері суспільства, форми її взаємодії з іншими культурними феноменами і ставлення до них суспільства і є предметом соціальної філософії, що розглядає хореографічні процеси через призму різноманітних зв'язків, у яких задіяна хореографія як одна із сфер культури, у розумінні того, що розвиток хореографічної культури є специфічним елементом історичного процесу конкретного етносу. Складність зв'язків хореографії з життям конкретної нації, із усіма різновидами людської діяльності – свідчення багатства духовного змісту національного хореографічного мистецтва і надзвичайної складності його в контексті соціально-філософського інтерпретації, що є абсолютно правомірним так як вона в художніх образах відтворює усю палітру суспільного буття.

Хореографія як складова національної культури, здатна відображати і поєднувати у собі не лише ті зміни, що відбуваються у всіх сферах життя громади певного періоду, але й у тій соціальній та консолідуючій ролі, яку вона відіграє у житті українського народу, різноманітних сферах життєдіяльності людини, що є вагомими складовими компонентами його

національної культури. Дана властивість національної хореографічної культури досліджується нами через аналіз розвитку традиційної народної культури, взаємозв'язків, притаманних хореографічному мистецтву, з іншими багатогранними проявами людської самобутності. Так, зокрема, мова йде про відображення у традиційному хореографічному мистецтві християнських канонів та морально-етичних норм, що впливають на суспільну свідомість її світогляд через призму художніх образів трансформуючись у національну доктрину українського мистецтва.

Перед сучасним світом, що стрімко і динамічно розвивається, а відповідно і перед мистецтвом, що віддзеркалює усі його проблеми постає завдання пошуку шляхів, засобів і механізмів стабілізації соціальних явищ. Особливо це прагнення підсилюється в періоди суспільно-економічних криз та природних катаклізмів. Людство досягло усвідомлення необхідності забезпечити національно-ментальну стійкість на основі загальновизнаних констант: філософських, моральних, наукових, релігійних, естетичних і інших.

У колі цих цінностей особливе місце займає хореографія, що відображає, з однієї сторони, у специфічному ракурсі універсальні закономірності буття, з іншої сторони – духовної першооснови, що є фундаментом формування основ сучасної моралі.

Хореографічне мистецтво всім своїм художньо-естетичним змістом доносить до сучасного суспільства незримі цінності та канони напрацьовані людством. Більш того, саме в результаті унаочнення та художнього переосмислення, твори мистецтва набувають дієвої здатності впливати на розв'язання соціальних, моральних та естетичних колізій сучасності. Адже в творах хореографічного мистецтва як минулого, так і сучасності закладені філософські, політичні, соціальні, моральні, естетичні ідеї, котрі можуть завдяки художній формі поставати засобом осягнення і практичного перетворення світу. Внаслідок унаочнення хореографічне мистецтво спроможне одночасно збагачувати особистість і чуттєвим досвідом, і інформацією, що уможливорює збалансованість когнітивних і афективних чинників у виховному процесі, воно здатне забезпечити комплексний вплив на всі сфери особистості (пізнавальну, емоційну і вольову), на її свідомість та підсвідомість.

Отже, унаочнення, завдяки своїй безпосередності, очевидності та показовості суттєво розширює формуючі функції хореографічного мистецтва (на відміну від інших видів мистецтва), дає змогу більш ефективно й цілісно впливати на процес національного становлення особистості, формувати її духовні потреби, патріотичні почуття, світоглядні й ціннісні орієнтації та національну свідомість і самосвідомість. Це дає можливість спрямувати формотворчий вплив хореографічного мистецтва на вироблення нової національно-світоглядної системи, в результаті якої буде формуватися цілісна особистість, репрезентант національної культури з високим духовним потенціалом, творча, активна, з критичним мисленням індивідуальність, здатна до повноцінної самореалізації.

Хореографічна культура, що володіє багатовидовою і багатожанровою структурою, являє собою сформовану систему соціалізації особистості, що поєднує хореографічні здобутки, та сам творчий процес, впливає як на безпосередніх учасників танцювального колективу так і на глядацьку аудиторію, адже, «мистецтво – це стосунки між людьми, між артистом і аудиторією; і витвір мистецтва – це всього лише механізм, який і митець, і публіка повинна усвідомлювати як частину даного процесу [3]».

Література

1. Бабаков В., Семенов В. Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы). – М.: ИФРАН, 1996. – 70 с.
2. Березін А. Психологічні чинники генези національної самосвідомості особистості. Автореф. дис... канд. псих. Наук: 19.00.07 / Ін-т психології ім. Г. С. Костюка АПН України. – К., 2002. – 18 с.
3. Ганн К. Корнелиус Кардью – марксист в музыке [Электронный ресурс] / К. Ганн // Стаття-вступлення к изданию книги Корнелиуса Кардью «Штокгаузен – прислужник империализма». Режим доступа : http://www.aposition.org/site/topic_music_history.htm#1.
4. Гнатенко П. Український національний характер. – К.: ДОК-К, 1997. – 116 с.
5. Імамвердієв Н. Феномен національного у буденній свідомості суспільства, що трансформується. Автореф... канд. філос. наук: 09.00.03 / Південноукраїнський державний педагогічний університет (м. Одеса) ім. К. Ушинського. – Одеса, 2002. – 19 с.
6. Корнієнко О. Національні цінності особистості: сутність та особливості формування. Автореф... канд. філос. наук: 09.00.03 / Київський університет імені Тараса Шевченка. – К., 1998. – 18 с.
7. Кресіна І. Українська національна свідомість і сучасні політичні процеси (Етнополітичний аналіз). – К.: Вища школа, 1998. – 392 с.
8. Лисий І., Мазепа В. Національні виміри художньої культури (до постановки проблеми) // Феномен української культури: методологічні засади осмислення. – К.: Фенікс, 1996. – 478 с. – 306 – 318
9. Мізіна Л. Інтерпретація історії мистецтва як проблема естетичної науки // Актуальні філософські та культурологічні проблеми сучасності. Зб. наук. Праць / Відп. ред. М. М. Бровко, О. Г. Шутов. – К.: Віпол, 2003. – 243 с. – 94 – 100
10. Наконечна О. Естетичне як тип духовності. Автореф. дис... доктора філос.. наук: 09.00.08 / Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – К., 2004. – 34 с.
11. Пролев С. Національне буття: тотальність культури та альтернатива побуту (стаття перша) // Філософська думка. – 2002. – №6. – С. 135 – 151
12. Пролев С., Шамрай В. Національний характер і українське буття // Феномен української культури: методологічні засади осмислення. – К.: Фенікс, 1996. – 477 с. – С. 133 – 159
13. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. Трактаты, статьи, ссе. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1987. – 511 с. – С. 264 – 312.

Арташкина Т.А.
д-р филос. наук, профессор кафедры культурологии и искусствоведения
Ху Яньли
аспирантка по специальности 24.00.01. – Теория и история культуры
Школа искусства, культуры и спорта
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия

Экспликация феномена глобализации в философской и научной литературе

В современном мире наблюдается активный процесс глобализации. Критерием отличия глобального явления от неглобального (регионального, локального, частного) выступает пространственный масштаб.

Глобализация определяется в литературе как общемировая экономическая, информационная и культурная тенденция, нивелирующая национальную самобытность исторических культур народов мира [14, с. 159]. Глобализация проявляется в наше время во всех областях общественной жизни. Главным образом, она утверждается в экономике, где глобализация представляет собой процесс втягивания мирового хозяйства, совсем недавно понимаемого как совокупность национальных хозяйств, связанных друг с другом системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, в мировой рынок и тесное переплетение их экономик на основе транснационализации и регионализации [4].

Глобализация оказалась одной из наиболее обсуждаемых в последние годы магистральных тенденций мирового развития, а вместе с тем и одним из наименее строго определяемых социальных и политических феноменов. Однако не совсем ясно, с какого именно периода времени в человеческой истории можно вести речь о столь глубоком переплетении институтов и социальных связей.

Как считают некоторые исследователи, некоторые черты глобализации проявились уже в эпоху античности. Римская империя была одним из первых государств, которое утвердило свое господство над Средиземноморьем, что привело к глубокому переплетению различных культур и появлению межрегионального разделения труда в этом регионе. Другие же исследователи считают, что истоки глобализации следует искать в XII-XIII вв., когда одновременно с началом развития рыночных (капиталистических) отношений в Западной Европе начался бурный рост европейской торговли и формирование «европейской мировой экономики» (И. Валлерстайн [5]). После некоторого спада в XIV-XV вв. этот процесс продолжился в XVI-XVII вв.

В научной литературе принято считать, что впервые о глобализации заговорили американские ученые.

Рассматривая феномен глобализации в философском контексте, Ф. Джеймсон выделяет четыре логически мыслимые позиции. Первая сводится к утверждению, что такого явления, как глобализация, в природе вовсе не существует, поскольку мир остается разделенным на национальные государства. Сторонники второй точки зрения также считают, что глобализация не является новым явлением, потому, что «глобализация существовала всегда, как только люди стали мигрировать по планете и торговать друг с другом». Третий подход к данному феномену связывает этот процесс с созданием мирового рынка – конечной целью капитализма. Четвертый подход, к которому склонен присоединиться сам Ф. Джеймсон, трактует глобализацию как новую, или третью (после частного и монополистического капитализма), стадию развития капитализма – стадию «многонационального капитализма» (цит. по: [3]).

Что же означает термин «глобализация»?

Так, американский социолог Р. Робертсон формулирует свою концепцию глобализации, подчеркивая роль культурных факторов в этом процессе. В концепции Р. Робертсона выделяется, с одной стороны, объективный процесс расширения взаимодействия между различными регионами мира, а с другой – отражение этого процесса в сознании людей. По мнению Р. Робертсона, глобальное и локальное не являются взаимоисключающими понятиями. Следствием глобализации становится то, что различные локальные культуры вступают во взаимодействие друг с другом. С точки зрения автора, глобализация не означает универсального распространения каких-либо социальных институтов и культурных символов. Каждая локальная культура по-своему реагирует на процессы глобализации (цит. по: [10]).

Уже упомянутый нами Ф. Джеймсон предлагает трактовать глобализацию как противоречивый процесс, как «не превращающуюся во всеобщее всеобщность..., которая интенсифицирует бинарные отношения между своими частями – в основном нациями, но также регионами и группами, которые, однако, продолжают самоопределяться на основе модели национальной идентичности» (цит. по: [3]).

М. Хазин выделяет три аспекта феномена глобализации [6]. Во-первых, глобализация – это надстройка. Политическая, идеологическая, культурная – над одним, абсолютно материальным процессом мирового разделения труда. Человечество, начиная с XVIII в., находится в научно-техническом развитии, что сопровождается увеличением рынков. Автор считает, что глобализаций в XVIII в. было много – каждая крупная страна вела свою систему разделения труда. Во-вторых, глобализация – это процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Основным следствием этого является мировое разделение труда, миграция в масштабах всей планеты капитала, человеческих и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение культур разных стран. Это объективный, естественноисторический процесс, который носит системный характер. И,

наконец, в-третьих, глобализация – это процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения (например, тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах.

Анализ показывает, что при определении феномена глобализации все авторы определяют глобализацию как процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. В то же время, в литературе существует множество трактовок глобализации как явления. Интересно отметить, что отношение к глобализации – положительное, негативное, осторожное – зависит от уровня социально-экономического и политического развития стран.

В литературе разделяются два понятия: «глобальная экономика» и «глобализация экономики».

Сложившися в последние два десятилетия экономику нового типа американский социолог испанского происхождения М. Кастельс называет информационной и глобальной. М. Кастельс считает, что «глобальная экономика – это совершенно новая историческая реальность, отличная от мировой экономики, в которой процессы накопления капитала происходили во всем мире и которая... существовала по меньшей мере с шестнадцатого века. Глобальная экономика – это экономика, в которой национальные экономики зависят от деятельности *глобализированного ядра*. Последнее включает в себя финансовые рынки, международную торговлю, транснациональное производство, в определенной степени науку и технологию и соответствующие виды труда. В целом можно определить глобальную экономику как экономику, чьи основные компоненты обладают институциональной, организационной и технологической способностью действовать как общность (целостность) в реальном масштабе времени» [8, с. 64]. М. Кастельс специально подчеркивает, что в отличие от мировой экономики, существующей на Западе с XVI в., суть которой заключается в том, что процесс накопления капитала происходит по всему миру, глобальная экономика представляет нечто другое. Это экономика, «способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты» [9, с. 64].

Как отмечает О.И. Шкаратан, такого подхода к экономической глобализации в мировой литературе до М. Кастельса не было [15].

Глобализация экономики – одна из закономерностей мирового развития, неизмеримо возросшая по сравнению с интеграцией взаимозависимость экономик различных стран. Связана с формированием экономического пространства, где отраслевая структура, обмен информацией и технологиями, география размещения производительных сил определяются с учетом мировой конъюнктуры, а экономические подъемы и спады приобретают планетарные масштабы.

Ч. Моррисон рассматривает экономическую глобализацию в двух измерениях – на микроэкономических и на макроэкономических уровнях.

Рассматривая глобализацию микроэкономического уровня, Ч. Моррисон определяет ее как «особую стратегию компаний, направленную на преодоление ограничений, связанных с существованием национальных политических границ, посредством переноса производства в другие страны и расширения рынков сбыта». На макроуровне ученый характеризует глобализацию как «единство сил, интегрирующих национальные экономики в мировое сообщество». К таковым силам Ч. Моррисон относит «потoki спекулятивного капитала, прямые иностранные инвестиции, передачу технологий, рост торговли товарами и услугами, движение капитала и легальной и нелегальной рабочей силы, туризм и даже распространение в мире идей, норм поведения и жизненных ценностей» (цит. по: [3]).

Английский ученый Л. Склэр рассматривает глобализацию в социологическом аспекте. По его мнению, главной отличительной чертой идеи глобализации является то, что «многие современные проблемы не могут быть адекватно изучены на уровне национальных государств, т.е. в терминах международных отношений, и требуют глобальных (транснациональных) подходов». Ученый отмечает, что современные исследователи глобализации фокусируют внимание на двух ключевых аспектах: во-первых, на количественных и качественных изменениях в работе транснациональных корпораций в результате «глобализации капитала и производства» и трансформации технологической базы и, во-вторых, на широте охвата населения воздействием средств массовой информации. К этому Л. Склэр добавляет собственную теорию «глобальной системы» (цит. по: [3]).

Как видим, рассмотренные нами концепции глобальной экономики в той или иной степени охватывают и определенные характеристики изменяющейся культуры.

Другой американский ученый У.Д. Мигноло, специалист по истории литературы и антропологии, рассматривает проблему глобализации в широком историческом аспекте. У.Д. Мигноло трактует глобализацию как третий заключительный этап «глобальной трансформации, начиная с 1945 г.». Первыми двумя он считает крушение соответственно колониальной и социалистической системы. Ученый проводит параллель между современной глобализацией и начавшейся с 1500 г. политикой Европы по «охристианиванию и цивилизовыванию» мира. В современном мире глобализация развивается, прежде всего, транснациональными корпорациями, которые, подобно средневековым распространителям христианства, изменяют жизнь других народов, приобщая их к достижениям цивилизации. Мигноло называет глобализацию «отрицанием отрицания современной действительности» менее развитых государств, – что, по его мнению, и отражает процесс мирового развития (цит. по: [3]).

В литературе также отмечается, что процесс глобализации приводит, как к позитивным, так и к негативным последствиям. Среди позитивных последствий глобализации, помимо имеющих экономический характер, необходимо отметить возникновение социокультурного единства

человечества. А к негативным последствиям той же глобализации относятся следующие явления социокультурного характера:

- насаждение единого стандарта потребления;
- культурно-исторический специфики развития разных стран;
- навязывание определенного образа жизни, зачастую противоречащего традициям данного общества;
- оформление идеи соперничества;
- утрата определенных специфических черт национальных культур.

С одной стороны, единство человечества только кажущееся. Люди говорят на тысячах языков, исповедуют разные религии, придерживаются различных ценностей. Мир многообразен и многолик. С другой стороны, современный мир не оставляет большого простора для разнообразия. Люди в разных уголках планеты едят одни и те же продукты, смотрят один и те же телепередачи, читают одну и ту же литературу и т.д. Однако чем сильнее тенденция к единству, тем ярче проявляется многообразие культур, образов жизни, социальных ценностей. Одно не противоречит другому. Единство человечества дополняет его многообразие.

Китайский ученый Лю Кан, отмечая, что «Китай остается пока социалистической страной и при этом демонстрирует высокие темпы экономического роста», считает, что Китай представляет собой «вызов глобализации», трактуемой как «результат развала социализма советского типа». Еще один китайский ученый Е Цзян предлагает свое понимание глобализации – как «воздействие экономической деятельности на глобальные политические системы». Ван Хэсинь, признавая, что «глобализация является тенденцией развития современного мира», вместе с тем отмечает, что «люди из разных стран мира, прежде всего из развивающихся государств, не обладают на сегодня достаточными знаниями и представлениями о глобализации» (цит. по: [3]).

Областью, где глобализация проявляется наиболее масштабно, является и культура. Глобализация в культуре обладает своими специфическими особенностями. Ключевым вопросом культурной глобализации становится соотношение унификации и многообразия культур.

Можно выделить три основных направления глобализации в культуре.

Во-первых, это процессы социокультурной глобализации на огромных территориях, когда глобализм в культурно-историческом определении предстает как общечеловеческая культура, охватывающая национальные культуры во всех формах своего проявления. Такая глобализация в культурной области не является уникальной новацией нашей эпохи.

А.Я. Флиер отмечает, что процессы культурной унификации и стандартизации на огромных территориях, заселенных многими десятками народов, нивелирования их культурного разнообразия вплоть до полной ассимиляции в чуждой для них культуре наблюдались и в более ранние исторические эпохи [14, с. 161-163]. Можно считать, что первым исторически зафиксированным примером такого рода глобализации стали

персидские завоевания середины I тысячелетия до н.э. Целенаправленно проводимой глобализацией в сфере культуры оказались походы Александра Македонского и формирование эллинизма как культурной системы, распространившейся от Италии до границ Индии. В то же время А.Я. Флиер считает, что многочисленные волны Великого переселения народов не несли в себе признаков культурной глобализации. Напротив, эпоха Средневековья ознаменовалась тремя, быть может, самыми масштабными в истории человечества акциями культурной глобализации. Речь идет о распространении трех мировых религий – буддизма, христианства и ислама [14, с. 161-163].

Во-вторых, для современной культурной глобализации в социокультурном аспекте ее осмысления характерно сближение деловой и потребительской культуры между разными странами мира и рост международного общения [4]. Другими словами, это рост числа транснациональных корпораций, действующих в сферах производства товаров и услуг массового потребления, расширение их экономического потенциала, объемов производства и рынков сбыта. Неизбежная при этом стандартизация большинства подобных товаров и услуг стимулирует заметную унификацию элементов материальной цивилизации и образов жизни существенной части населения Земли. Это, в свою очередь, ведет к снижению культурного разнообразия жизни человеческих сообществ. При этом номенклатура соответствующих товаров и услуг постоянно растет и включает в себя набор многообразных культурных форм. В сфере товаров – от модных архитектурных и дизайнерских проектов до предметов кулинарии, личной гигиены, одежды и бытового обихода. В сфере услуг – от популярных туристических маршрутов и мест отдыха до операций по изменению пола и косметического обслуживания. Все это – активная экспансия в сферу повседневного образа жизни человека, его сознания и подсознания, мировоззрения, идеологии, вкусов, оценочных предпочтений и т.п.

Аналогично происходит «раскрутка» перспективных авторов, исполнителей и произведений искусства; оригинальных философских доктрин, эзотерических течений и активное повышение интереса к традиционной религиозности. Все это может быть в той или иной мере «модным». Существенную роль в этом процессе играют средства массовой информации (нередко представляющие собой такие же транснациональные медиакорпорации, как и корпорации в сфере экономики), стимулирующие массовый, а порой и ажиотажный спрос на те или иные товары и услуги по всему миру. Доходы от трансляции или публикации рекламы составляют существенную часть бюджетных поступлений современных СМИ.

С одной стороны, это приводит к популяризации отдельных видов национальной культуры по всему миру. С другой стороны, популярные международные культурные явления могут вытеснять национальные или превращать их в интернациональные. Многие это расценивают как утрату

национальных культурных ценностей и борются за возрождение национальной культуры.

В-третьих, глобализация в сфере культуры все в большей степени проявляется под влиянием технических и технологических изменений, что создает определенные предпосылки для формирования некоего единого человеческого сообщества, все в большей степени объединяемого общими целями, ценностями и интересами. Важным феноменом, преобразившим во многом облик социокультурной жизни индустриального общества, стало такое явление, как массовая культура. Массовая культура – это культурная продукция (в самом широком смысле слова – от произведений искусства до потребительских товаров и кулинарии), создаваемая и распространяемая профессионалами в расчете на потребление на коммерческой основе широкими массами людей вне зависимости от социального положения, пола, возраста, национальности и т.д.

Современная массовая культура опирается на стремительное развитие средств массовой коммуникации и индустрии культуры: периодическую печать, кинематограф, радио, телевидения, аудио и видеозаписи, компьютерные сети. Ее формирование связывается с процессами модернизации общества, демократизацией и индивидуализмом, усложнением процессов производства, распространением рыночных отношений, ростом благосостояния основной массы населения. Хотя массовая культура зарождается только в конце XIX столетия, ее истоки уходят в глубокое прошлое. К.Э. Разлогов приводит следующие примеры, иллюстрирующие данный тезис: требование «хлеба и зрелищ» эпохи Римской империи, европейская церковная культура Средних веков, популярная беллетристика [12, с. 307].

Становление массовой культуры в развитых странах Европы и Америки, включая Россию, относят к рубежу XIX-XX вв. Предпосылками массовой культуры стало появление доступной литературы и картинок для «простого люда», а необходимым условием – распространение грамотности. В 1895 г. был изобретен кинематограф, ставший средством массового искусства, близкого всем, без различия пола, возраста, вероисповедания, не требующий даже элементарной грамотности для своего восприятия. К тому же периоду относится и широкое распространение фотографии, ставшей массовым средством информационного реализма. Важнейшим сдвигом было изобретение и внедрение граммофонной записи, что породило еще один раздел будущей массовой культуры.

Благодаря формированию общепланетарного информационного пространства, основанного на новейших достижениях средств связи, информатики и вычислительной техники (особенно в связи с массовым использованием космических ретрансляторов информационных потоков и развитием Интернета), наблюдается жесткая экспансия со стороны производителей информации, грубо вторгающаяся в более или менее самодостаточную, а порой и самоизолированную интеллектуальную и гуманитарную культуру народов «незападной» ориентации. Глобализация

такого типа в культуре нередко отождествляется с американизацией, что связано с усилившимся во второй половине XX века влиянием США. Известный американский политолог, один из ведущих идеологов внешней политики США, автор глобальной стратегии антикоммунизма З. Бжезинский любил повторять фразу, которая стала со временем крылатой: «Если Рим дал миру право, Англия парламентскую деятельность, Франция – культуру и республиканский национализм, то современные США дали миру научно-техническую революцию и массовую культуру» (цит. по [7, с. 76-77]).

Появление массовой культуры стало предметом осмысления и в современной западной философии. Так, возникновение понятия массовой культуры тесно связано с критикой массового общества (Х. Ортега-и-Гассет [11]), с анализом новых технологий создания и распространения произведений искусства (В. Беньямин [2]), с обличением индустрии культуры (Т. Адорно, М. Хоркхаймер [1]).

Понятно, что в разных странах, в разных культурах, глобализация идет по-разному. В частности, Китай выступает как активный субъект и одновременно объект глобализации. В экономике Китай является субъектом глобализации. Например, благодаря процессу глобализации экономика Китая в последние 30 лет очень быстро развивается в разных областях. А в культуре Китай выступает объектом глобализации. Так, в последние годы китайцы стали отмечать иностранные праздники (рождество, день всех влюбленных и т.д.).

Лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц в свое время писал: «Именно разнообразие культур имело решающее значение для высшего развития человечества. Оно привело к тому, что различные культуры вступали в соревнование друг с другом в различных областях и с различными средствами. Они ели разную пищу, пользовались разными орудиями и сражались разным оружием. Эта форма соревнования культур, преобладавшая в прежние времена, была одним из важнейших факторов, вырабатывавших у людей интеллект, подвижность ума, изобретательность и т.п.» (цит. по: [13]). Ныне же «границы между культурами размываются и исчезают, этнические группы во всем мире стремятся слиться в единую общечеловеческую культуру. Этот процесс на первый взгляд может показаться желательным, поскольку он способствует уменьшению взаимной ненависти наций. Но наряду с этим уравнивание всех народов имеет и другое, уничтожающее действие... межкультурный отбор теряет свое творческое действие» (цит. по: [13]).

Другими словами, культурная экспансия ведет к унификации картин мира и образов их отражения в культуре, традиционно свойственных тем или иным народам, т.е. опять-таки несет в себе опасность понижения уровня культурного разнообразия человечества.

Литература

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения: философские фрагменты. М.; СПб., 1997.

2. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М., 1996.
3. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учеб. пособие / под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2002. URL: <http://gendocs.ru/> (дата обращения: 21.01.2013).
4. Глобализация [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%EB%EE%E1%E0%EB%E8%E7%E0%F6%E8%FF> (дата обращения: 21.01.2013).
5. Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна: Реф. сб. М., 1998.
6. Закат империи доллара [Электронный ресурс] / Радио Эхо Москвы. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/opponent/553559-echo/> (дата обращения: 27.01.3013).
7. Карцева Л.В., Шабалина Ю.В. Социология культуры: учеб. пособие. М., 2009.
8. Кастельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.С. 64-84.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000.
10. Маслова А.Н. Процессы глобализации с социологической точки зрения: определения и концепции // Актуальные проблемы экономической социологии: Сб. науч. трудов студентов, аспирантов и преподавателей. М., 2008. Вып. № 9. С. 146-153.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002.
12. Разлогов К.Э. Теоретическая культурология. М.; Екатеринбург, 2005.
13. Соколов К.Б. Особенности межкультурного взаимодействия в условиях глобализации культуры [Электронный ресурс] / Институт системных исследований и координации социальных процессов. URL: isiksp.ru/library/sokolov_kb/sokolov-000001.html (дата обращения: 12.03.3013).
14. Флиер А.Я. Страсти по глобализации // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 159-165.
15. Шкаратан О.И. Мануэль Кастельс – мыслитель и исследователь. Предисловие научного редактора русского издания // Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура [Электронный ресурс] / Библиотека Гумер – Политология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php (дата обращения: 22.03.3013).

Степанов А.Н.

*К. филос. наук, доцент кафедры философии
Самарского Государственного Технического Университета,
г. Самара, Россия*

Туровец С.Д.

*Студент 2 курса Инженерно – Экономического Факультета
Самарского Государственного Технического Университета,
г. Самара, Россия*

Эстетическая суть добра

Проблема эстетической сути добра рассматривается с позиций аксиологических ценностей: анализируется историческое понимание содержания добра, его философская эстетическая интерпретация, его социальные проявления в жизни человека и общества, его созидательное значение для человека и общества. Так, например, в философском словаре даётся определение понятия добра и зла. «Добро и зло – морально-этические категории, в которых выражается нравственная оценка поведения людей (групп, классов), а также общественных явлений с определённых классовых позиций» [1, с. 130].

Эстетическими основами доброго социального бытия являются этические воззрения и идеи, теории и концепции, мировоззрение и идеология. Ещё в Древней Греции основные идеи этики добродетели разработал Аристотель. Так, согласно Аристотелю, главными добродетелями являются: мудрость, рассудительность, мужество, справедливость. А в современных философских воззрениях к ним добавились разумность, интеллигентность, толерантность, коммуникабельность, справедливость, свободолобие. Так под добром понимается моральный источник, нравственное начало, достойное подражания. Истинными благодетелями человечества считаются те, что приносят человеку и обществу свет научного, культурного, социального знания и повышают уровень материального бытия людей. Их антиномиями является – всё то, что искажает суть жизни и социально-полезное знание, что препятствует постижению истины, умножая ложь, унижая и обедняя человека.

Таким образом, зло имеет противоположное добру значение, проявляющееся как безнравственное, аморальное, бескультурное содержание, достойное этико-эстетического осуждения. Зло всегда связано с отсутствием гуманной добродетели. Следовательно, оно представляет собой антиэстетическое содержание мышления, поступков и деяний человека. Зло всегда вредоносно, губительно, разрушительно и для человека, и для общества. «Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь, или препятствует ей» [2, с. 218].

Эстетическая телеология добра устремлена не столько в прошлое, сколько в настоящее и будущее, следовательно, каждое поколение ожидает сегодня и будет ждать в будущем добра, которое невозможно сотворить без сегодняшней добродетели. Таким образом, видна историческая

составляющая и аксиологическая преемственность добра как эстетической ценности, без которой невозможно милосердие и гуманность, трудолюбие и честь, стыд и совесть, мораль и правда. «Доброта – единственное одеяние, которое никогда не ветшает» [3, с. 60].

Под эстетической антропологической добродетелью понимаются такие качества личности, реализуя которые человек мыслит, поступает и трудится по закону доброты. Действуя в соответствии с добродетелями, человек ответственно трудится, мыслит и относится к любому другому человеку нравственно. Добродетель как социальная ячейка гуманизма является источником и мерилom построения научно высокотехнологичного, нравственно культурного, социально справедливого, материально богатого общественного бытия.

Предвосхищая эстетическую суть добра, следует отметить, что духовно-нравственного и материального добра будет больше у каждого человека в том обществе, в котором люди нравственнее, культурнее, интеллектуальнее, образованнее, трудолюбивее и социально справедливее. Таким образом, эстетическая суть добра имеет великую прогрессивную преобразующую силу, консолидирующую семью и группы, коллективы и народы, нации и общество, государство и человечество.

Литература

1. Философский словарь / Под редакцией И.Т. Фролова, М. Издательство Политической Литературы, 1987. – 130 с.
2. Швейцер А. Благоговение перед жизнью – М.: Издательство Прогресс, 1992. – 218 с.
3. Торо Г.Д. Как обрести индивидуальную свободу – Мн.: Харвест, 2006. – 60 с.

Степанов А.Н.

*К.филос.наук, доцент кафедры философии
Самарского Государственного Технического Университета,
г.Самара, Россия*

Юдаева Ю. С

*Студентка 2 курса Инженерно – Экономического
Факультета Самарского Государственного Технического Университета
г. Самара, Россия*

Эстетическая суть техники

Техника и технология существовали в истории человечества с момента появления людей. Историческая функциональность техники видится в индивидуальной и общественной производственной деятельности, представляя собой непрерывный процесс совершенствования орудий труда. Ход человечества определяется историческим процессом развития и совершенствования техники и технологии, а процесс исторического совершенствования орудий труда определяет эстетическую суть техники. Как научно-философское и эстетическое достижение с всеобще-универсальным

и детерминирующим характером техника обрела в Новое и в Новейшее время. Проблема исторического эстетического генезиса техники, как философская проблема, приобретает в жизни человека и цивилизации все более важное значение, становясь предметом изучения. В этот период вырастает потребность философского осознания эстетического феномена техники и производственной деятельности.

В центре внимания философии техники находится проблема эстетического смысла, сущности, понятия и предназначения техники. Так эстетическая проблема развития и совершенствования техники постепенно становится актуальной областью современного философского знания. С момента своего появления, техника приобрела по своему функциональному, социально-эстетическому предназначению двойственный характер: с одной стороны, технические устройства и приспособления служили человеку в качестве орудий труда, способствующих эффективному выполнению производственного процесса. Ещё Аристотель писал, что "из существующих предметов одни существуют по природе, другие – в силу иных причин" [1.с.82]. С помощью техники улучшается качество вещей, предметов, жилья и продуктов. Эстетическая суть техники проявляется в её функции – создавать новое более современное качество, свойство и красоту. Поэтому красота есть «эстетическая мера совершенства предметов и явлений, их ценностное значение для человека» [2.с.164].

Другая сторона эстетической сути техники как орудий труда проявляется в их гуманном использовании, однако и она определяется двумя содержаниями: первое, в качестве оружия, используемого для обеспечения сообщества продуктами питания (охота на животных), а второе содержание – самозащита человека, семьи, рода, племени, общества. Таким образом, обнаруживаем, что лишь агрессивное использование оружия не несет в себе генезис эстетической функциональности.

Таким образом, эстетический смысл и суть техники как средства человеческой деятельности, заключается в усилении производительных возможностей человека, в том числе интеллектуальных. Мы окружены миром технического в онтологическом и в методологическом смысле. Вокруг нас в изобилии различные артефакты – сооружения, машины, дорожные покрытия, наша собственная одежда, жилье и т.д. Но это не определяет социально- эстетический смысл технической цивилизации. Эстетическая суть «технического» заключается как в результативности технической деятельности, так и в способе совершенствования условий жизни на основе техногенного труда.

В современной философии эстетическая проблема понимания созидательной сути понятия техники является важнейшей. Мерилом эстетического понимания сути техники являются не столько артефакты, сколько деятельная сторона человека, уровень совершенства деятельности, регулярность, повторяемость и аккумуляция качественного совершенства действий. Таким образом, эстетическая суть техники является более объемлющей, как практика социальных отношений, особенно процесс

совместной трудовой деятельности человека. Эстетическая суть техники – это форма производственно-распределительных отношений, в которых сосредоточены отношения цель и средство. «Техника возникает, когда для достижения цели вводятся дополнительные средства» [3.с. 122].

Таким образом, понимание эстетической сути техники как общественной деятельности рассматривается как социально-телеологическая функция. Поэтому эстетическая телеология категории «техника» – есть социально-исторический процесс развития и совершенствования техники, оценка возможных перспектив, последствий и путей технического развития, влияющих на социально-политическое, социально-экономическое, социально- психологическое развитие общества. Так, эстетическая суть техники – его научно-производственное совершенство, способствующее созданию для человека и общества комфортных условий труда, учебы, творчества, спорта и досуга. Эстетическая суть техники во многом определяет содержание, характер, тенденции и исторические перспективы развития общества, государства, цивилизации, влияя на процесс культурного и созидательного становления человека, рода, племени, народа, нации и цивилизации.

Литература

1. Философия техники: монография /под ред. Негодаева И.А., 2003. – 537 с.
2. Тематический философский словарь/под ред. Некрасовой Н.А., Некрасова С.И., Садиковой О.Г., 2008. - 164 с.
3. Философия техники: монография / под ред. С.С. Бескаравайного, В.П. Капитона, 2011. - 302 с.

Степанов А.Н.

*К.филос.наук, доцент кафедры философии
Самарского Государственного Технического Университета,
г. Самара, Россия*

Бочкова Т.И.

*Студентка 2 курса Инженерно – Экономического Факультета
Самарского Государственного Технического Университета,
г. Самара, Россия*

Эстетический смысл бытия человека

Известно, что объектом исследования антропологической философии является человек как уникальный феномен живой природы. Существуют разные точки зрения по поводу исторического генезиса человека, а в данной работе попробуем провести аксиолого-эстетический анализ смысла бытия человека.

В современной философии человек рассматривается как био-психо-социальное существо, создающее и постоянно трансформирующее содержание «второй природы», которая представляет собой духовно-материальную культуру человека и общества. Эстетический смысл био-сути человека представляет собой гармонию функционирования телесного

организма на генетическом клеточном уровне, которая внешне проявляется как иммунитет, здоровье и долголетие.

Эстетический смысл психо-сути человека проявляется как возвышенное совершенство интеллекта и гуманной нравственности человека. С эстетических позиций социо-суть человека понимается как гуманная гармония индивидуального и коллективного, личного и общественного, то есть пропорционально сбалансированное содержание интересов человека и общества, частного и социального, потребностей и возможностей. В конечном счете, эстетический смысл социо-сути – это наличие гуманной гармонии в обществе, в отношениях социальных институтов и во взаимодействии людей.

Антропологическая сущность человека не исчерпывается только био-психо-социальной сутью. Другими важнейшими его составляющими являются – познавательная и созидательная сути человека. Эстетическое содержание познавательной сути человека формируется, трансформируется, совершенствуется в течение всей жизни. Оно зависит от генотипа человека, социально-исторических условий, от этнической культуры, половой, религиозной принадлежности, от био-психо-социальных обстоятельств и от условий семейного воспитания. «Человек может быть человеком только благодаря воспитанию. Он – то, что делает из него воспитание» [1, с. 446].

Известно, что познание и творчество начинаются с удивления. Эстетический смысл познавательной сути человека рельефно проявляется в его способностях и возможностях к исследованию, изучению, ментальному переосмыслению, познанию неведомого, т.е. к нахождению природных, космологических, культурологических и социальных закономерностей, являющихся основами формирования научно-технического потенциала как источника совершенствования условий общественной жизни. С этой сутью человека тесным образом связана его созидательная суть, которая невозможна без знаний, трудолюбия и производственного опыта. «Труд уже сам по себе – наслаждение» [2, с. 246].

В жизни современного человека эстетический смысл его социального бытия внешне, прежде всего, проявляется в этике взаимоотношений; в том числе и в религиозной этике. Например, одной из нравственных заповедей христианства является догмат: «не убий». Это высшая морально – нравственная заповедь, предохраняющая человечество от взаимоуничтожения. Жизнь есть величайший дар флоры, фауны и социума, поэтому не только убийство, но и суицид рассматривается как тяжкий трагический грех, причиной которого является фатализм недоверия и ропота, безысходности и игнорирования нравственного и прекрасного предназначения человека. Трагически ужасно то, что человек, насильно оборвавший свою жизнь, лишает себя возможности переосмыслить свою жизнь. Поэтому эстетический смысл бытия человека представляет собой жизнь от трагического к совершенному, гармоничному и прекрасному, а не наоборот.

Так, эстетический смысл созидательной сути человека – это его способность к гуманной, творческой, трудовой деятельности, которая внешне проявляется в трудолюбии, созданных изобретениях, рационализациях и в передаче производительных умений от человека к человеку, от поколения к поколению: «Labor omnia vincit improbus. (Все побеждает упорный труд)» [3, с.327].

Таким образом, проанализировав эстетическую суть человека, можем сказать, что ее содержанием и смыслом является образованность и воспитанность, гуманность и интеллектуальность, трудолюбие и справедливость, культура и цивилизованность человека и общества.

Литература

1. И. Кант. Трактаты и письма – М.: Издательство Наука, 1980. – 446 с.
2. К.Д. Ушинский. Собрание сочинений – М.: Издательство АПН РСФСР, 1948 – 1952. Т. 9. – 246 с.
3. Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровский. Словарь латинских крылатых слов – 6-е изд., М.: Издательство «Русский язык», 2001. – 327 с.

Нартдинова С.С.

*Аспирант кафедры философии, социологии и политологии
Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы,
г. Уфа, республика Башкортостан,
e-mail: snartdinova@mail.ru*

Толерантность и межнациональные, конфессиональные отношения: философский аспект

Человек – единственное в известной нам части вселенной живое существо, обитающее в двух мирах одновременно. С одной стороны, он – природное тело, подчиненное всем физическим, химическим и биологическим законам, и вне природного мира его существование немислимо. Эта жизнь жестко ограничена законами природы. Поскользнувшись, человек падает вниз, а не воспаряет в небеса, что продиктовано действием закона тяготения. По тем же законам природы, в один момент времени он может находиться лишь в одной точке пространства и способен передвигаться влево и вправо, но не «во вчера».

Но, с другой стороны, человек принадлежит миру вечности. Стоит ему подойти к книжной полке, протянуть руку, открыть том Аристотеля, и он начинает воспринимать мысли (то есть общаться) с великим мудрецом античности, хотя между ними тысячи лет и тысячи километров. Этот мир вечности свободен от оков времен и расстояний. В нем человек общается с фараонами Древнего Египта и художниками эпохи Возрождения, встречается с гением Гомера и Пушкина, сопереживает взглядам Шекспира и Дидро, «отменяя» пространственные барьеры и закон необратимости времени.

Эта принадлежность человека «двум мирам» была почувствована им уже в глубокой древности. Поэтому он и делит окружающий его мир на мир полиса и мир Олимпа, на мир «горный» и мир «дольный», по-своему отражая и противопоставляя мир земной (природный) – миру божественному, мир преходящий – миру вечному.

1948 году ООН дала миру свою Всеобщую Декларацию о правах человека; хартию о том, какие человеческие права может отстаивать человек как основу своего человеческого достоинства. Статья 18 этой Декларации гласит:

«Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или веру, и свободу, одному или в сообществе с другими публично или лично, проявлять свою религию или веру в обучении, практике, поклонении и соблюдении обычаев.

Тема человеческой природы неисчерпаема. Понимание бытия человека всегда, при любых обстоятельствах, в любых исследованиях относительно.

В науке (и прежде всего естественной) мыслители нового времени усматривали реальный путь к улучшению не только природной среды, но и самого человека. Однако века, прошедшие со времён Декарта и Спинозы (и в особенности последний – двадцатый) показали наивность таких представлений [3, с.23].

В России в 90-е годы прошлого века, на фоне трансформации ценностных ориентаций молодежи, хлынул мощный поток западных (в том числе информационных) продуктов. Это осуществлялось в условиях, когда люди были не подготовлены к такому огромному потоку информации и не знали, как с ним управляться. Именно в этот момент в массовое сознание российского общества начинают закладываться новые ценности и жизненные цели, не характерные для всей предыдущей культуры. Престижными, «прогрессивными», «современными» объявляются только личный успех, индивидуализм с одновременным высмеиванием всеобщего народного интереса, государства, социальных институтов, патриотизма, духовной собственности в виде исторической памяти и национальной культуры; осуществляется подмена духовных устремлений телесно-чувственными вожделениями, фетишизмом вещей и внешних наслаждений; гедонизмом. Как подчеркивает С.З. Гончаров, везде делается ставка на понижение ранга ценностей, на сведение высокого к низкому [1, с.106].

И именно сейчас настал тот момент, когда нам необходимо задуматься о культурной безопасности, если мы хотим улучшения ситуации в будущем. Но основы терпимости либо нетерпимости, агрессивности либо толерантности закладываются культурой. Образование же выступает механизмом межпоколенной трансляции культуры. Все современные нации, подчеркивается в Онлайн Энциклопедии Кругосвет, в культурном, религиозном и политическом отношении более плюралистичны, чем традиционные сообщества, которые сохраняли свое единство за счет фундаментальных традиций в культуре или религии. Культурный и

религиозный плюрализм вызвал к жизни толерантность, необходимую для становления общности в условиях плюрализма. Толерантность была, с одной стороны, необходимым побочным продуктом этого плюрализма, а с другой – условием его дальнейшего развития.

В человеке, наряду с материальной, имеется духовная сторона, которая вопреки «естественному отбору» предписывает ему заботиться о слабых и больных собратях, причем не только о своих родственниках и соотечественниках, но о всех людях. Причем не из утилитарных мотиваций, сознательных или бессознательных. Человечество больше теоретически, чем практически, но все же преодолело клановую языческую социальную этику и выработало важнейшее понятие универсальной социальной этики: «справедливость» - т.е. тот идеал, к которому следует стремиться всем людям. Основные заповеди мировых религий также призывают к нравственной чистоте и справедливости. Универсальный принцип справедливости, преодолевающий национальные, социальные, экономические, образовательные и пр. различия людей является основой «естественного права», которое в ходе исторического развития порой вытесняет в человеческом мире «естественный отбор». Духовная сила права должна заменить биологическое «право силы». Ни в какую животноводческую природную целесообразность это уже не вписывается, хотя материалистами и делались попытки в терминах социального дарвинизма объяснить универсалию справедливости, её регулятивную функцию, а затем подогнать практику под теорию. Много зависит от того, куда направлена воля человека: к материальной или духовной стороне бытия. Первая сторона побуждает к эгоизму, вторая – к альтруизму. Основная сложность состоит в том, чтобы помогать именно на тебя не похожим по вере, по мировоззрению, по социальному положению, по цвету кожи. Именно в этом пункте человек проявляется как человек, а не как животное.

Здесь, конечно, возникает много вопросов: что такое духовное начало, какие могут быть стимулы для сознательного самопожертвования одного человека ради другого, ради чего следует ежедневно «терпеть» совершенно непохожих на себя людей, как превратить вымученное терпение в радость от разнообразия этого мира?

Пытаясь ответить на эти вопросы, мы неизбежно приходим к философии, религии, антропологии (религиозно-философскому учению о человеке). Вступая в эту сферу, мы утрачиваем большинство измерительных инструментов, пригодных для материального мира. Остается лишь одна дискретная видимая данность – поступок, который оценивается в рамках традиционной бинарной оппозиции добра и зла. Продолжают существовать вечные вопросы: что есть добро и зло? Что есть истина? Есть ли объективный критерий для оценки этих понятий или они сами являются этим критерием? Сегодня следует твердо сказать: общечеловеческие ценности существуют, но недостаточно проявлены. В этих понятиях, образно говоря, существует два измерения: вертикальное и горизонтальное. Первое связано с

абсолютным, общим. Второе – с относительным и частным. Первое измерение связано с трансцендентным началом, с Богом, воля которого выражена в Священных писаниях, в заповедях, которые в целом тождественны во всех мировых религиях. Второе измерение связано с конкретно-историческими и экономическими обстоятельствами, обуславливающими представления людей о добре и зле, о справедливости. Первое измерение не очевидно, зато второе – ощутимо вполне. В истории была сделана однажды попытка отказаться вообще от первого вертикального измерения (связанного с Богом) и целиком сосредоточиться на втором – земном. Теоретическим основанием для этого послужил небезызвестный «исторический материализм». Этот эксперимент был произведен в России, чем он закончился – хорошо известно.

Проблемы толерантности, затрагивающие интересы науки и религии имеет глубокие исторические корни. Социально-философское и религиозное обоснование толерантности изучены следующими учеными: (Л.М. Дробужева, В.М. Золотухин, Г.У. Солдатова, П.М. Козырева, В.А. Лекторский, А.В. Перцев, Б.М. Хомяков, С. Хантингтон, И. Валлерстайн, А. Гжегорчик, К. Поппер, А. Токвиль, М. Уолцер, А. Этциони и др.) в которых определены основные три подхода к урегулированию конфликтов: предупреждение, улаживание, разрешение.

Автор статьи ставит своей целью еще раз обратить внимание на зависимость бытия в мире от многочисленных факторов, которые изменчивы; подтвердить, что толерантность в целом в бытии человека, особенно межнациональные и конфессиональные отношения и религиозная толерантность, в частности, являются необходимым условием для сосуществования в любом обществе, что воспитание молодежи в духе толерантности главная проблема нашего общества.

В разных языках толерантность определяется по-разному. Во французском языке толерантность означает отношение, допускающее, что другие могут думать или действовать иначе, нежели ты сам. В русском языке она трактуется, как способность терпеть, мириться с существованием кого-либо или чего-либо. В любом случае системообразующим элементом этого понятия является «терпимость к другому и любому виду его «иноопыта».

Молодежи в силу возрастных особенностей, свойственен максимализм, стремление к быстрым решениям социальных проблем. В настоящее время наблюдается рост подростковой преступности, происходит возрастание количества молодежных антиобщественных организаций, куда вовлекается неискушенная молодежь. Государство принимает законодательные и различные другие меры по нейтрализации негативного влияния информационного поля, действующего, прежде всего на молодое поколение. В 2012 году в системе образования вводится новая дисциплина «Основы мировых религиозных культур и светской этики». По Конституции России религия отделена от государства, однако накопленный пласт религиозной культуры, наиболее ярко характеризующий взаимоотношения людей друг с другом, с государством, обществом при правильном применении может

послужить хорошим фундаментом для формирования основ нравственности, духовности, морали, этики у молодежи. Особую роль приобретает в настоящее время совершенствование внутреннего мира молодежи и вопрос формирования толерантности, особенно религиозной толерантности.

На фоне стабилизации количества верующих на рубеже XX–XXI вв. наблюдается некоторое возрастание доли «воцерквленных». В настоящее время деятельность религиозных общностей превратилась в важный элемент социальной структуры общества. Лидеры различных конфессий проявляют готовность к сотрудничеству с государством, к участию в решении социальных проблем, религиозные объединения проводят в этом направлении большую работу. «Толерантность – это активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания между этносами, конфессиями и различными социальными группами. А это требует навыков налаживания позитивного взаимодействия между людьми разного пола, возраста, национальной и религиозной принадлежности т.д.» [2, с.117].

Таким образом, путь к толерантности – это серьезный эмоциональный, интеллектуальный труд и психическое напряжение, ибо оно возможно только на основе изменения самого себя, своих стереотипов, своего сознания – каждого человека.

Реализация принципа толерантности в российском обществе теснейшим образом связана с принципом открытости самого общества и государственной системы образования. Введение в общеобразовательных школах и вузах страны хорошо продуманного религиозного обучения подрастающего поколения россиян с учетом всего этнокультурного многообразия страны подчеркнет ее федеративный, демократический характер.

Имеется немало проблем объективного и субъективного характера, которые следует преодолеть, чтобы религиозная культура стала достойным источником духовно-нравственного становления и развития личности.

Приобщение детей и молодежи к своим истокам, к религии позволяет решить многие задачи, связанные с их отношением к семье, к окружению, людям другой национальности и веры; без знания основ религии невозможно понять не только причины многих исторических событий, но и произведения российских и зарубежных поэтов, писателей и художников.

Проблема воспитания толерантности должна объединять людей разных направлений и уровней – психологов, педагогов, воспитателей, родителей, руководителей, лидеров и рядовых специалистов, представителей разных возрастных групп (детей и подростков, взрослых и молодежь), а также представителей различных конфессий, нации и всех других здоровых сил общества.

Литература

1. Гончаров С. З., Логико-категориальное мышление: в 3 ч. Ч. 2: Объективная основа возникновения и развития мысли. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», – 2008. – С.106.

2. Лефевр В.А., От психофизики к моделированию души // Вопросы философии, – 1990. – №7.- С.117.
3. Хазиев В.С., Истина бытия и познания. – Уфа. Китап. 2007, – С. 23

Мельничук Л. Ю.

*К. искусствовед., старший преподаватель кафедры теории и истории искусств
Харьковской государственной
академии дизайна и искусств
г. Харьков, Украина*

Харьковская университетская школа искусствоведения. Егор Кузьмич Редин

С конца 1980-х гг. исследование истории искусствоведения занимает достойное место в работах современных украинских ученых. Харьковская университетская школа искусствоведения, деятельность ее основателей Е. К. Редина и Ф. И. Шмита – одни из основных тем этих исследований, без изучения которых невозможно написание истории украинского искусствоведения.

В 1863 г. в Харьковском университете была создана кафедра теории и истории искусств, что стало началом формирования университетской школы искусствоведения. Однако только в 1893 г. ее возглавил первый специалист искусствовед – Егор Кузьмич Редин. О Редине писали в начале XX в. ученые Д. И. Багалея, М. Ф. Сумцов, В. Данилевич, А. И. Белецкий. Его научную, педагогическую, общественную деятельность рассматривают современные историки, искусствоведы, краеведы: С. И. Побожий, Р. И. Филиппенко, О. Г. Павлова, Л. Ю. Мельничук. Однако, на наш взгляд, самоотверженный труд ученого, который положил начало развитию искусствоведения, искусствоведческого краеведения на Слобожанщине, еще не получил полной и должной оценки.

Е. К. Редин (1863–1908) родился в крестьянской семье в Курской губернии. Закончил Новороссийский университет в Одессе, где вместе со своим товарищем Д. В. Айналовым был постоянным слушателем у Н. П. Кондакова, известного ученого-византиста [1, с. 307]. Научные интересы Редина были связаны с раннехристианским и византийским искусством. Об этом свидетельствует его дипломная работа, посвященная исследованию мозаик и фресок Софийского собора в Киеве, получившая положительный отзыв Российского археологического общества, его магистерская диссертация «Мозаика равеннских церквей», докторская – «Христианская топография Козьмы Индикоплова», а также ряд статей: «Материалы для византийской и русской иконографии», «Древние памятники истории Киева», «Триклиний базилики Урса в Равенне», «Заметки о памятниках Равенны» и др. [2]. Редин изучал памятники древнехристианского и византийского искусства в Италии, Париже, Лондоне, Вене, Берлине,

Мюнхене. Публикации Редина отмечали византинисты Ф. И. Шмит и В. Н. Лазарев. Характеризуя Редина как исследователя, его ученик, историк литературы А. И. Белецкий выделил его любовное отношение к науке, умение проникновенно схватить суть вопроса, уверенное владение научным методом и огромнейшую эрудицию [3, с. 8]. В университете Редина вел курсы истории древнего восточного и античного искусства, истории древнехристианского и византийского искусства.

Однако со временем интересы Е. К. Редина смещаются в сторону изучения Слобожанского искусства и старины. Этому способствовало проведение в августе 1902 г. в Харькове XII Археологического съезда, подготовка к которому сопровождалась археологическими раскопками, собиранием и изучением церковных древностей, памятников искусства и образцов народного творчества Слобожанщины. Подготовительный комитет, созданный за три года до открытия съезда, возглавил Редина. К съезду были открыты выставки церковных древностей, нумизматики, древних рукописей, этнографическая. На заседаниях были заслушаны 92 реферата, изданы семь больших каталогов, специальный альбом. Редина выступил с докладом «Религиозные памятники искусства Харьковской губернии», в котором рассматривалась архитектура деревянных церквей Левобережной Украины. При подготовке к съезду и по итогам его проведения Редина опубликовал ряд материалов: «XII Археологический съезд», «Каталог отдела церковных древностей XII Археологического съезда», «Икона «Недреманное око», «Материалы к изучению церковных древностей Украины. Церкви города Харькова» и др., имевшие своей целью обращение серьезного внимания к искусству Слобожанщины.

Не до конца оцененной, на наш взгляд, является роль Е. К. Редина в развитии музейного дела на Слобожанщине. Вместе с кафедрой Редина получает и заведывание университетским Музеем изящных искусств и древностей, который на то время имел уже достаточно длительную историю и значительное собрание, в которое входили коллекция графики Ф. Аделунга и пожертвования воспитанников Харьковского университета: И. Е. Бецкого, А. Н. Алферова, А. М. Матушинского. Университетский музей занимал особое место среди учебно-вспомогательных заведений университета. Об этом свидетельствует и то, что в разные годы заведующими музея были известные ученые – профессора университета А. И. Кирпичников, Д. И. Каченовский, А. А. Потемня, Н. Ф. Сумцов, Ф. И. Шмит и др. Однако Редина был первым заведующим, являющимся специалистом по истории искусств. Он занимается исследованием истории создания музея, формирования музейной коллекции, составляет научные каталоги. Его статьи «И. Е. Бецкий и музей изящных искусств и древностей Императорского Харьковского университета», «Апполон Михайлович Матушинский», «Каталог библиотеки Императорского Харьковского университета: Отделение «Библиотека А. М. Матушинского», «Харьков как центр художественного образования юга России» и др. написаны с привлечением документов архива университета (Дела Правления, Дела Совета, Акты, Отчеты), архива музея (письма

Бецкого, Алферова, публикации о музее), материальных книг музея. Большинство этих документов до настоящего времени не сохранились (сгорели в годы Великой Отечественной войны) Поэтому основным источником для современных исследований о становлении художественных музеев на Слобожанщине являются материалы, скрупулезно собранные и проанализированные Рединым [4]. Итогом его работы стал исторический очерк «Музей изящных искусств и древностей Императорского Харьковского университета (1805–1905)», созданный к столетнему юбилею университета. Тогда под руководством проф. Д. И. Багалея создавалась история факультетов, учебно-вспомогательных учреждений, в чем Редин принимал активнейшее участие.

Деятельность Е. К. Редина в качестве заведующего университетским музеем охарактеризовал его коллега и друг – проф. Н. Ф. Сумцов: «Практическое творчество Е. К. Редина выразилось в развитии университетского музея изящных искусств. По его мысли и исключительно его знаниями созданы были два новых отдела – церковный и местных художников» [5, с. 21]. Отдел произведений местных художников имел работы Л. Й. Тракала, М. Д. Раевской-Ивановой, К. П. Пынеева, А. Н. Выезжева, Н. М. Уварова и др. Создавая такой отдел в музее Редин откликнулся на характерную черту времени: в поле зрения специалистов и любителей искусства попадает местное искусство, которое долгое время считалось второсортным по сравнению с западноевропейским. О значении, какое Редин придавал вверенному ему музею, свидетельствует то, что большинство своих занятий со студентами Редин проводил в залах музея.

С 1896 по 1908 гг. Редин был секретарем Харьковского историко-филологического общества (ХИФО), сыгравшего значительную роль в становлении искусствоведения в университете. С самого начала своей деятельности работа Общества приобрела этнографическое направление. Особенный интерес по археологии и истории искусств вызывали рефераты Д. И. Багалея, Н. Ф. Сумцова, Е. К. Редина [6, с. 16]. В Сборниках ХИФО, которые редактировал Редин, опубликованы его статьи «Ученая деятельность историко-филологического общества при императорском Харьковском университете за первые двадцать пять лет его существования (1877–1902)», «Профессор Александр Иванович Кирпичников: Обзор его трудов по истории и археологии», «Ф. И. Буслаев. Обзор трудов его по истории и археологии искусств», «Графиня П. С. Уварова. (К двадцатилетию ее председательства в Императорском Московском археологическом обществе)» и др.

Помимо преподавания в университете, Редин проводил уроки в городской художественной школе и женской гимназии.

Многогранная деятельность Редина вызвала к жизни слова приват-доцента Харьковского университета Е. П. Трифильева: «В начале XX в. вряд ли кто из культурной прослойки не знал или не слышал о Е. К. Редине» [7, с. 5]. Большой труженик, он получил признание и уважение современников, выраженные Н. Ф. Сумцовым: «Дай бог, чтобы нашлись такие преданные

науке, сердечные, добрые и честные деятели, каким был Е. К. Редина, чтобы самая общественная среда давала таких людей и умела их достаточно ценить» [5, с. 29].

Продолжателем дела Редина в Харькове стал известный ученый Ф. И. Шмит, создавший свою школу. Среди его учеников: С. А. Таранушенко, Е. А. Никольская, О. Я. Берладина, Д. П. Гордеев, М. Ю. Лейтер, Т. Ивановская. После расформирования Харьковского университета в 1920 г., переезда Шмита сначала в Киев, затем в Ленинград, репрессий в 1930-х гг. в отношении его и его учеников, научные искусствоведческие исследования на Слобожанщине практически были прекращены. Только с конца 1980-х гг. начинается новый этап в развитии искусствоведческой науки в крае: проходят научные конференции, публикуются монографии и статьи, защищаются диссертации, имена слобожанских искусствоведов С. И. Побожия, Л. Л. Савицкой, Л. Д. Соколюк, А. В. Шило упоминаются среди самых авторитетных украинских ученых. В начале XXI в. после длительного перерыва в Харькове открылось искусствоведческое отделение и была создана кафедра теории и истории искусств в Харьковской академии дизайна и искусств.

Литература

1. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / [под ред. М. Г. Халанского и Д. И. Багалея]. – Репринт. изд. – Х., 2007.
2. Е. К. Редина. Біобібліографічний покажчик / [укладач Р. І. Филипченко]. – Х., 2006.
3. Белецкий А. И. Редина как историк византийского искусства // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Х., 1913. – Т. XIX. – С. 7–9.
4. Мельничук Л. Ю. Єгор Кузьмич Редін як дослідник колекції та історії створення Музею красних мистецтв і старожитностей Харківського університету // Культурна спадщина Слобожанщини : зб. ст. – Х., 2010. – Вип. 23. – С. 11–16.
5. Сумцов Н. Ф. Человек золотого сердца: Проф. Егор Кузьмич Редина // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Х., 1913. – Т. XIX. – С. 12–29.
6. Побожій С. І. З історії українського мистецтвознавства: зб. ст. – Суми, 2005.
7. Трифильев Е. П. Памяти проф. Е. К. Редина // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Х., 1913. – Т. XIX – С. 5–6.

Кантата «Москва»

Пермский край богат не только природными богатствами, но и талантливыми людьми. Одним из наших современников, который прославил культуру края, стал дирижер Пермского театра оперы и балета имени Петра Ильича Чайковского Валерий Платонов. Им был создан современный симфонический оркестр, которым могут гордиться пермяки. За какую-либо музыку не брался Валерий Платонов – все звучит замечательно, свежо, талантливо. Так в программе концерта, проходившего 2 февраля 2013 года, оркестром под его руководством было исполнено произведение, редко появляющееся в рамках концертов – кантата П.И.Чайковского «Москва».

«С мала ключика студеная потекла река,

С невелика зачиналась камена Москва...» - такими проникновенными словами обращается солистка к зрителю. Дирижер ведет музыку, плавно взмахивая палочкой, оркестр же передает мельчайшие нюансы мелодии.

Необычна история создания кантаты. Коронационная комиссия, подготавливающая торжественную коронацию Александра III, обратилась к Петру Ильичу Чайковскому с просьбой – написать кантату на случай восхождения на престол нового императора. Изначально, композитор отнесся к написанию кантаты с нежеланием, что мы видим из письма композитора профессору консерватории Танееву.

В основу кантаты был положен нерифмованный текст, выдержанный в духе русского эпоса, написанный русским поэтом Аполлоном Николаевичем Майковым. Стихи поэта, похожие на древние сказания, помогли Чайковскому подобрать характер мелодии, созданной в народном духе. О теме фольклорной музыки Чайковский писал: «Что касается вообще русского элемента в моей музыке, т. е. родственных с народной песнью приемов в мелодии и гармонии, то это происходит вследствие того, что я вырос в глуши, с детства, с самого раннего, проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки. Необходимо отметить, что текст этот был выдан композитору непосредственно коронационной комиссией, дав для написания кантаты мало времени. Чайковский в своем письме к Н. Ф. фон Мекк, многие годы поддерживавший его, сообщал: «Мне очень помогло то обстоятельство, что слова кантаты, написанные Майковым, очень красивы и поэтичны... вся пьеса глубоко прочувствована и написана оригинально»[9].

Современники отмечали, что Майков не возвышался до уровня великих поэтических имен XIX века, он являлся поэтом второго плана, но ему принадлежало одно из наиболее почетных и незаменимых мест в русской культуре. «Поэзия Майкова захватывает нас гармоническим слиянием мысли

и чувства, музыкальностью. Неслучайно, что по количеству положенных на музыку слов, Аполлон Майков занимает одно из первых мест среди русских поэтов XIX века» [5].

Однако композитору предложенный текст понравился сразу. В письме к своему ученику Танееву, Чайковский писал: «Четыре недели тому назад я получил от Юргенсона предложение московских властей написать марш для коронационного праздника, который город дает государю. С величайшим отвращением принялся я за этот марш, решивши, что по многим причинам нельзя и неполитично отказать. Как вдруг новая обуза! Получаю от Коронационной комиссии текст кантаты Майкова, долженствующей быть спетой в Грановитой палате в день коронации во время обеда государя»[8]. Чайковскому казалось, что это условие выполнить невозможно. Как ни странно, текст Майкова облегчил задачу, а музыка великого Чайковского насытила его народными интонациями и в соединении двух видов искусств появляется одно из значительных произведений композитора.

Кантата выстроена из шести взаимосвязанных частей. Первая является экспозицией и сочинена в духе народной былины. В ней рассказывается о том, как на Русь напали полчища монголо - татар: «Тучи вражьи вал за валом по Руси валят». А между князьями: «В людях рознь идет, меж князей вражда».

Вторая часть кантаты начитается со звучания меццо-сопрано. Здесь рассказывается о возвышении Москвы и об объединении государства под властью единого правителя. Это «звездочка, засветившаяся в непроглядной тьме».

Своего рода гимном, посвященным православию, является третья часть кантаты. Она наполнена безграничной радостью и торжеством. Мы слышим колокольный праздничный звон, вселяющий надежду и радость в сердца слушателей.

О роли Москвы – столицы нового православного мира рассказывается в четвертой части кантаты. Москва здесь сравнивается с одиноким богатырем, выезжающим на чистое поле. Теперь она стала для других спасительницей и освободительницей. Эта часть исполняется глубоким баритоном.

Наиболее популярен монолог, в котором молодой ратник обращается к Богу. В кульминационные моменты развития музыкальной мысли композиторы нередко обращаются именно к монологу. Этим зачастую достигается глубокое воздействие на публику. В этот момент напряжение в зале растет, глаза всех зрителей устремлены на певца и дирижера, который словно переживает вместе с певцом. Зал замирает и раздается, крепнувший со временем голос:

«Мне ли, Господи, мне ль по силам Ты
Тяжкий крест даешь?
Не достоин я Твоей любви!
Разве Ты мне дашь силу крепкую,
Умудришь меня Ты своей мудростью».

Что же такого особенного в этом эпизоде? Во-первых, именно в этой части кантаты мы видим близость Чайковского к русскому народу, ведь именно у народа многие композиторы черпали вдохновение - в этом неиссякаемом источнике силы и мужества.

Это один из самых эмоциональных эпизодов кантаты, показывающий близость русского народа к Богу и в тоже время патриотизм всех людей страны на примере одного ратника. Глубоко выразительное, с распевной мелодией ариозо «Мне ли, Господи» задает лирическое начало в торжественной музыке кантаты, противопоставляя другим частям произведения. Ариозо написано в тональности ми бемоль минор, в которой создана одна из самых выразительных прелюдий и фуг Баха. Исследователи творчества П.И. Чайковского отмечают, что ариозо предвосхищает партию Полины из оперы «Пиковая дама».

После этого задумчивого и сосредоточенного ариозо, яркий хоровой финал прославления воспринимается как торжественное и праздничное завершение всей композиции, заключающийся словами «Слава Богу на небе, слава, государю, государевой супруге». Во время исполнения последней части кантаты, исполняемой многочисленным хором, в душе просыпается чувство глубокого патриотизма, гордости за нашу страну и людей. Хор и оркестр, заполняющие все глубину сцены, существуют в едином потоке, образуя волну, захлестывающую слушателя с головой.

Наградой композитору за это гениальное произведение стал не только перстень с бриллиантом, подаренный Чайковскому в качестве гонорара за сделанную работу, но и самое главное - признание кантаты слушателями. Наряду с увертюрой 1812 год, кантата «Москва» стала одним из любимейших произведений Петра Ильича Чайковского.

Судьба кантаты не закончилась коронацией императора Александра III. Ее жизнь была продолжена в пятидесятые годы XX века. В годы Советской власти, кантата перетерпела ряд изменений в тексте. Связано это было, прежде всего с тем, что в те годы время внимательно отслеживались идеологические произведения. Подобные литературные редактирования происходили также с оперой Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за царя».

Подводя итог, хочется отметить одно очень важное свойство музыки – она, как никакой другой вид искусства, способна объединять людей разных поколений. Она воспитывает в человеке ум и сердце.

Список литературы

1. Серов А.Н. Статьи о музыке. М., 1988.
2. Панкевич Г. Звучащие образы. М., 1977.
3. Кабалевский Д.Б. Про трех китов и про многое другое. М., 1972. 4. Кабалевский Д.Б. Как рассказывать детям о музыке. М., 1977.
5. Прийма Ф.М. Поэзия А.Н. Майкова. М., 1984.
6. Асафьев Б. О музыке Чайковского. Избранное. М., 1972.
7. Хоровая литература: учебное пособие в двух частях. Часть первая: отечественная хоровая литература – СПб, ГУКИ. 2008.
8. Письмо П.И. Чайковского Танееву.
9. Письмо Чайковского.

Лейдекер М.А.
*Аспирант кафедры
художественного образования и музейной педагогики
РГПУ им. А.И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Россия*

Взаимоотношения современной эстетики и классики

Формирование современной эстетики – процесс длительный и неоднозначный. Вторая половина XX в. в культуре была обостренно ориентирована на глобальную переоценку ценностей, особенно в сферах гуманитарных наук, искусства, этики, эстетики.

Стоит сказать, что, несмотря на то, что уже более 100 лет огромное количество художников работает в рамках неклассической эстетики, споры о том, что же можно считать искусством, а что – нет не утихают и по сей день. Более того, они стали еще более ожесточенными с появлением постмодернистских взглядов. основополагающий плюралистический принцип современной культуры «anything goes» действует на ярых сторонников «чистой» классики как красная тряпка, вызывая все новые и новые волны критических отзывов и обвинений в дурновкусии и антиэстетизме.

Сегодня многие философы искусства считают, что понятие «прекрасного» должно быть изгнано из эстетики. Его место занимают такие понятия, как: абсурдное, безобразное, болезненное, жестокое, злое, непристойное, низменное, омерзительное, отвратительное, отталкивающее, пошлое, скучное, ужасное, шокирующее. По мнению американского философа Х. Дикмана, прекрасное сходит с эстетической сцены, поскольку больше неспособно изумлять и подавлять. Профессор О. Марквард считает, что искусство не является больше прекрасным и эстетика как отрасль знания завершила свое существование в начале XIX в., что она вообще невозможна как наука, поскольку сегодня место прекрасного заняли новые ценности: интенсивность, необычность, шок-ценность и др. [1, с. 37] Таким образом изменяются и сами функции искусства: вместо прогностического искусство становится констатирующим, а вместо воспитывающей, эстетической и познавательной функций начинает работать аттракционная и развлекательная.

Традиционная эстетика концентрировала внимание преимущественно вокруг проблемы прекрасного и в основном понималась как философия красоты, эстетизируя и сущность искусства. Однако, не учитывая исторический аспект существования искусства, невозможно адекватно судить о его категориях, главными из которых являются «прекрасное» и «безобразное», а также интерпретировать произведения. Например, совершенно неправомерен будет разговор о том, что художественнее: неолитическая скульптура или работы Родена. В связи с этим современным искусствоведением появилась тенденция к применению понятия «парадигма»

(предложенного Т.Куном для анализа развития науки) для выявления различных типов художественности. По Куну парадигма - это модель, на основе которой возникает конкретная традиция научного мышления, и которая, вместе с тем, носит более общий, культурный характер. В своем развитии, человечество сменило несколько эстетических парадигм, что определялось и направлялось самой природой искусства, последовательно выявляющей себя в этом процессе. [3, с. 28]

В наиболее обобщенном виде парадигму можно определить как исторически своеобразный тип художественной ментальности. В рамках этого подхода развитие искусства представляет собой не постепенный переход от "примитивной" первобытности к более совершенным формам, а взаимодействие ценностно-равных пластов культуры. Выделяются четыре парадигмы, охватывающие историческую типологию существования искусства, обозначенные как: внеэстетическая, эстетическая, художественная, постхудожественная. [3, с.30] Внеэстетическая парадигма понимает искусство, как мимезис – подражание миру. Эстетическая парадигма, эстетизируя искусство, трактует его как созидание прекрасного. Художественная, предлагая теорию "искусства для искусства", исходит из идеи "художественного искусства".

Выделение четвертой, постхудожественной парадигмы определено, прежде всего, тем статусом, которым обладает художественность в рамках современного искусства и его теоретических обоснований. [3, с. 37] Новые арт-практики, особенно относящиеся к акционизму закономерно заставляют пересмотреть традиционные представления о художественности: искусство провозглашает собственную открытость окружающему миру, используя все его объекты и процессы в качестве материала для творений. С одной стороны, сегодня мы являемся свидетелями многочисленных заявлений о "смерти" искусства, исчезновении его границ и художественных оснований, но в то же время, искусство не исчезает, а претерпевает такие изменения, которые все-таки позволяют говорить о том, что образуется художественность нового типа. Представив современную парадигму искусства как "постхудожественную", исследователи признают ее принципиально иной – нетрадиционный – характер: она исключает из ряда признаков художественности нормативность, признавая множественность смыслов и, как следствие, дефиниций и теорий. Такие признаки художественности нового типа, как парадоксальность, процессуальность, провокативность являются не жесткими критериями, а свойствами, существующими наряду с другими. Искусство рассматривается как ценностно однородное, обратимое пространство, где все направления принципиально равноценны и творческий субъект может свободно совершать перемещения в любом из них. В целом "постхудожественная" парадигма предполагает возврат на новом уровне к прежним парадигмам (например, к "внеэстетической", на основе универсальных возможностей мимезиса).[2, с. 193]

Вопросы современной постхудожественной эстетики активно разрабатываются европейскими и американскими философами искусства. Они полемизируют в своих работах со сторонниками классического взгляда на искусство как сферу прекрасного. Целый ряд проблем, рассматриваемых американской философией искусства последних лет, связан прямо или косвенно с разными формами деятельности новейшего художественного авангарда.

Современная философия искусства значительно более терпима, чем традиционная эстетика, и стремится любой ценой избежать обвинений в нормативизме. Однако радикальность неоавангарда склоняет некоторых теоретиков к рассмотрению множества вопросов с неожиданных точек зрения.

Как в программных декларациях, так и в художественной практике неоавангард часто оспаривает эстетическую природу искусства. В связи с этим возобновляется вопрос, должно ли подлинное произведение искусства вызывать эстетическое переживание? Многие художники и теоретики считают, что эстетичность не является ни достаточным, ни необходимым условием художественного статуса. Эти теоретики обращают внимание на существование известных произведений новейшего искусства, полностью или почти полностью лишенных эстетических достоинств.

Вышеуказанные проблемы склоняют некоторых авторов к постулированию необходимости различения художественных ценностей, решающих вопрос о художественном статусе произведения искусства, и эстетических ценностей, не специфических для искусства и вообще для него неосновных.

Большинство американских теоретиков подчеркивает, что искусство есть культурное, т.е. общественное явление. При этом основное внимание обращается на культурный и исторический контекст его функционирования. Для многих авторов определяющими являются познавательная функция и ценность искусства. Почти во всех американских концепциях искусства минимальное внимание уделяется проблематике его эстетического характера. Некоторые исследователи считают концепцию эстетической природы художественного творчества ошибочной и устаревшей и открыто критикуют ее. Это игнорирование, или неохотное рассматривание проблем, связанных с эстетической спецификой искусства, проявляется и в самой терминологии. Термины «эстетик» и «эстетика» употребляются неохотно или даже с негативной окраской. Большинство современных американских теоретиков искусства называют себя не эстетиками, а философами, а свои концепции определяют названием философия искусства. [1, с. 15]

Нужно отметить, что, несмотря на казалось бы радикальный характер современной эстетики, она не отрицает классику полностью, а вступает с ней в сложный многоуровневый диалог. Проиллюстрировать это может практически любая выставка современного искусства. Так, например, недавно прошедшая в нескольких городах России, и в частности в Санкт-Петербурге, концептуальная выставка «Icons» (автор концепции и куратор М.

Гельман) рассказывает о диалоге современных художников с традиционной русской православной культурой. Все произведения, представленные там, объединены традиционными религиозными сюжетами при потрясающем разнообразии материалов, жанров и видов произведений. Экспозиция подтверждает, что для современного искусства нет «благородных» и «презренных» материалов, форм и тем, и в экспозиции может появиться и деревянная скульптура, и монументальный рельеф из проволоочной сетки «Тайная вечеря» (А.Блохин, Г.Кузнецов), и плакат, изображающий канонический сюжет «Троицы» в виде круговой диаграммы с тремя сегментами (Д. Херст), и «Апокалипсиса» трактованный на стыке героического комикса и граффити (Георгий Острецов) и др. Одной из целей выставки было показать, что культурные традиции – основа современности, что они продолжают жить, и, видоизменяясь, пронизывают современное искусство, воплощая духовные ценности и являясь источником вдохновения для все новых поколений художников. Как подчеркивает куратор выставки, «разговоры о культурном наследии – это не метафора, а конкретная вещь», что в полной мере нашло отражение в экспозиции.[4]

В заключение хочется сказать, что так часто противопоставляемые две основные эстетические тенденции: классика и нонклассика на самом деле не так строго антагонистичны. Пост-культура и неклассическая эстетика не были единственными формами эстетического опыта в прошедшем веке, как и не остаются ими сейчас. Его общая картина была сложной, многомерной, мозаично-калейдоскопической, составлялась из множества элементов, фрагментов, блоков традиционной культуры и находящихся в сложных взаимоотношениях с ними инновационных образований. Наряду с неклассическими формами художественного мышления и эстетического сознания на протяжении всего XX в. существовали и нередко достигали значительных высот в сфере художественного выражения феномены классического, или основывающегося на его традициях искусства.

Литература

1. Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века-антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология./Под ред. Демидока Б., Орлова Б. Екатеринбург: Деловая книга. – 1997, 320 с.
2. Бычков В.В. Эстетика: Учебник. – М.: Гардарики, 2012. – 556 с.
3. Рубцова Елена Валерьевна. Историчность парадигм искусства и проблема современной художественности: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Екатеринбург, 2004. – 163с.
4. Стекольников Е. Икона как знак. Скандальная выставка ICONS Марата Гельмана открылась в Петербурге//Аргументы и факты: федеральный сайт. Петербург, 28.03.13.- URL:<http://www.spb.aif.ru/culture/article/56226>. (дата обращения 11.04.13)

Эстетические проблемы социальной коммуникации

Рассмотрим эстетические проблемы социальной коммуникации. Попробуем представить философское понятие и определение эстетики социальной коммуникации. Общечеловеческие ценности были актуальны всегда. Любые взаимоотношения людей являются определенной исторической формой социальных отношений. Характер и смысл взаимоотношений людей представляет собой определенное содержание, раскрывающее их суть.

Решение эстетических проблем направлено на формирование гуманного и прекрасного мировоззрения человека, социальных условий и красоты мира «второй природы». Социальная коммуникация выражается как потребность человека в эстетических чувствах, отражающих красоту мыслей, поведения, поступков и деятельности людей. Эстетические проблемы социальной коммуникации в жизни общества проявляются как «универсальный социокультурный механизм, ориентированный на взаимодействие социальных субъектов, на воспроизводство и динамику социокультурных норм и образцов такого взаимодействия» [1, с. 14].

Имплицитная эстетическая суть социальной коммуникации проявляется в чувствах катарсиса, справедливости и красоты. Динамика социальной коммуникации отчетливо видна в трагических, комических, совершенных, возвышенных, гармоничных и прекрасных взаимоотношениях людей. Трагическое и драматическое в социальных отношениях всегда завершается позитивным, конструктивным, созидательным началом, ведущим к гармонизации межличностных, семейных, групповых, коллективистских, этнических, религиозных, межнациональных и межгосударственных отношений. Так или иначе, эти отношения проявляются в производственно-трудовых, экономических, финансовых, коммерческих, классовых, дипломатических и политических отношениях. Довольно интересно проблема эстетики социальной коммуникации предоставлена в психоаналитической философии, в которой отражаются различные аспекты взаимоотношений человека и общества. «Искусство любить» – одна из работ, в которой автором раскрывается сущность настоящей любви как возвышенного совершенства взаимоотношений. «Настоящая любовь сродни искусству, и это искусство требует знаний и усилий. Любовь – это не обязательно отношение к определенному человеку; это установка, ориентация характера, которая задает отношения к миру вообще, а не только к одному «объекту» любви. Если человек любит только кого-то одного и безразличен к остальным, его любовь – это не любовь, а симбиотический союз» [2, с. 10].

В социальной коммуникации можно обнаружить много граней проявления эстетического как формы любви: искусство, нравственное самообновление, самообогащение, совершенствование и наслаждение. При изложении сути любви даётся определение любви как чувства: «Любовь — это активная заинтересованность в жизни и развитии того, к кому мы испытываем это чувство» [2, с. 13].

Какими будут формы и содержание взаимоотношений людей, зависит от того, какая в обществе существует господствующая идеология. Каждый из нас должен понять, что отношения формируются на уровне мышления, в словах и поступках. Эстетическая суть взаимоотношений – это отношение друг к другу. Очень важно, с какими чувствами и мыслями мы общаемся с людьми. Мышление является основополагающим фактором в процессе общения, на основе которого складываются позитивные или негативные отношения, трагические или комические, уродливые или прекрасные. Наиболее ценной составляющей взаимоотношений являются гуманные намерения и дела. Для того чтобы сделать совершенными взаимоотношения людей, необходимо изменить в гуманную сторону стиль и содержание мышления и поведения.

Понять важность эстетичных, гармоничных отношений необходимо каждому; от них зависят отношения в семье, обществе, в браке, на работе. Так, например, трагическое в социальных отношениях – это безвозвратно утраченные духовные и культурные ценности, без которых любое общество начинает интенсивно криминализироваться, нравственность и мораль деградируют, этика взаимоотношений нивелируется, общество и государство дифференцируясь на социальные классы, интенсивно распадается и гибнет. Комическое в социальных отношениях на деле проявляется как несуразность и противоречивость сословно-классовых отношений, ведущих к общественно-историческому застою, стагнации, аморфности и отсутствию прогрессивного цивилизованного развития. Комическое социального бытия достойно всяческой критики, осмеяния и осуждения.

Возвышенное в социальных отношениях – это эстетизированный, поэтизированный вариант взаимоотношений, который на уровне повседневной жизни проявляется редко, но, например, в театральном искусстве, музыке, поэзии, песнях, живописи он является основной мерой эстетического. Совершенное в социальной коммуникации – это диаметрально противоположный трагическому общественно-исторический процесс. Общество консолидируется, становясь более нравственным, культурным и социально справедливым. Эстетика социальной коммуникации – это совершенство, гармония и красота взаимоотношений в быту, труде и досуге людей.

Литература

1. Адамьянц Т.З. Социальные коммуникации. – М.: Дрофа, 2009.
2. Фромм Э. Искусство любить. – М.: Издательский дом: АСТ, 2007.

«Солярис» как воспоминание о будущем

*Нам не нужно других миров. Нам нужно зеркало...
Станислав Лем «Солярис»*

«При работе над фильмом художник по костюмам должен, конечно, знать эпоху, в которой будет происходить действие фильма. Под этим подразумевается не только знание истории костюма, но и истории искусства, быта эпохи. Режиссер определяет, в какое время будет происходить действие фильма, отсюда и ориентируется вся съемочная группа: художник-постановщик, декоратор, художник по костюмам, реквизитор» – читаем мы в одном из писем Заслуженного художника России по костюмам Нэлли Фоминой.[1] Нэлли Фомина выпускница 1953 года школы №92 (ныне гимназии №4 имени братьев Каменских). На протяжении многих лет краеведы гимназии переписывались с художницей, что дало возможность собрать богатый архив источников, коллекцию рисунков. В собранном архиве находятся и эскизы костюмов ко многим фильмам, в которых участвовала Нэлли. Достаточно перечислить имена режиссеров, чтобы понять значение Нэлли Фоминой как художника: Э. Рязанов. М.Швейцер, С.Бондарчук, А. Тарковский. В эскизных рисунках мы узнаем В.Высоцкого, В.Золотухина, С. Юрского, Н. Бурляева, И. Смоктуновского.

Как отмечает Нэлли Фомина – ей очень повезло в жизни. Судьба свела ее с удивительным человеком – Андреем Тарковским. А.Тарковский – режиссер, постановщик многих элитных фильмов 70-х годов 20 века. Среди его работ «Зеркало», «Солярис». В, кажущиеся невероятно далекими от нас, годы «застоя» Тарковский, предчувствуя нравственные потери, осмелился бросить вызов всем и обратиться ко всему человечеству с вопросом: «А можно ли еще что-то сделать для человека и Земли в целом?». Именно этот вопрос является центральным в фильме «Солярис», снятым по одноименному роману Станислава Лема – «Солярис». Сам А.Тарковский говорит об одном из своих фильмов так: «Тема фильма – это тема человеческого достоинства, и тема человека, страдающего от отсутствия этого достоинства». С большим интересом автор работы заглянул в вездесущий Интернет, задаваясь таким вопросом: «А смотрят ли фильмы Тарковского мои современники?»

В те далекие времена, в годы существования Советского Союза, кинематограф играл первостепенную роль в воспитании человека. В кинотеатры ходили как, правило, семьей, с друзьями. Общество раньше умело по-настоящему прочувствовать фильм, сопереживать, искренне радоваться. Пусть люди не всегда воспринимают кино, как чей-то усердный труд, который несет в себе урок, но, как сказал когда-то Чехов, люди пьют

чай, обедают, а в это время решаются их судьбы. Так, наверное, и кинозритель, который смотрит фильм, и, вроде бы, ни о чем особенном не задумывается, не размышляет, но правильное кино в это время делает свое дело, что-то добавляя к нашей жизни. И каждый раз – это что-то новое, будь то мысль, чувство или просто ощущение.

В «Солярисе» Тарковский решается поднять проблему, будет актуальна всегда: способность оставаться человеком, несмотря на то, с чем тебе приходится сталкиваться. Создавая «Солярис», режиссер хотел задать нам один, безусловно, важный вопрос: «Как бы поступили мы, если бы у нас появилась возможность исправить ошибки прошлого?» Андрей Тарковский отзывался о фильме так: «Главный смысл фильма я вижу в его нравственной проблематике. Я хотел доказать своей картиной, что проблема нравственной стойкости, нравственной чистоты пронизывает все наше существование, проявляясь даже в таких областях, которые на первый взгляд не связаны с моралью, например, таких как проникновение в космос, изучение объективного мира и так далее». Станислав Лем, автор романа «Солярис», говорил, что «это книга, из-за которой мы здорово поругались с Тарковским. Он хотел в фильме показать, что космос очень противен и неприятен<..>но я-то писал и думал совсем наоборот» [6]. Как пишет Вера Кузнецова, автор книги «Костюм на экране»: «Солярис» - первая серьезная удача советской фантастики, и по ее мнению, фильм посвящен психологическим прогнозам будущего, возможностям новых морально-этических конфликтов, которые могут возникнуть в процессе познания мира». [2]

Так просматривается проблема, которую ставил перед собой режиссер. А теперь можно посмотреть, как создавался фильм. Ведь, наверное, для осознания фильма необходимо уметь видеть не только главных героев, но и все то, что находится вокруг них, что продумано до мелочей, что подводит нас все ближе к тайне. Андрей Арсеньевич Тарковский был истинно гениальным человеком, ничего в его фильме не дано просто так, к примеру, даже фоновая музыка, которая звучит редко, пробирает до глубины души. Музыка в фильме, кажется, подобрана Тарковским и под Тарковского, она, как и все в фильме, тягучая и немного отрешенная. Актеры, приглашенные Тарковским выглядят в обстановке станции и планеты Солярис настолько естественно, будто они пробыли там всю жизнь. Стоит отметить, что в нашей экранизации игра актеров намного глубже, чем в американской постановке, ведь в нашем фильме нет отвлечений на спецэффекты, а главное, на что обращено внимание, - это мысли и переживания героев. Так Донатас Банионис, сыгравший роль Криса Кельвина, невероятным образом прочувствовал свой персонаж. Он, действительно, выглядел человеком, на чью долю пришлось тяжелые, невыносимые переживания. На первый план автор выводит личную трагедию человека, потерявшего жену и чувствующего себя виноватым перед ней. Когда мы говорим о Крисе, о его боли, сразу вспоминается фраза из фильма: «Но любовь - это то чувство, которое можно переживать, но объяснить нельзя. Объяснить можно понятие, а любишь то, что можно потерять: себя, женщину, родину». Роль «жены»

Криса, Хари, сыграла актриса Наталья Бондарчук. Она смогла искренно передать всю гамму переживаний героини. Ее персонаж самый трагичный из всех действующих лиц «Соляриса». Хари, которая не была человеком, а была лишь фантомом из океана, все равно пытается найти ответ на вопрос - что делает нас людьми и как стать человеком. Хари верит, что она может быть такой же, как Крис или Снаут. Она уверена, что приобретая человеческие качества, сможет полюбить Кельвина.

Читать экран – то же самое, что читать книгу. Ты, вроде бы, и не обращаешь внимания на детали, но в твоей голове именно из них складывается полное впечатление и понимание. Одежда героев кинокартины – та вещь, которую нужно заметить в первую очередь, ведь внешняя оболочка ведет к раскрытию внутреннего мира. Обратимся вновь к письмам нашей выпускницы Нэлли Фоминой. Она отмечает, что работа художника по костюмам чуть ли не один из самых важных досъемочных процессов. Костюм героя должен передать его черты характера, привычки, а также создать общее впечатление зрителя о персонаже. В эскизах Нэлли Ефимовны часто присутствовал прием искажения форм, герои эскизов будто оживают, уже на рисунке мы видим персонажа живым [5]. Рабочий процесс на съемках «Соляриса» для Фоминой был очень сложным, она работала не покладая рук, ведь ей предстояло одеть множество актеров, и нельзя было упустить ни малейшей детали. Она вспоминает, что Тарковский объяснял, что костюмы «не должны быть фантастическими, наоборот, скорее обыденными, и нужно, чтобы они подчеркивали индивидуальный характер персонажей». Единственным костюмом, который придумывала сама Фомина без каких-либо указаний и пожеланий, было платье матери Криса. Одежда героев «Соляриса» отличается от обыденной лишь тем, что ей небрежно был придан легкий налет отстраненности, как если бы действие происходило в будущем. И эта отстраненность оправдана в фильме так же, как и все в целом; она в большей степени присуща женским образам фильма, ведь именно они – фантастическая, ирреальная часть истории «Соляриса» (ведь вместо Хари мы видим ее «двойника», фантом; мать Криса, которую он видит в конце фильма, также существует только в его воспоминаниях). Стоит отметить, что все костюмы в фильме выполнены, в основном, в серых, холодных тонах. Это помогает зрителю ощутить место и время событий. С помощью нарочитой обыденной достоверности и небольшого количества необычных элементов, создатели применили «метод сближения», благодаря чему фильм о будущем воспринимается зрителем лучше.

Фильм отличается тем, в нем нет большого количества спецэффектов. Главная идея – понять, можем ли мы быть постоянно готовыми к непредвиденным проблемам, сможем ли мы остаться самими собой или неизбежны изменения в нашей сущности. Фильм Андрея Арсеньевича, скорее всего, даже не столько фантастический, сколько философский и глубоко психологический. Океан Соляриса – это не просто скопление какой-то материи, это вся наша память, совесть, заглушить и успокоить которую у нас вряд ли когда-либо получится. Один из главных героев фильма – Снаут –

произносит в диалоге с Кельвином такую фразу: «Человеку нужен человек!» Так он говорит нам, что даже на этой далекой и загадочной планете остается необходимость оставаться теми, кто мы есть, необходимость оставаться людьми, и необходимость поддерживать связь с такими же, как мы. Все на этой планете создано, чтобы воскрешать наши воспоминания, не дать нам забыть, кто мы и зачем мы нужны.

В океане появляются острова. На одном из них происходит сцена «возвращения» Криса домой. Наверное, этот маленький кусочек Земли – есть материализация воспоминаний Кельвина. Пусть в них все и не так, как должно быть, все будто реально и нереально в одну и ту же секунду. С одной стороны, мы видим уже знакомый нам пруд, дом, но, с другой, в доме откуда-то льется дождь, а отец Криса не замечает этого. Может быть, эта сцена показана нам для осознания результата, которого все-таки смогли достигнуть люди в попытках контактировать с Солярисом, а, может быть, Андрею Тарковскому необходимо было показать нам огромность возможностей Океана в сравнении с маленьким островком памяти Криса и людей в-целом.

В начале работы мы уже задавали себе вопрос о нашем поколении. Для того чтобы узнать, смотрят ли наши современники советские фильмы и понимают ли они их, нам пришлось провести небольшое исследование в сети Интернет. Оказывается, что современные подростки смотрят фантастические фильмы и пытаются их понять. Однако один за другим они повторяют одни и те же мысли. Не читая литературы, они мыслят штампами. Так, мы читаем повсюду: «Автор явно точно не знал, что он хочет показать своим фильмом», «Нет огня».

Обращаясь к фильму вновь, подводя итог нашей работе, можно сказать, что это драма о том, как много перед нами стоит неизвестного, о том, как много нам еще нужно узнать. Такие фильмы, как этот, навевают мысли о том, как действительно важно, находясь в постоянных поисках нового, в первую очередь, найти самого себя. Такие фильмы хочется смотреть снова и думать, размышлять, философствовать.

Литература

1. Письма Фоминой Н.Е. Архив МБОУ «Гимназия №4 им. братьев Каменских».
2. Кузнецова В.А. Костюм на экране. Л.: Искусство, 1975.
3. Лидия Польская. Кто делает кино? М.: Детская литература, 1987.
4. А. Медведев, А.Чернышев. Десятая муза. М.: Детская литература, 1977.
5. Реферат «Заслуженный художник России Фомина Н.Е». Архив МБОУ «Гимназия №4 им. братьев Каменских».
6. «Компьютерная газета» №. – 2000. – № 16. – Минск.

Художественно-образная сфера жанра мадригальной комедии позднего Возрождения

Музыкальный театр эпохи Ренессанса представляет собой большой интерес для современного зрителя. Перелистывая страницы истории итальянского музыкального театра, мы вновь возвращаемся в те замечательные времена, когда на заре эпохи барокко флорентийцы подарили миру первый сценический жанр – оперу.

Но что же предшествовало этому прекрасному виду искусства? Не только идея возрождения античного театра в современных условиях, высказанных флорентийскими музыкантами и учёными Джироламо Меи и Винченцо Галилеи, но и некоторые музыкально-театральные жанры раннего Возрождения. В частности, одним из трамплинов к опере принято считать жанр итальянской мадригальной комедии.

Воплощая собой лучшие традиции итальянского Возрождения, мадригальная комедия своими корнями восходит к народным обрядам и играм, к карнавалам, культовым пляскам и песням. Это был один из первых в Западной Европе профессиональных музыкальных театров, возникший на основе народного творчества во второй половине XVI в.

Действие драмы близко нашим интересам, нашим повседневным заботам. Интересно молодым влюблённым, и людям, погружённым в трудовую деятельность. Будучи отображением жизни, мадригальная комедия обращена к жизни.

Мадригальная комедия – музыкальный жанр, представляющий собой хоровую композицию на текст комедийной, реже пасторальной пьесы с музыкой в характере мадригала. Все партии действующих лиц, в том числе и монологи, исполнялись вокальным ансамблем, состоявшем из пяти (а лучше шести) человек. Каждый певец обладал виртуозным голосом. Как известно, дирижёра в то время ещё не существовало, поэтому все вступления, темповые изменения осуществлялись, благодаря сплоченности коллектива и с помощью инструментального состава, в который входили лютни, клавесины и т.д., настроенные в лад голосам. «Впрочем, в эту эпоху, у композитора и нет многочисленных возможностей современного оркестра, нет разнообразия инструментов с богатством их тембров» [1, с. 57].

В музыке мадригальной комедии из бытующих форм употреблялись собственно мадригалы, фроттолы, вилланеллы и другие разновидности многоголосных песен. Предполагают, что мадригальные комедии содержали и пантомимное воспроизведение действия. В то же время О. Векки, один из основателей этого жанра, указывал, что его «Амфипарнас» должен

восприниматься не через глаза, а через уши. Среди композиторов, писавших мадригальные комедии – А. Стриджо, Дж Кроче, А. Банкьери, Дж. Торелли.

Мадригальная комедия в значительной мере формировалась на карнавале, во всяком случае, отдельные части музыкального театра. Высокая культура Ренессанса должна была помочь музыкальному театру приобрести вкус и чувство изящного.

Следующим и основным этапом к становлению мадригальной комедии было возникновение комедии дель арте. Точных данных о появлении театра, который стал называться комедией дель арте (*la commedia dell'arte*), не сохранилось.

«Схема комедийного спектакля, в общем, была канонична. Молодые люди влюблены друг в друга и стремятся соединиться. Старики мешают им. Слуги переходят в контратаку на стариков и стараются уничтожить препятствия, стоящие на пути к счастью влюблённых. Состав действующих лиц может дополняться ещё несколькими не необходимыми – пожилой женщиной, капитаном и другими масками этой же категории» [2, с. 191].

Если сосчитать все маски, которые хоть раз появлялись на сцене итальянского комедийного театра, то их наберется больше сотни. Но это обманчивое количество, т.к. большинство из них – видоизменение основных масок.

«Комедия дель арте располагала, в основном десятью масками». Это были: два старика, двое слуг, два любовника, две любовницы, «капитан» и служанка» [3, с. 173].

Особый вопрос в спектакле представляло его оформление. В Италии, где изобразительные искусства достигали такой высоты, где они целых три столетия воспитывали художественный вкус народа, ни один театр не мог относиться легкомысленно к оформлению спектакля.

«Самым интересным и самым совершенным из ещё неловких, но уже могучих ревнителей является Орацио Векки из Модены (1550–1605), который не желает ничем быть обязанным древним и стремится лишь с точностью выразить дух своей эпохи» [1, с. 51].

Отличительной чертой его светских произведений является то, что все они - комедии или комические сцены, в противоположность сплошным трагедиям флорентийской школы.

Одним из самых интересных учеников Векки является Банкьери из Болоньи (1568–1634). «Музыкальный стиль его часто напоминает стиль Векки, особенно в буффонных сценах, но в нём меньше живости и изобретательности. Банкьери искусен, знает своё ремесло, однако это не полный энергии импульсивный гений, как автор «Амфипарнаса» [1, с. 66].

«Но он даёт сложное направление жанру, воспринятому им у Векки. Ему близки только комические эффекты, стихия смеха, то, что у его учителя служит только дополнением к более важным и мощным идеям. Стремление к правдивости, к подражанию жизни исчезает в буффонаде, почти в дурачестве» [1, с. 67].

Итальянские певческие ансамбли достигли высокого совершенства в исполнении мадригальной комедии, однако сосредотачивали всю экспрессию и богатую технику лишь на раскрытии его созерцательной сферы. Интерпретация произведения *Банкьери* требует величайшей прозрачности звучания, тонкой и умеренной динамической нюансировки, при которой хоровые пласты не ложились бы тяжёлым грузом, но как бы парили свободно и легко в звуковом пространстве.

Подытожив сказанное, можно сказать, что современная музыкальная практика всё больше обращается к опыту мастеров прошедших веков. В наши дни усиливается интерес к музыке Средневековья и Возрождения, что проявляется в содержании концертных программ, постоянно возрастающем числе ансамблей и хоровых коллективов, исполняющих старинную западноевропейскую музыку. Обращение к ней – результат духовной потребности современного человека в общении с возвышенными образцами спокойного созерцания и раздумья, изящества и совершенства, искренности и неподдельности чувств, получающими воплощение в красоте многоголосных звучаний, в особой логике музыкального выражения, в стройности музыкальных форм.

В наше время жанр мадригальной комедии трансформировался в такие музыкальные формы, как балет с пением, симфоническое действо, ораториально-хореографическая поэма.

Так, например, Игорь Стравинский написал в 1918 г. в жанре балета-пантомимы «Историю солдата» с чтецом и музыкантами, опера Сергей Прокофьева «Любовь к трём апельсинам», написанная в 1919 г. по мотивам одноимённой сказки Карла Гоцци притворяет приёмы комедии дель арте. Аналогичный смешанный жанр представлен в его «Байке про лису...». Карл Орф в 1935-1936 гг. создал из лирической поэмы сценическую композицию в духе маленькой мадригальной комедии, «Кармину Бурану», предполагающую уже не статические картины, иллюстрировавшие музыку, а сюжетное действие.

Таким образом, мадригальная комедия стала тем музыкальным символом Возрождения, в котором отразились философские и культурные течения, общие настроения времени, а также послужила основой исканий в области музыкального театра будущего.

Литература

1. Роллан Р. Музыкально-историческое наследие. В 8 вып. Вып. 1.
2. Дживелегов А.К. Итальянская народная комедия. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.
3. Мокульский С.С. история западноевропейского театра. В 2 ч. 2-е изд. –СПб.: Изд-во Планета музыки; Изд-во «Лань», 2011.

Пенионжек Е.В.
*К.филос.н., доцент кафедры
гуманитарных и социальных дисциплин
Уральского юридического института
МВД России,
г. Екатеринбург, Россия*

Ценностные категории эстетики в формировании эстетической культуры личности

Эстетическое является базовой категорией эстетического знания, т. к. именно такое воззрение на окружающую действительность формирует эмоциональную сферу человеческой личности. Гамма индивидуальных чувств, возникающих у человека при соприкосновении с миром художественной культуры, характеризует его эстетические качества. Зачастую человек не в состоянии дать объяснения обуревающим его чувствам, испытывая лишь эмоции и желание продолжать чувствовать. Эстетическое – это многообразная действительность, значимая для человека. Эстетические категории призваны скоординировать чувства и эмоции человека с мнением окружающих, т. к. они направлены на выделение ценностного содержания в проявленных чувствах, а значит, и координацию человеческих действий. Эстетическая категория – это наиболее общие стороны проявления эстетического, отражающие общечеловечески значимые свойства действительности, которые выражают степень освоения обществом жизненных явлений. Ценностные категории эстетики, являясь общечеловечески значимыми, тесно связаны с моральной оценкой обществом тех или иных жизненных явлений. Поэтому они всегда выявляют четкое определение обществом противоположного. Таким образом, ценностные категории эстетики находятся в соотношении друг с другом, определяются одна через другую.

Прекрасным общество называет явления высшей ценности. Прекрасное определяется гармонией, целесообразностью, внутренне присущей предметам мира, соразмерностью в отношениях и явлениях. Прекрасное – это эстетическая категория, характеризующая явление с точки зрения совершенства. В определении этой меры совершенства тех или иных явлений каждый человек абсолютно свободен. Эстетически идеальное как совокупность представлений о степени совершенства в той или иной сфере формируется и реализуется в индивидуальных действиях. Выделить общечеловечески значимое в проявлении прекрасного в этом случае достаточно непросто. С гносеологической точки зрения, в осознании прекрасного оно является мысленным образом реального предмета. Мысленное представление основывается на отображении исключительно совершенных качеств реального предмета, доводя его до гармоничности. В этом плане прекрасное – это построенная воображением мысленная модель предмета, гармоничные черты и совершенство которого доводятся мыслью

до предела, до степени определенной идеализации отражаемого предмета. Такая мысленная модель позволяет так или иначе аттестовать реальную действительность более индивидуалистично, т. е. различными мерами совершенства, а это означает реализовать важнейший элемент эстетической культуры личности – возможность выбора действия на основании эстетической оценки.

Если не представляется возможным отыскать баланс между внутренним и внешним, то такие эмоции и чувства можно обозначить как проявление безобразного. Безобразное противоположно совершенному как упорядоченному в явлении. Безобразное – это эстетическая категория, характеризующая беспорядочные, хаотичные черты того или иного явления в противоположность гармонии. Общечеловеческая значимость безобразного состоит в негативной, но еще не осуждающей, оценке обществом явлений безобразного. Размышления о безобразном доводят до предела разрушения явления, лишены целостности. Безобразное – это значит «безобразное», т. е. то, что невозможно представить в целостном виде. Лишенные образа, меры, порядка, патологичные, неодоухотворенные явления не осуждаются человеком, т. к. их даже представить, а значит рационально осмыслить, достаточно сложно. Тесно связанная с этическим эстетическая категория безобразного осмысливается в искусстве как изображение сущности зла, человеческой греховности, во многом свидетельствуя о наглядном беспорядке. Так категория безобразного переходит в уродливое. Однако в подлинно безобразном заложено стремление упорядочить, гармонизировать явления и предметы в противоположность хаосу настоящего.

Особые категории ценностно определяют разделение прекрасного и безобразного, разграничивают гармоничные и хаотичные явления, доводя их до выхода за пределы всякой меры. Такие категории осмысливают чрезмерное выражение упорядоченного и стихийного и называются категориями возвышенного и низменного. Возвышенное качественно определяется как прекрасное, только это качество проявляется как чрезмерно прекрасное, прекрасное в высшей мере, как безмерно прекрасное. Эта безграничность осознается человеком и поэтому вызывает восхищение. Если прекрасное всегда характеризуется конкретной формой, наложенным ограничением, а значит, тем, что понятно и объяснимо, то сущность возвышенного заключается в его безграничности, бесконечном величии по отношению к человеку, а значит, в несоизмеримости с человеческой способностью созерцания и воображения, восприятия и осмысления.

Возвышенное – это эстетическая категория, характеризующая ценность явлений и предметов, которые обладают положительной значимостью для общества, но в силу своей колоссальной мощи и масштаба не могут быть положительно освоены обществом и личностью. С точки зрения вызываемого эстетического чувства, различают две разновидности возвышенного: пафосно-величественную форму, приподнимающую достоинство человека, и грозно-устрашающую форму, подавляющую

человека. Острые шпили готических соборов выражают путь, ведущий человека к постижению Бога, путь, который может осуществить человек, рвущийся увидеть почти непостижимое и способный это сделать. С другой стороны, грандиозность и монументальность египетских пирамид подавляет человеческую личность, утверждая величие божественного проявления, на фоне чего человек представляется ничего не значащей песчинкой.

Линия относительной несвободы в возвышенном усугубляется в проявлениях низменного, которое таким образом противопоставляется возвышенному, демонстрируя явления полной, а не относительной, несвободы человека. Низменное – это эстетическая категория, характеризующая явления, обладающие большой отрицательной общественной значимостью и несущие угрозу для общества и личности. Если возвышенным характеризуется чрезмерно прекрасное, то низменным – крайняя степень безобразного. Негативная оценка обществом предметов и явлений низменного формирует этические установки для разнообразных конструкций социальных норм мифов, морали, права.

Линию взаимодействия прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного продолжают категории трагического и комического, которые выявляют противоречивость жизненных обстоятельств, представляя социальные отношения, столкновение жизненных позиций и судеб людей. Трагическое – это эстетическая категория, отражающая острейшие жизненные противоречия (коллизии), ситуации и обстоятельства, развертывающиеся в процессе взаимодействия свободы и необходимости и сопровождающиеся человеческими страданиями, смертью и уничтожением важных для жизни ценностей. Трагическое является родственной категорией для прекрасного и возвышенного, т. к. трагическое утверждает идею достоинства и величия человека, проявляющихся как в свободном действии человека, так и в страданиях, которые сопровождают эти действия в столкновении с силами необходимости. Трагическое осмысление получает свободное действие человека в ситуации его самоопределения, за что он несет полную ответственность, осознавая последствия своего деяния. Противоречивость трагического заключается в осознании свободного действия, за которым необходимо следуют последствия неотвратимого характера, наступающие его именно там, где он пытался преодолеть их или уйти от них.

Трагическое воспринимается как взаимодействие личностного и судьбы в связи с предназначением человека выполнить значимую для общества роль. Так, судьба понимается как безличная сила необходимости, а личностное – как значимые для общественных идеалов качества человека, реализующего свою ответственность за тот или иной поступок. Общество, с одной стороны, выступает необходимой силой, требующей выполнения поступка, а с другой – свободная воля человека позволяет ему исполнить нечто, предназначенное именно для него. В пассивном восприятии общественных требований отсутствует свобода, а значит, трагическое проявляется в добровольном и волевом следовании должному, в борьбе. В

этом и состоит победа свободы личности – в добровольном следовании неизбежному, где даже смерть утверждает жизненные ценности, раскрывает смысл существования.

Противовесом трагическому в многообразных его вариациях является комическое. Это эстетическая категория, отражающая социально значимые противоречия действительности с точки зрения эмоционально-критического к ним отношения. Комическое возникает в ситуации контрастирования иных эстетических категорий: противостояния безобразного прекрасному, низменного – возвышенному. Комическое связано с эмоциональной составляющей в виде психофизиологической реакции человека в виде смеха, улыбки. Этот контраст комического отмечается человеком в той ситуации, когда он знает, как необходимо было поступить, знает этическую приложимость. Однако если человек, оказавшись в подобной ситуации, засмеялся, то такая разновидность комического называется смешным. Смешное отрицает ситуационные моменты, разрушает противоречивость.

Эстетическая культура личности, составленная из трех базовых элементов – совпадающих ценностного и нормативного, идеального и предпочтительного – формируется на основании освоения эстетических категорий как общечеловеческих составляющих той или иной социокультурной ситуации. Конкретный опыт осмысления практических отношений человека и мира позволяет трансформировать категориальное знание в собственную позицию человека, выраженную в осознаваемых приемах и правилах поведения.

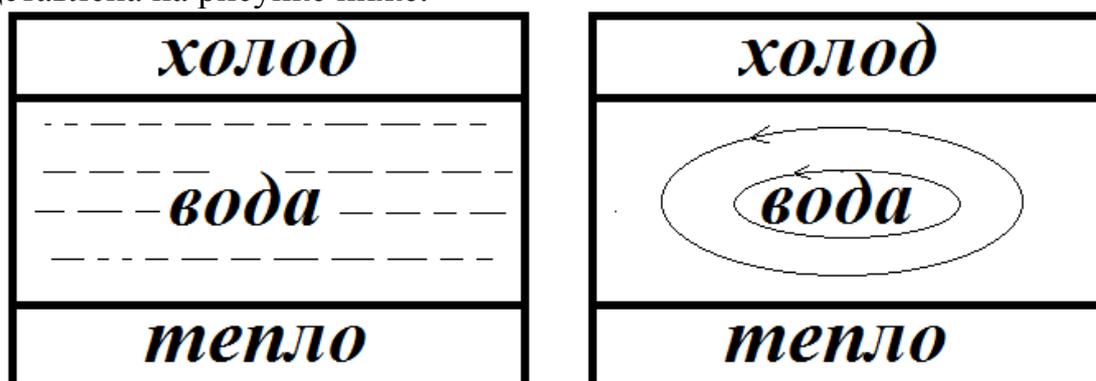
Поэтому категории эстетического знания формируют эстетическую культуру личности в трехэтапном развитии. Во-первых, при освоении эстетических категорий человек научается видеть сущность разнообразных явлений жизни, выделяя их единые для общественных отношений наиболее значимые стороны. Во-вторых, эстетические категории позволяют человеку выстроить четкую методику определения своего собственного поведения, определить соразмерность своих действий и общественных отношений, творчески самоопределиться. И, в-третьих, эстетические категории формируют жизненную позицию человека по отношению к миру, позволяющую ответственно избрать определенную стратегию в отношении конкретных проблем и поставленных перед человеком. Таким образом, эстетические категории позволяют соединить возможности и интересы свободной творческой индивидуальности с программами конкретно-исторической культурной действительности в их ценностном содержании общечеловеческого характера.

Проблема сложности и категории добра и зла

На первый взгляд общечеловеческие категории добра и зла слабо связаны с проблемой сложности, имеющей механистическую природу. Однако проблема сложности, со своей стороны, тесно связана с понятиями энтропии, развития, эволюции, борьбы, выживания и гибели... которые в свою очередь являются источником этических и моральных представлений. Понятия добра и зла, в свою очередь, тесно связаны с моральными представлениями общества. В различных обществах эти представления также различны, более того, со временем они претерпевают существенные изменения. Очевидно, что в большинстве своем представления о добре и зле направлены на сохранение и развитие общества – необходимое условие для его выживания. Таким образом, несложно установить соответствие между развитием общества, то есть его переходом с одной ступени развития на другую, с изменениями его моральных представлений. Такие изменения связаны как с появлением новых знаний, так и с изменением условий существования. Например, близкородственные связи оказываются под запретом, с тех пор как устанавливается их роль в появлении неполноценного потомства, или, с усилением роли государства, становятся непопулярными такие племенные традиции как охота за головами и кровная месть.

Животное, человек или общество, в целом, воспринимает свое развитие как «благо», так как это необходимое условие его выживания. Некоторые мыслители даже обожествляют развитие. Развитие же можно воспринимать как усложнение системы: физической, химической, биологической и социальной. А если имеется всеобщий закономерный процесс развития, то, может быть, даже имеет место «абсолютное благо»?

Давайте рассмотрим за счет чего, или какой ценой происходит это развитие. Для примера рассмотрим физическую систему, которая представлена на рисунке ниже.

Пусть имеется сосуд с водой подогреваемой снизу. Если внешнее воздействие на воду со стороны невелико (разность температур сверху и снизу мала), то вода будет находиться в покое, как показано на рисунке слева. Небольшое возмущение (движение) в воде будет затухать, то есть здесь имеет место механическое равновесие. Если увеличивать разность температур, то, начиная с некоторого порога воздействия, равновесие станет неустойчивым и любое небольшое случайное движение в воде приведет к возникновению вихревых структур – конвекции. Таким образом, в воде при увеличении внешнего воздействия появляются более сложные структуры. И всегда так – усложнение в системе происходит за счет внешнего воздействия. Вот теперь и поговорим о цене этого усложнения. В нашем примере перенос тепла от одной стенки к другой будет осуществляться быстрее в том случае, когда имеется конвекция, по сравнению с равновесным случаем. Представим, что мы однократно нагрели нижнюю и охладили верхнюю стенки и будем рассматривать уже не только воду, но и более общую систему – холодильник, вода, нагреватель. Очевидно, что в случае конвективного движения установление температурного равновесия в общей системе будет происходить быстрее, чем в том случае, когда вода неподвижна. Таким образом, можно сделать вывод: усложнение подсистемы приводит к скорейшей деградации общей системы за счет происходящего в ней движения. Приведенный пример несложно описать с помощью меры порядка – энтропии, но в данной работе не будем останавливаться на этом понятии, так как качественные перестройки системы можно описать без него.

Итак, усложнение системы происходит за счет внешнего воздействия, но за это усложнение расплачивается более общая система, которая за счет механизмов движения сама быстрее деградирует, т.е. становится менее сложной. Здесь явно прослеживается противоречие между системой и подсистемой.

Выводы из рассмотренного примера физической формы материи несложно распространить на другие формы: химическую, биологическую, социальную. Несомненно, в них свои способы движения, но везде усложнение возможно лишь за счет внешнего воздействия, а усложнение подсистемы приводит к обострению борьбы противоположностей всей системы и скорейшей ее деградации.

И мы опять приходим к моральным дилеммам, но уже с другой, возможно неожиданной стороны, развитие (усложнение) есть добро или зло?

Как минимум, физическая форма материи является базисом для всех остальных. Ей, судя по всему, грозит тепловая смерть – полная деградация. Не ведет ли единый закономерный процесс развития (в том числе человеческая деятельность) к скорейшей гибели вселенной?

Литература

4. Коблов А.Н. Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987.
5. Л.И.Крашкина. Категории добра и зла в книгах Живой Этики. – <http://yro.narod.ru/bibliotheca/dobro.htm>

СОДЕРЖАНИЕ

Патырбаева К.В. Вступительное слово научного редактора.....	5
Patyrbaeva K.V. The introduction.....	8
Раздел I. ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	9
Section I. PHILOSOPHY, CULTUROLOGY, STUDY OF ART	9
Worley S. Italy as a Code of Freedom: Louise Stolberg’s Anti-Napoleonic Salon in Florence, Italy	10
Uejima K. The limitation of advanced education in knowledge society for solution of economic disparity.....	24
Mazur D.V. The ethical bases of professional work of lawyer.....	37
Patyrbaeva K.V. The issue of subject of postindustrial society and modern Marxism.....	40
Киселева Е.С. «Метафизика познания» И.В. Гёте в интерпретации С.Л. Франка.....	44
Шиян Н.В., Арташкина Т.А. Архитектура и градостроительство в культурном пространстве России	48
Гуань Минчжу, Арташкина Т.А. Влияние внешних слов на развитие китайского языка	56
Ву Т.Н. Влияние китайской культуры на вьетнамскую культуру.....	61
Хасянова М.Г. Влияние средств массовой информации на формирование ценностных ориентаций современной российской студенческой молодежи.....	63
Гурлева Т.С. Внешний и внутренний диалог в открытии высокого жизненного смысла.....	66
Бербасов Я.В., Степанов А.Н. Идеалы как эстетические ценности... ..	68
Катунин А.В. Идея трансцендентального «Я» в философии И.Канта..	70
Каменщикова Я.Д. Иллюзии и надежды. Советский плакат 20 – 30 годов 20 века.....	79

Гафарова Ю.Ю. Инкультурация в современной культурной ситуации: между традицией и глобализацией.....	81
Байбородов А.Ю. Коэкзистенциальное общение: диалектика отчуждения и свободы	89
Никитич Л.А. Культура и цивилизация (Роль английской литературы в развитии английской цивилизации)	92
Смирнова Е.А. Магическая концепция происхождения искусства.....	101
Щербина И.В. Особенности сохранения и актуализации этномызыкальной традиционной культуры народов Украины в условиях глобализации.....	107
Ювковецкая Ю.А. Погляд етики та естетики на рекламу.....	114
Саяпин В.О. Проблема самоидентификации человека в виртуальном пространстве.....	116
Колосова Н.А. Діяльність меценатів Санкт-Петербургу та їх вклад в культурний розвиток Росії XVIII – початку ХХ ст.....	123
Малышев А.В. Так ЧТО же всё-таки надо ДЕЛАТЬ?!.....	128
Андреева Е.В. Тенденции развития музейной практики в контексте современных проблем межкультурной коммуникации.....	134
Корысько Н.М. Традиційна народна хореографічна культура України у мистецькій спадщині Мирослава Вантуха.....	144
Долгих А.Г. Философия, аксиология и современность.....	148
Нечитайло В.С. Хореографічне мистецтво як засіб самоідентифікації та соціалізації індивіда.....	153
Ху Яньли, Арташкина Т.А. Экспликация феномена глобализации в философской и научной литературе.....	158
Туровец С.Д., Степанов А.Н. Эстетическая суть добра.....	167
Юдаева Ю.С., Степанов А.Н. Эстетическая суть техники.....	168
Бочкова Т.И., Степанов А.Н. Эстетический смысл бытия человека....	170
Нартдинова С.С. Толерантность и межнациональные, конфессиональные отношения: философский аспект.....	172

Мельничук Л.Ю. Харьковская университетская школа искусствоведения. Егор Кузьмич Редин.....	177
Логинова Ю.К. Кантата «Москва».....	181
Лейдекер М.А. Взаимоотношения современной эстетики и классики...	184
Рябчикова М.С. Эстетические проблемы социальной коммуникации..	188
Вершинина А.А. «Солярис» как воспоминание о будущем.....	190
Ковязина Е.Е. Художественно-образная сфера жанра мадригальной комедии позднего Возрождения.....	194
Пенионжек Е.В. Ценностные категории эстетики в формировании эстетической культуры личности.....	197
Шкарапуга А.П. Проблема сложности и категории добра и зла.....	201

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Часть 1

Философия, культурология и искусствоведение

Материалы третьей международной
научно-практической конференции (26–28 апреля 2013 г.)

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка *К.В. Патырбаевой*

Дизайн обложки – А.В. Патырбаева (wolveran@mail.ru)

Подписано в печать 12.05.2013.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 12,03.

Тираж 100 экз. Заказ №____

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного

национального исследовательского университета

614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано на ризографе ООО «Учебный центр «Информатика»»

614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Scientific edition

**ACTUAL ISSUES
OF SOCIAL AND HUMANITARIAN SCIENCES**

Part 1

Philosophy, Culturology, Study of Art

The collection of scientific writings as a result of participation in the III International Theoretical and Practical Conference (Russian Federation, Perm, April 26th-28th of 2013)

Published in author's edition
Formatted by K.V. Patyrbaeva
Cover Design by A.V. Patyrbaeva (wolveran@mail.ru)

Printed by the Educational Center “Informatics”, Ltd
614990 Russian Federation, city of Perm, Bukireva Street, 15

